
ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1950

На первой странице обложки: выступление товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы 9 февраля 1946 года в Большом театре.

Фото С. Лоскутова

На последней странице обложки: ДЕНЬ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР. Картина худ. А. Волкова (Всесоюзная художественная выставка 1949 года).

Трижды Герой Советского Союза И. Н. Кожедуб — кандидат в депутаты Верховного Совета СССР — среди ребят в Ленинградском Дворце пионеров имени А. А. Жданова.

Фото Д. Трахтенберга

ОГОНЁК № 11 (1188) 12 МАРТА 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Вячеслав Михайлович **МОЛОТОВ.**

К 60-летию со дня рождения.

ПОД ЗНАМЕНЕМ КОММУНИЗМА

Великий и могучий советский народ избирает высший орган государственной власти — Верховный Совет СССР.

В истории нашей социалистической Родины день 12 марта 1950 года будет отмечен как крупная веха на героическом пути народа-творца, идущего под знаменем партии Ленина — Сталина к радостному коммунистическому завтра.

Отшумели, словно весеннее половодье, предвыборные митинги и собрания, на которых спокойно и уверенно звучал голос советского гражданина, хозяина и строителя своей судьбы. Рачительно подсчитан богатый урожай новых трудовых побед, одержанных в честь всенародного праздника. Этот урожай взрастила вся наша многомиллионная семья — рабочие, колхозники, люди науки и культуры. И теперь с чувством радостного волнения советские люди исполняют свой гражданский долг, осуществляют свое право, записанное в Сталинской Конституции.

Общее чувство роднит миллионы советских людей, переступающих порог избирательного участка. Они хорошо знают, за кого отдают свои голоса, такие значительные и веские в условиях советской демократии. Они твердо знают, кого снова и снова поддержит их могучая трудовая рука, которая держит сейчас избирательный бюллетень.

Советский человек глубоко и преданно любит свою родную большевистскую партию, лучших сынов и дочерей Отчизны — коммунистов, своего Сталина — совесть мира и светоч веков. Эта искренняя любовь есть всенародное признание и подтверждение того, что вся деятельность партии, все ее великие свершения, все новые грандиозные дерзания служат одному делу — делу народа, его свободе и счастью.

Всемирно-исторические победы достигнуты советскими людьми под водительством партии большевиков. После октября 1917 года, давшего власть в руки рабочих и крестьян, Родина наша непрерывно идет вверх по ступеням величия и славы. Сколько героических подвигов на этом блистательном пути! Каких титанов труда и мысли — советских патриотов — взрастила коммунистическая партия, какую энергию и волю проявляют эти люди!

Центральный Комитет ВКП(б) в своем Обращении ко всем избирателям говорит: «Ныне нет государства более прочного, чем Союз Советских Социалистических Республик. Советский общественный и государственный строй является лучшей формой организации общества, самым жизнеспособным строем в мире».

Прочность, жизнеспособность советского строя во всем: и в успехах наших пятилетних планов, и в гранитном единстве нашего социалистического общества, и в горячей братской дружбе всех народов Советского Союза, и во все растущем накале творческого труда миллионов, устремленного к одной цели — коммунизму.

Своими успехами, немыслимыми ни при каком другом общественном строе, социалистическое общество доказало великую правоту провидческих слов бессмертного нашего учителя Ленина о том, «что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития».

Неугасимо горит пламя советского патриотизма. В этом пламени, обладающем чудесной животворной силой, родился и закалился избирательный блок коммунистов и беспартийных, братский союз людей одной цели. Вот почему коммунисты и беспартийные с таким единодушием называли кандидатуры в депутаты Верховного Совета СССР.

Первым прозвучало над всей страной имя родного и любимого Сталина, чья жизнь и деятельность — величайший пример беззаветного служения трудовому народу, делу освобождения трудящихся от гнета и эксплоатации, делу коммунизма.

Народ назвал имена лучших своих сынов и дочерей, передовых людей страны, тех, кто полностью отвечает высоким требованиям советской демократии.

Избиратели выразили единодушное желание видеть в верховном органе власти ближайших соратников товарища Сталина — руководителей партии и выдающихся государственных деятелей — товарищей В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна, А. А. Андреева, Н. С. Хрущева, Н. А. Булганина, Н. М. Шверника, А. Н. Косыгина.

Трудящиеся выдвинули кандидатами в депутаты славных представителей героического рабочего класса Советского Союза, таких, как лауреаты Сталинской премии Н. А. Российский, А. С. Чутких, А. П. Готчиев, Герой Социалистического Труда В. Р. Семыкин, и многих других новаторов нашей могучей промышленности, высоко несущих знамя социалистического соревнования.

Как бы перекликаясь с городом, советская деревня также выдвинула в Верховный Совет СССР лучших своих питомцев, взращенных большевистской партией, колхозным строем, Героев Социалистического Труда Ф. М. Гринько, М. Г. Лысенко, П. Н. Ангелину, Басти Багирову и иных знаменитых стахановцев социалистических полей.

Лучшие представители нашей интеллигенции, выдающиеся ученые, писатели, деятели искусства и народного просвещения С. И. Вавилов, Т. Д. Лысенко, А. А. Фадеев, М. А. Шолохов, учительница Е. А. Апушкина и многие другие славные сыны и дочери советской Отчизны также названы в числе тех, кому народ оказывает свое высокое доверие.

Широкое всенародное обсуждение кандидатур будущих депутатов с полной ясностью показало, что кандидаты сталинского блока коммунистов и беспартийных — это плоть от плоти, кровь от крови народа, люди, несущие в себе лучшие черты советского человека сталинской эпохи.

Вот почему выборы в Верховный Совет СССР вне всякого сомнения превратятся в еще одну мощную демонстрацию любви народной к большевистской партии, к родному Сталину и принесут блистательную победу кандидатам блока коммунистов и беспартийных.

Новые депутаты, собравшись на первую сессию Верховного Совета СССР, подведут итоги уже достигнутого советским народом, наметят планы дальнейшего развития нашей великой социалистической державы.

Итоги эти составляют самые блестящие страницы истории человечества. Не прошло еще и пяти лет после окончания Великой Отечественной войны, в которой под мудрым водительством товарища Сталина советские люди отстояли завоевания социализма от немецких и японских империалистов и спасли народы всего мира от фашистского порабощения. За эти недолгие годы советские труженики уже восстановили сотни и тысячи городов и сел, предприятий, колхозов и совхозов. Наша страна не только не оказалась отброшенной в результате войны на десятки лет назад, но достигла нового могучего подъема во всех областях социалистического хозяйства и культуры.

Наша промышленность уже значительно превысила довоенный уровень производства. Наше социалистическое сельское хозяйство вновь и вновь показало свою великую жизненную силу: страна собрала уже урожай, который почти достигает уровня, намеченного пятилетним планом на 1950 год. Свыше 36 миллионов юношей и девушек обучается в наших школах и техникумах, 1128 тысяч человек овладевают науками в высших учебных заведениях страны.

То, о чем и мечтать не может умирающий мир капитализма, оказалось по плечу людям нового, светлого мира, в котором нет эксплоатации человека человеком, анархии производства, ужасов безработицы и нищеты масс.

Наша действительность превзошла самые увлекательные мечты народов Востока и Запада, тружеников Нового и Старого Света. К чему бы ни призывала партия коммунистов наш народ: будь это строительство заводов или прокладка новых железных дорог, рост урожаев или приумножение стад колхозных, преобразование природы наших степей или раскрытие секрета атомной энергии, — все может, всего достигает, все осуществляет освобожденный и воодушевленный великими идеями гордый советский Человек.

Присуждение на днях 1285 советским людям Сталинских премий за выдающиеся научные работы, выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы — яркое свидетельство наших новых замечательных успехов.

Человек Советской страны полон творческой энергии потому, что он работает не на тунеядцев — капиталистов и помещиков, а на самого себя, на своих детей, на счастье своего народа. Социализм и благосостояние трудящихся масс неразрывны и неотделимы. И подобно тому, как под лучами весеннего солнца растет и расцветает все живущее, так и сталинская забота коммунистической партии о благе народном поднимает жизнь советского человека все выше и выше.

Партия и правительство осуществили на днях уже третье после войны снижение цен на продовольственные и промышленные товары. За два с небольшим года население Советского Союза выиграло в общей сложности от этих снижений 267 миллиардов рублей. Нельзя забывать при этом, что национальный доход Советского Союза, а значит, и доход каждого в отдельности рабочего, служащего и колхозника непрерывно растет. Это ли не ярчайшее свидетельство того, что в соревновании социалистической и капиталистической систем наша Советская страна семимильными шагами уходит все дальше вперед, прокладывая путь всему трудовому человечеству!

Советские люди, пламенные патриоты своей Родины, неутомимые кузнецы своего счастья, преисполнены гордости за успехи социализма. От глубины души благодарят они родную большевистскую партию, великого Сталина за их мудрое руководство, за неустанные заботы о нуждах трудящихся. От всего сердца народ обещает ответить на эти заботы новыми победами в труде.

Везде, во всех странах земного шара гремит среди людей труда слава нашей Отчизны. С надеждой и верой смотрят на нее все обездоленные и угнетенные. И как бы ни лгала о нас реакционная печать — прислужница империализма, — правда об СССР находит пути к сердцам миллионов тружеников. «Народ Советского Союза свободен,— заявляет шотландский горняк Хью Гедесс, недавно посетивший СССР,— у него нет хозяев, которые эксплоатировали бы его; страна и промышленность принадлежат народу; все производимые товары используются для общего блага, для того, чтобы жизнь в Советском Союзе была лучше и краше».

Это понимает не только рабочий-горняк из Шотландии. Об этом знает французский металлист, итальянский каменотес, чикагский токарь, турецкий землепашец, иранский нефтяник. Об этом не только знают, но и следуют уже нашему великому примеру миллионы трудящихся стран народной демократии.

Борьба за мир во всем мире, за срыв агрессивных планов англо-американских империалистов, готовящих войну против Советского Союза, стала могучей, все нарастающей силой современности. Силы мира намного превосходят силы войны. Человечество видит в могучем лагере борцов за мир и безопасность народов не только Советский Союз, но и страны народной демократии, и великий освобожденный Китай, и демократическую Германию. Кроме того этот грозный для поджигателей войны лагерь окружен плотной стеной сотен миллионов простых людей стран капитализма, людей, чьи разум и совесть, чувства и желания с нами, свободными и счастливыми советскими людьми.

За это подлинное счастье, добытое в боях и труде, за уверенность в своем будущем, за великое братство людей труда во всем мире голосует великий советский народ, пришедший на выборы под непобедимым знаменем партии Ленина — Сталина.

Монолитный и могучий советский народ голосует за коммунизм!

ВЕРНЫЙ СОРАТНИК ВЕЛИКОГО СТАЛИНА

Девятого марта исполнилось шестьдесят лет со дня рождения одного из крупнейших деятелей большевистской партии и советского государства, верного соратника великого Сталина — Вячеслава Михайловича Молотова.

Нет в Советском Союзе человека, который бы не знал имя товарища Молотова, не произносил бы его с чувством глубокого уважения. Имя товарища Молотова широко известно и в мировом революционном движении. Как последовательного проводника сталинской внешней политики советского государства и борца за мир и демократию товарища Молотова знают сотни миллионов простых трудящихся людей во всем мире.

Жизненный путь Вячеслава Михайловича Молотова — это типичный путь представителя старой большевистской гвардии, самоотверженного борца за дело рабочего класса, бесстрашного профессионального революционера, преданного и верного помощника и соратника великих создателей большевистской партии и советского государства Ленина и Сталина.

Вячеслав Михайлович Молотов родился в трудовой семье в слободе Кукарке, Вятской губернии (ныне Кировская область). Пятнадцатилетним подростком, будучи учеником Казанского реального училища, товарищ Молотов становится в 1905 году участником революционного движения, а через год вступает в ряды большевистской организации города Казани. Четыре года подряд он принимает горячее участие в казанской революционной организации учащихся и ведет партийную пропаганду среди рабочих.

Активная революционная деятельность товарища Молотова обращает на него внимание царской охранки, и в апреле 1909 года он подвергается аресту и высылается на два года в Вологодскую губернию.

Окончание ссылки в середине 1911 года позволяет товарищу Молотову покинуть Вологду. Сдав экстерном экзамены за курс реального училища, он переезжает в Петербург и поступает в Политехнический институт.

Здесь перед молодым большевиком, уже имеющим многолетний опыт революционной борьбы, открывается огромное поле деятельности, и он с головой уходит в работу по организации и сплочению передовой студенческой молодежи петербургских высших учебных заведений.

Переезд товарища Молотова в Петербург совпадает с подъемом революционного рабочего движения. На гребне этого подъема возникают большевистские газеты — «Звезда», а затем «Правда». Сотрудничая в «Звезде» и принимая активное участие в создании ежедневной большевистской газеты «Правда», товарищ Молотов встречается впервые с товарищем Сталиным, организатором и идейным вдохновителем «Правды». Товарищ Молотов показывает себя незаурядным публицистом-большевиком.

Царские ищейки ходят по следу бесстрашного революционера, и товарищ Молотов вынужден перейти на нелегальное положение. За годы, предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции, он неоднократно попадает в руки охранки. Дважды его высылают из Петербурга с запрещением жить в крупнейших промышленных городах и столицах. Летом 1915 года царские жандармы арестовывают товарища Молотова в Москве и в сентябре того же года отправляют этапным порядком в ссылку в Иркутскую губернию.

Но ни аресты, ни ссылки не мешают товарищу Молотову отдавать все свои силы борьбе за подготовку рабочего класса России к предстоящему штурму капитализма.

Товарищ Молотов минует все рогатки, расставленные царскими жандармами, и, не боясь беспокойной жизни нелегального революционера, принимает участие то в Петербурге, то в Москве в массовых мероприятиях партии, в профсоюзном движении, в работе по сплочению партийных организаций, деятельно помогает Ленину и Сталину в их непримиримой борьбе против меньшевиков-ликвидаторов и других врагов большевизма внутри рабочего движения.

Из сибирской ссылки товарищ Молотов через восемь месяцев бежит и вновь включается в работу петербургской большевистской партийной организации. Став осенью 1916 года членом Российского бюро ЦК большевиков, товарищ Молотов вплоть до революционных событий 1917 года, будучи на нелегальном положении, активно работает в Петрограде и Москве как публицист, пропагандист и партийный организатор. Революционные события 1917 года застают его на боевом посту в рядах руководителей петроградских большевиков.

В дни Февральской буржуазно-демократической революции товарищ Молотов, будучи членом Петроградского комитета РСДРП (большевиков), становится активнейшим участником большевистской фракции Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих депутатов и до возвращения товарища Сталина из сибирской ссылки руководит восстановлением и выпуском большевистской «Правды».

В дни между февралем и октябрем товарищ Молотов, участвуя в Апрельской партийной конференции и в работах VI съезда партии, равно как и в своей работе на посту одного из главных редакторов «Правды», последовательно борется за ленинско-сталинскую партийную линию.

В дни Октябрьской социалистической революции товарищ Молотов — член Военно-революционного комитета, руководившего октябрьским восстанием.

После октябрьской победы товарищ Молотов, как верный помощник и соратник Ленина и Сталина и активнейший борец против всех антиленинских уклонов в партии, выполняет ответственнейшие задания в области народного хозяйства и партийного строительства. После изгнания колчаковских банд из Поволжья партия поручает товарищу Молотову восстановить в этих районах советскую власть. 1920 год застает товарища Молотова на освобожденной от белогвардейских полчищ Украине на посту секретаря ЦК КП(б)У.

С 1921 года товарищ Молотов работает в Москве. Во всех партийных дискуссиях тех лет он последовательно отстаивает ленинско-сталинскую линию. Избранный на X съезде партии членом и ответственным секретарем Центрального Комитета партии, товарищ Молотов становится верным помощником товарища Сталина в борьбе за железное единство партийных рядов, в титанической работе по сплочению партии — работе, которая шла в непрерывной борьбе с презренными наймитами капитализма — троцкистами, бухаринцами и прочей агентурой классового врага.

В эти годы партия направляла товарища Молотова на самые ответственные участки — туда, где требовалась железная воля, ясность партийной позиции, непримиримость ленинца-сталинца в отстаивании партийной линии от посягательств всех врагов партии и народа.

Так, посланный партией в 1928 году на пост руководителя московской партийной организации, товарищ Молотов, совмещая эту работу с обязанностями секретаря Центрального Комитета партии, возглавил под руководством товарища Сталина борьбу против правых и содействовал их полному идейному разгрому и разоблачению в московской организации.

Таким же беззаветным борцом за ленинско-сталинскую линию, против врагов большевизма товарищ Молотов проявил себя и в деятельности Коминтерна, где Троцкий, Бухарин, Зиновьев и их зарубежные подпевалы пытались расколоть и дезорганизовать международное рабочее движение.

Огромная работа товарища Молотова по подготовке великой октябрьской победы, по созданию и укреплению советской власти, мужественная борьба за единство партийных рядов и беспредельная преданность делу Ленина—Сталина снискали товарищу Молотову уважение и любовь трудящихся Советского Союза, и он, как достойнейший сын большевистской партии, 19 декабря 1930 года был выдвинут на пост председателя Совета Народных Комиссаров СССР. Свыше десяти лет товарищ Молотов с честью выполнял обязанности главы советского правительства и, будучи ближайшим соратником товарища Сталина, участвовал в руководстве всемирно-историческим процессом построения социализма в нашей стране в незабываемые годы сталинских пятилеток.

Вступая на пост председателя Совета Народных Комиссаров, товарищ Молотов говорил на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1930 году:

«В течение последних лет мне пришлось, в качестве секретаря Центрального Комитета, проходить школу большевистской работы под непосредственным руководством лучшего ученика Ленина, под непосредственным руководством товарища Сталина. Я горжусь этим.

...Заявляю вам, товарищи, и на работу в Совнарком я иду в качестве партийного работника, в качестве проводника воли партии и ее Центрального Комитета».

Годы работы товарища Молотова председателем Совета Народных Комиссаров СССР и последующего участия в руководстве партией и государством являются ярким доказательством того, что это обещание, данное партии, он выполнил с честью.

В период Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками товарищ Молотов на посту заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР и на ответственнейшем посту народного комиссара, а впоследствии министра иностранных дел был верным помощником товарища Сталина в организации победы над врагами нашего социалистического Отечества. В эти годы, когда решались судьбы человечества, он был талантливым проводником сталинской внешней политики нашего государства. Его талант советского дипломата во многом содействовал тому огромному росту влияния СССР на решения международно-политических проблем, которые имели место и в эпоху войны и в послевоенное время.

Шестидесятилетие застает товарища Молотова в расцвете сил на важнейшей партийной и государственной работе.

Советские люди — рабочие, колхозники, интеллигенция — любят и уважают Вячеслава Михайловича Молотова, как одного из славнейших представителей старой большевистской гвардии, выдающегося деятеля ленинско-сталинской школы, верного соратника великого зодчего коммунизма.

В дни проходящей ныне избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР советские люди вновь с величайшей наглядностью показали свое уважение и любовь к товарищу Молотову. В разных концах страны трудящиеся называли имя товарища Молотова, как своего кандидата в депутаты, видя в нем ближайшего помощника товарища Сталина.

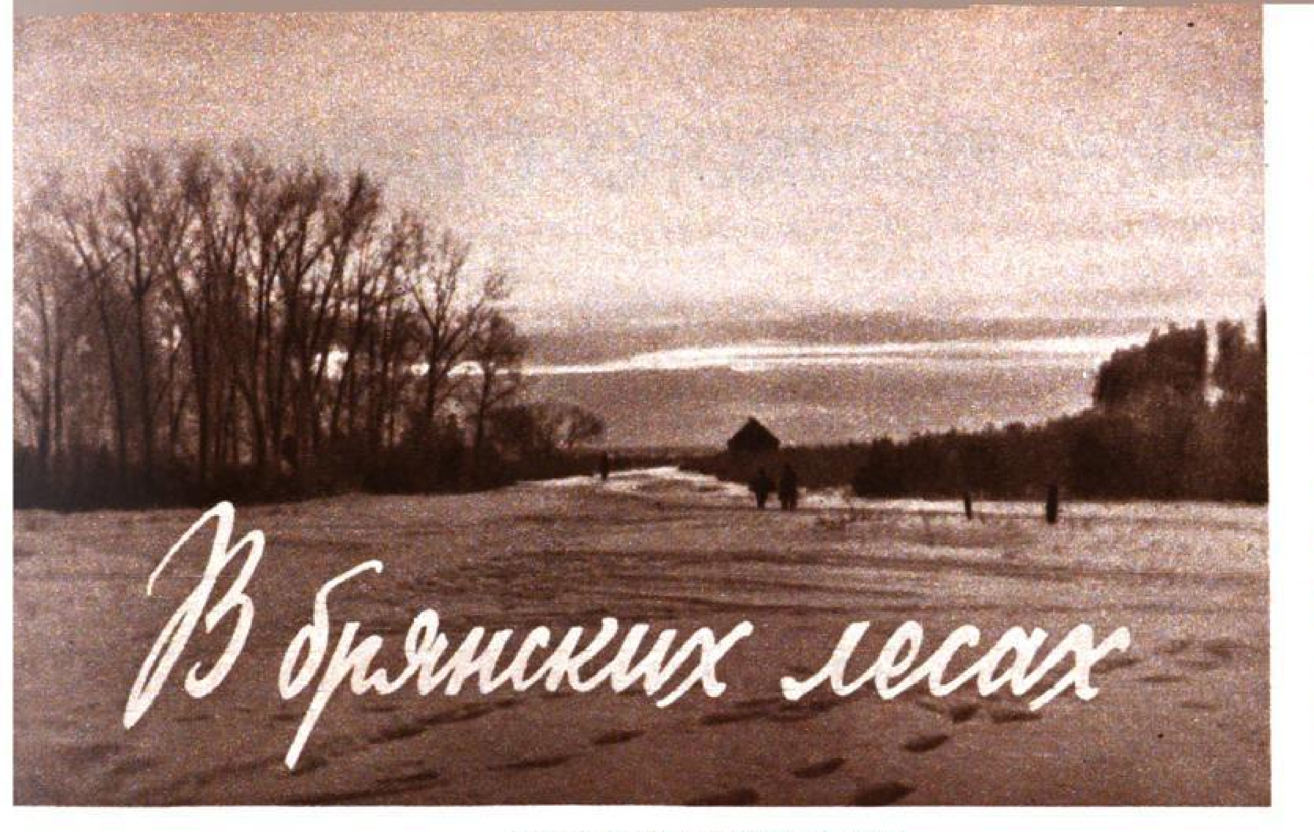
Выступая с докладом на торжественном заседании в Большом театре, посвященном тридцатилетию Октября, товарищ Молотов говорил:

«Великая Октябрьская социалистическая революция раскрыла глаза народам, что век капитализма приходит к концу, и что открыты надежные пути ко всеобщему миру и к великому прогрессу народов. Судорожные усилия империалистов, под ногами которых колеблется почва, не спасут капитализма от приближающейся гибели. Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму».

За годы, прошедшие с тех пор, когда были сказаны эти слова, грандиозные события в жизни нашей Родины и в жизни народов мира снова и снова подтвердили их правильность.

И в те победы, которые народы нашей Родины одержали на своем победоносном пути к коммунизму, вложена большая революционная энергия и большевистская преданность славного сына партии Ленина — Сталина, одного из деятельнейших соратников товарища Сталина — Вячеслава Михайловича Молотова, отдавшего свыше четырех десятилетий своей жизни борьбе за победу коммунизма.

Алексей СУРКОВ

В брянских лесах

Фотоочерк М. САВИНА, Н. МАР

Молчаливо стоят могучие сосны и ели. Над брянскими лесами подымается зимнее солнце. И в самой чаще сурового и величественного леса под тонкими золотыми лучами, пробивающимися сквозь зеленую стену, оживают волнующие картины недавнего прошлого.

Вот под низким кустарником засыпанный снегом старый окоп. Вот свежий лисий след у полуразрушенного пулеметного гнезда. Вероятно, здесь, на мощных ветвях изрубленной осколками сосны, располагался наблюдатель, оберегавший покой своих боевых друзей.

Здесь брянские партизаны сражались за Родину. Здесь, в «Партизанском крае», они были полными хозяевами и свято берегли советские законы и порядки. Здесь они боролись и побеждали: немало отборных гитлеровских дивизий полегло от ударов брянских партизан. Неколебимой была вера партизан в советскую власть, в родную партию большевиков, в великого Сталина.

— Вот на этой самой опушке, ребята, ваши отцы и деды осенью сорок первого года приняли первые бои,— рассказывает ученикам Наталья Зиновьевна Трубина (фото № 1).— И здесь же осенью сорок третьего года партизаны, соединившись с частями Советской Армии, нанесли фашистам грозный удар.

Дети внимательно слушают свою учительницу, боевую партизанку, которая долгие месяцы провела в отряде в боях и походах.

Фашисты начисто спалили все деревни Клюковенского сельсовета, Навлинского района. Не осталось ни одной избы, ни одного амбара, ни одного скотного двора.

Первыми на пепелище пришли из леса председатель сельсовета Макар Афанасьевич Ермачков и учительница Наталья Трубина. А вслед за ними из партизанских лагерей в деревню Клюковники вернулись старики, женщины, дети. Сварив на кострах суп из полевого щавеля, они принялись рыть землянки...

Вот они, отмеченные высокими правительственными наградами клюковенские партизаны (фото 2, слева направо): Никита Буряков, ныне кладовщик колхоза «Пахарь», Алексей Стрельников, ныне председатель колхоза «VII съезд Советов», железнодорожник Сенин, колхозники Василий Кузнецов, Иван Пахомов, Семен Семин. Осенью сорок первого года все мужчины в Клюковниках взялись за оружие. Некоторые из них ушли в ряды Красной Армии, другие — в лес, в партизанский отряд имени Шаумяна... Десятки бойцов потеряла деревня в великих сражениях за Родину, многие из них пали в партизанских боях. Их имена начертают на мраморе будущего памятника. Но самый лучший памятник павшим — новая деревня, поднявшаяся на голом поле, там, откуда, казалось, жизнь ушла на десятки лет.

...Мы беседуем с Макаром Афанасьевичем Ермачковым. Какой убыток понесла деревня от вражеского нашествия? 1940 тысяч рублей. Что было уничтожено врагом? Все, абсолютно все: постройки, скот, колодцы... Что восстановлено? Взгляните на новую деревню (фото № 3), и вы поймете.

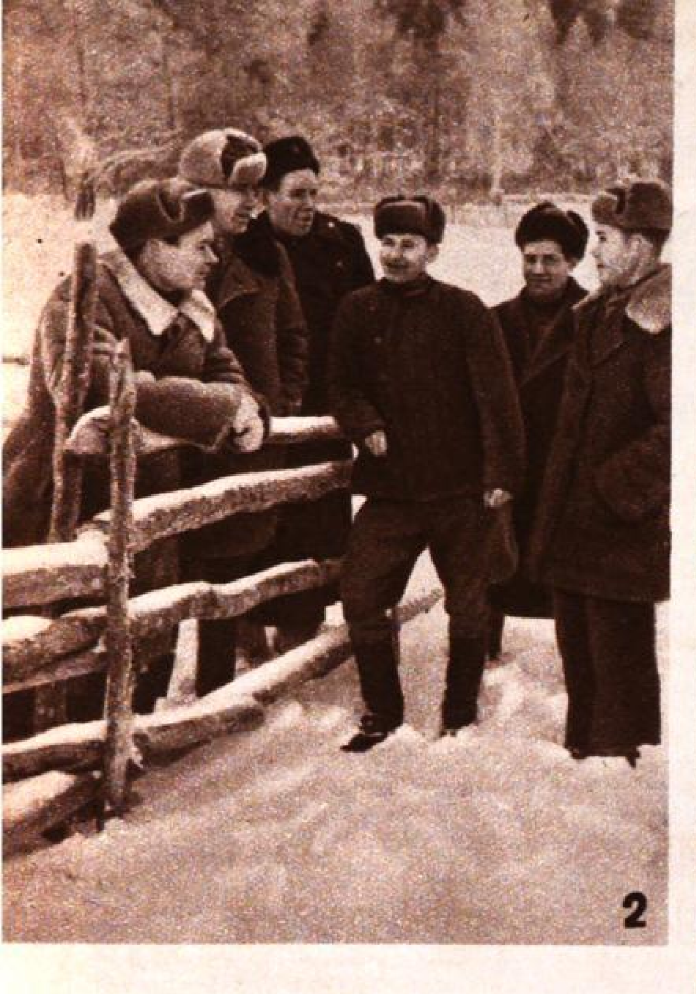
Осенью 1948 года, в канун Октябрьского праздника, опустела последняя землянка: новоселье справила семья Авдотьи Ивановны Пахомовой. Теперь все живут в новых домах. Выстроены здания сельского совета и школы-семилетки, магазин, медицинский пункт, девять скотных дворов, шесть зернохранилищ, четыре риги для сушки зерна, кирпичный завод, колхозный клуб, баня.

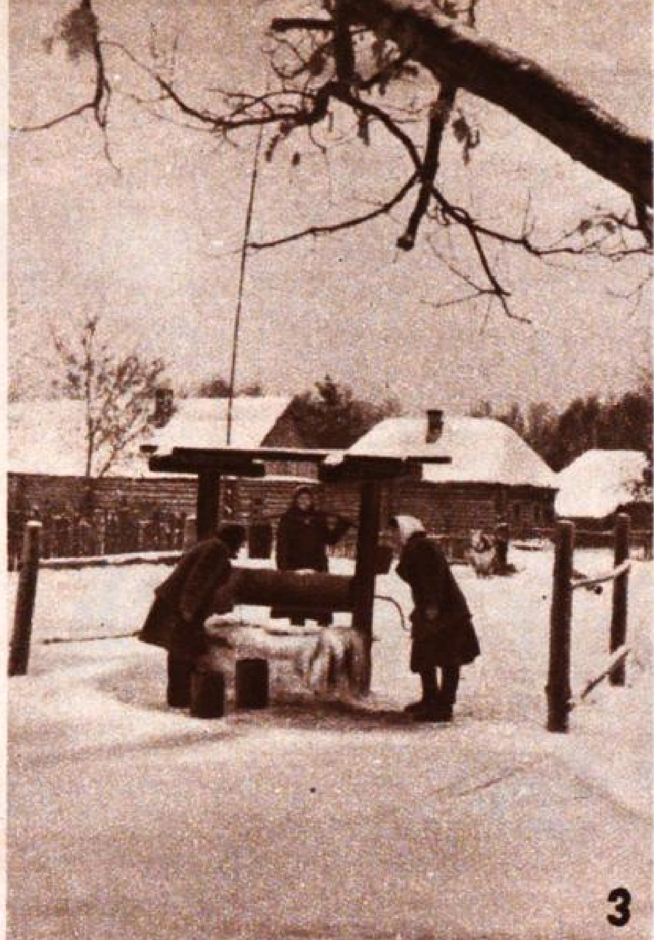
— Партия, товарищ Сталин сказали: строиться! Нам помогли всем необходимым. Вот мы и отстроились, и вроде неплохо. Но это — только начало. Новая деревня будет лучше старой!..

Покуда Макар Афанасьевич рассказывал нам, как государство помогало клюковенцам в тяжелые послевоенные годы («Не было ведь ни гвоздя, ни молотка, ни зернины, ни овощины»), в деревне бурлил трудовой день.

...Руководимый демобилизованным солдатом, коммунистом Григорием Поляковым, колхоз «Пахарь» после войны быстро встал на ноги. В 1943 году в колхозе не то что коров, козы не было. А сейчас он имеет четыре фермы — 65 коров и быков, 43 овцы, 22 свиньи. В сорок шестом году колхозники смогли засеять всего 30—40 гектаров, и на трудодень тогда причиталось 200 граммов зерна, а теперь бывший партизанский разведчик, 67-летний Степан Петрович Емлютин говорит, что у него «зерна на три года хватит...». Колхоз «Пахарь» раньше всех подготовился к весне. С помощью кузнеца Игнатова отремонтирован инвентарь.

1

Работа идет и в лесу, обступившем поля и луга. В годы войны здесь погибло немало деревьев. Теперь на их месте высажен молодняк. И лесничий Анатолий Иванович Беликов (фото № 4) часто проверяет, как растут молодые сосны.

В свободное от учебы время школьники собирают в лесу сосновые шишки, которые посылают в ЛЗС, на будущие государственные лесные полосы. Вот и сейчас ученицы Шура Чубасова, Шура Алешина (фото № 5) и многие их друзья торопятся заполнить корзинки. И уже начались работы в наполовину вырубленном фашистами и ныне возвращенном к жизни колхозном саду (фото № 6).

...У каждого в деревне свои дела. Совершает обход колхозный письмоносец Даша Семина, которой надо раздать около 100 экземпляров газет, журналы и письма.

В сельский медицинский пункт на консультацию к фельдшеру Таисии Холостяковой пришли с детьми молодые матери — Валентина Козлова и Мария Зенухина.

Много радостных, светлых забот у клюковенских колхозников. Но в эти дни не было у них более важного дела, чем подготовка к выборам в Верховный Совет СССР. Вся деревня готовилась к выборам, как к большому народному празднику. Сегодня в сельском совете снова собираются агитаторы. Вот они на санях едут на совещание (фото № 7). Председатель сельского совета Макар Ермачков говорит агитаторам, как всегда, просто и ясно (фото № 8):

— Каждый колхозник всем своим сердцем чувствует, что́ для нашей страны, для нашего народа и, в частности, для нашего «Партизанского края» означают эти выборы...

После совещания агитаторы: секретарь комсомольской организации Соня Давыдова (фото № 9, первая справа), комсомольцы Женя Стрельникова, Валя и Зоя Ермачковы и Станислав Володин — торопятся к избирателям.

...Солнце уже опустилось за лес. В окнах зажглись огни. Дети готовят уроки. Учительница Трубина проверяет тетрадки. Счетовод Дмитрий Фролов пишет письмо своим племянникам Шуре и Толе Поляковым, сыновьям погибшего партизана, которые сейчас учатся в Куйбышевском суворовском училище. Комсомолка Женя Стрельникова читает «Молодую гвардию». Учится рядовой колхозник Иван Иванников; на фронте он был дважды ранен и в сорок пятом году вернулся в опустошенную врагом деревню.

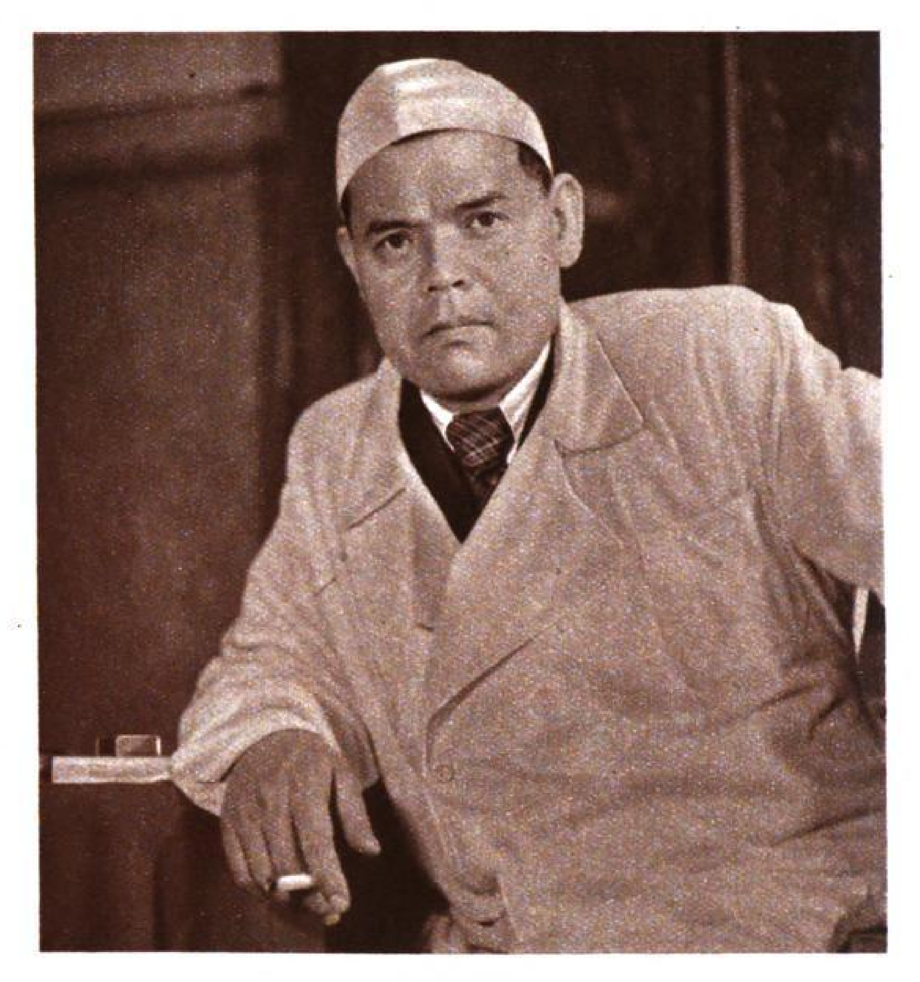
Иванников жил с семьей в погребе и, еще не оправившись от ран, взялся за пилу и топор. Коммунист, он был первым в атаке, первым и в труде... А вечерами, когда засыпали дети, он придвигался поближе к свече и читал «Вопросы ленинизма» И. В. Сталина, мечтая о том, как отстроится колхоз, как все переселятся в новые дома и как жизнь вновь будет торжествовать в его родном брянском лесу. Теперь все это добыто, завоевано, сделано. И снова Иванников медленно, не торопясь, читает заветную книгу, учась тому, как быстрее идти дальше, вперед, к коммунизму...

Брянский лес!.. Под яркими звездами тихо шумят высокие сосны. Спокойным сном засыпают жители деревни. Только ночной сторож — отважный партизанский разведчик дедушка Емлютин — бодрствует. Он крутит цыгарку и, прислушиваясь к каждому шороху, хранит покой своей деревни.

УЧЕНЫЙ ИЗ СТРАНЫ ГОР

И. К. Ахунбаев.

Есть на берегу древнего озера Иссык-Куль киштак Тур-Айгыр. Пенистые волны «Киргизского моря» и белоснежные горы будто хотят отделить его от всего мира. И кажется, что только дикие ветры, проникающие через горные перевалы, да бурные потоки, в которые превращаются голубоватые ледники, нарушают его тихую жизнь...

Но не тиха сегодня жизнь в старом киргизском киштаке! И не дано ни горам, ни озерам отгородить его от всей нашей страны. И когда в незабываемый вечер 21 декабря 1949 года радио донесло сюда, на берега Иссык-Куля, из Большого театра в Москве знакомый голос оратора, сердца киргизов наполнила безмерная гордость. Это говорил их посланец, бывший пастух из Тур-Айгыра. Это говорил прославленный ученый из страны гор Иса Коноевич Ахунбаев, которому народ Киргизии поручил поздравить Иосифа Виссарионовича Сталина с семидесятилетием, передать ему сердечную благодарность за обретенное счастье и пожелать многих, многих лет жизни на благо всех трудящихся.

Ахунбаев стоял на трибуне и горячо говорил то, о чем думал и что переживал вместе с ним народ, пославший его в Москву:

— Все успехи киргизского народа в развитии его социалистической государственности, экономики и культуры, вся наша счастливая жизнь неразрывно связаны с именем великого Ленина и Вашим именем, товарищ Сталин.

Оратор перевел дыхание. На какую-то долю минуты взгляд его задержался на лицах людей, сидевших в президиуме. Он увидел лицо Сталина, родное, близкое, с самыми зоркими и проницательными глазами. Он видел Сталина, и Сталин внимательно слушал его. И когда Ахунбаев, продолжая свою речь, сказал, что лучшие мечты киргизского народа, воспетые в древнем эпосе «Манас», осуществились в великую сталинскую эпоху, он говорил и о своих былых мечтах — мечтах мальчика из киргизского киштака Тур-Айгыр, что раскинулся на берегу озера Иссык-Куль...

В том 1908 году, когда родился Иса Ахунбаев, в киштаке Тур-Айгыр все было так же, как в любом месте Киргизии: бесправие, нищета, болезни. Здесь нельзя было найти ни одного грамотного киргиза. Знахарь «врачевал» от всех болезней, о керосиновой лампе говорили как о чуде.

С ранних лет мальчик пас чужой скот, защищал кошары байских овец от волков и непогоды. Ему уготована была судьба покорного раба богатых скотовладельцев, жизнь без радости и будущего...

Однажды в соседней юрте, такой же грязной и рваной, как и юрта отца Исы, послышались душераздирающие крики и стоны. Там в горячке умирала роженица. Киштак всполошился. Мулла напомнил поверье о том, что только с помощью беркутчи можно изгнать «злой дух», вселившийся в больную. По зову муллы он появился верхом на коне, в сопровождении гончих собак, с беркутом на руке.

Охотник подъехал к юрте, закрыл голову беркута шапкой и внезапно помчался вдоль берега Иссык-Куля. Отъехав километра два, беркутчи дико свистнул и во весь опор поскакал обратно, к юрте больной. Собаки лаяли, люди свистели и улюлюкали... Творилось нечто страшное. Беркутчи соскочил с коня и вместе с собаками вбежал в юрту. Он стал кричать на женщину и делал вид, что спустит на нее беркута. Но роженица умирала. Тогда беркутчи выхватил плетку и ударил больную: он испытывал последнее средство...

Смуглолицый мальчик видел все, что происходило в юрте. В смятении он убежал на берег Иссык-Куля и долго сидел там в одиночестве. Может, в то время впервые и зародились у Исы смелые для той мрачной поры планы: Иса, сын пастуха и сам пастух, хотел учиться, чтобы помогать людям и не быть рабом кулаков и баев Тур-Айгыра...

...И вот сейчас прославленный в Киргизии ученый-хирург с трибуны торжественного заседания в Большом театре горячо благодарит Сталина, партию большевиков за все то, что они сделали для киргизского народа.

...Иса пошел в школу. Комсомол послал его учиться в Ташкентский медицинский техникум. Впервые он тогда и увидел железную дорогу и большие города. Но самое важное — Иса увидел примеры братского единения и дружбы сынов разных народов. Русские и узбеки помогали ему учиться в подготовительном классе, затем в техникуме и медицинском институте.

С отличием окончив медицинский институт, Иса Коноевич Ахунбаев вернулся домой и начал работать. Опытные хирурги Александр Николаевич Лаванов и его помощники обратили внимание на молодого ординатора. Их радовали его твердая рука, пытливость исследователя, а главное, страстное желание учиться. Любовно растили русские врачи первого киргиза-хирурга, передавали ему свои знания и опыт.

Наступил день, когда Ахунбаеву была поручена серьезная операция. Она прошла блестяще, и Ахунбаев получил возможность действовать самостоятельно. О нем пошла слава как о прекрасном хирурге. А он смотрел дальше — Ахунбаев хотел стать ученым.

Сколько бессонных ночей посвятил он осмысливанию своих наблюдений, изучению историй болезней пациентов! Сколько раз волновали его сомнения: на верном ли он пути? Но рядом с ним находились друзья — русские ученые, которые вселяли уверенность, помогали, и Иса Коноевич с новыми силами продолжал работу.

Опубликован его первый научный труд. Затем второй, третий, пятый... Коммунист Иса Ахунбаев подымался к высотам науки...

Его видели не только в стенах медицинского института во Фрунзе: он появлялся в далеких аулах, киштаках и урочищах охотников, где больные ждали опытного хирурга. Через горные хребты, бурлящие потоки, засыпанные снегом перевалы, то на машине, то верхом на коне пробирался Иса Ахунбаев туда, где ждали помощи врача. Не раз в ночной час вызывали его на аэродром, и хирург отправлялся в дальний путь на самолете.

Как-то ночью его вызвали к телефону. На границе, среди диких скал, пограничники преградили путь диверсантам. После боя на заставу привезли тяжело раненных воинов. Им нужно было оказать срочную помощь. На аэродроме уже ждал самолет.

Летчик повел машину через вершины Тянь-Шаня. Временами Ахунбаеву и медицинской сестре казалось, что самолет не сможет одолеть «небесные горы» и врежется в белые пики. Но летчик мастерски пробился к цели и совершил посадку на «пятачке» — у самого подножья утесов, рядом с рекой.

Начальник заставы во время боя получил тринадцать ран. Положение его было очень тяжелое. Как мог помочь ему Иса Ахунбаев на маленькой заставе, где не было всего того, что требуется для сложной операции? Но хирург решил сделать все возможное и даже невозможное для спасения пограничника.

Больного положили на канцелярский стол. Через час операция окончилась. Состояние раненого улучшилось, опасность миновала. Пограничника через хребты Тянь-Шаня доставили самолетом во Фрунзе.

Три месяца провел раненый в клинике, и все три месяца Иса Коноевич днем и ночью боролся за жизнь героя. Спасение его было для Ахунбаева величайшей радостью и наградой за все пережитое.

* * *

Ежегодно приезжает хирург в родной киштак. Его манят вечно шумное озеро-море и серебряные пики гор. Они близки ему с детства. Те же вершины и то же небо, те же пенящиеся волны Иссык-Куля... Но как не похож теперь Тур-Айгыр с его новыми каменными и деревянными домами на тот жалкий и грязный поселок, который сохранился в памяти ученого! Нет смрадных и жалких юрт бедняков, нет горя и нужды. Колхозы «Ульгу» и имени Фрунзе известны по всему побережью «Киргизского моря». Они славятся своими высокими урожаями, табунами коней, большими кошарами овец. Счастливая, зажиточная жизнь пришла в киргизский киштак.

На месте юрты, в которой беркутчи «лечил» больную женщину, теперь стоит хорошая амбулатория; Иса Коноевич обязательно заходит в нее, дает землякам консультацию, читает колхозникам лекции и всегда вспоминает, как жили и врачевали здесь в старое, недоброе время. И рассказывает он о том, как советская власть, родная партия Ленина — Сталина преобразили всю жизнь Киргизии, вырастили из народа ученых и врачей, инженеров и учителей, поэтов и артистов.

Слушают Ахунбаева колхозники, и видят они перед собой замечательного представителя передовой советской интеллигенции — ученого, государственного деятеля, любовно воспитанного большевистской партией. Иса Коноевич Ахунбаев стал теперь доктором медицинских наук, профессором, директором Фрунзенского медицинского института, членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР, членом Центрального Комитета коммунистической партии (большевиков) Киргизии.

И трудящиеся Киргизии выдвинули его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Е. РЯБЧИКОВ

г. Фрунзе.

Капитан из Прионежья

А. СТАРКОВ, М. ФРОЛОВ

Иван Васильевич Мошников.

Первую из сорока восьми своих навигаций Иван Мошников проделал пешком. Тут нет ошибки: именно пешком, потому что был он приставлен к десятку лошадей, которые шли в одной упряжке берегом Онежского канала и тащили за собой на бечевах баржу из Вознесенья в Вытегру с бакалеей, а из Вытегры в Вознесенье — с хлебом. Забота у погонщика не малая: лошади идут по бечевнику — узкой прибрежной полосе — у самой воды. Не доглядишь — оступится крайняя, соскользнет в канал и остальных потянет. И еще правило: не давай передней пятерке зарываться, сдерживай ее, а задних потороапливай. Но для этого силенка нужна. А откуда ей взяться у погонщика, который всего лишь двенадцатую весну встречает на земле? Он и так-то невелик ростом, а в длинной холщевой рубахе, перепоясанной веревкой, в отцовском порыжевшем картузе, который то и дело сползает ему на глаза, кажется еще меньше. В руках у него толстое березовое кнутовище, и он грозно покрикивает на коней.

Мать напекла Ивану в дорогу картофельных лепешек. Но кто знает, сколько суток пробудет он в пути? Как хватит ветер у Сарина носа, неделю проторчишь на месте. Бывает, правда, и в три дня обернешься.

Вторая навигация Ивана Мошникова была настоящей. Его взяли матросом на буксирный пароходишко «Семерка», принадлежавший купцу Кораблеву. Родом Кораблев был из Заонежья, букву «ч» путал с «ц». «Ванька,— орет, — ставь самоварцик. Буду цаек попивать». Подносить хозяину «самоварцики» и было, собственно, главной обязанностью матроса, пока пароход стоял у причала. А в рейсе он подтаскивал к топкам дрова и прибирал палубу. Закон у купца был твердый: три года не допускать новичка к рулю, каким бы смышленым ни был. И держать на черной работе...

Ванюше Мошникову повезло — ему укоротили этот срок: уж очень он отличился, когда в осеннюю непогоду, ударившись о пристань, потекла баржа с зерном. Матрос Мошников быстрее других отливал ковшом воду. Силантий Федорович Меркуров — старый шкипер — замолвил за него словцо перед Кораблевым: «Не перевести ли ловкого паренька в «поездные»?» Хозяин оказался в благодушном настроении и согласился, но жалованья не велел прибавлять.

У «поездного» служба уже почти самостоятельная. Он переходит на баржу, которую предстоит буксировать, принимает пеньковые концы, крепит их. Медленно плывет баржа вверх по Свири, вроде и не движется вовсе. Есть время приглядеться к реке, разобраться, где у нее перекаты, за́води, а где тиховод... «Поездной» он был отменный: понимал маневр. Поставили к рулю, испытали на разных плесах — хорош! Меркуров говорил о нем лоцманам: «В отца пошел: по ниточке водит судно». Хозяин уже звал его не Ванькой, а Ванюшей... А потом даже Ваней стал величать, что было проявлением высшей купеческой благосклонности. До «Ивана», не говоря уже об отчестве и фамилии, он так за долгие годы и не сумел дослужиться у Кораблева, хотя трудно было сыскать на Свири, да и на озерах, равного ему рулевого. Иваном Васильевичем Мошниковым сделала его революция...

...Сорок восемь навигаций! Нева, Ладога, Свирь, Онежское озеро. Моряку дальнего плавания этот маршрут, вероятно, покажется скучным. Может быть, он презрительно усмехнется, глядя на неуклюжий колесный пароход, и назовет его «старой калошей». Но еще неизвестно, что скажет бывалый моряк, попав в бурю на Ладожском! И как оценит он маневренность «старой калоши» и великое мастерство ее капитана, который заставляет свое неповоротливое с вида судно выписывать на узеньком пространстве Свирской губы замысловатые «восьмерки» для того, чтобы обойти множество рифов и мелей... Бывает ли такое на просторной морской дороге?

...Сорок восемь навигаций! Почти полвека в пути по северным рекам и озерам. Сколько пассажиров перевез, сколько людей повидал он, какие только встречи и проводы на пристанях не наблюдал! Девчата из Вознесенья провожают подружку на курсы зоотехников; председатель колхоза спешит в Ленинград за трехтонкой; лодейнопольские школьники возвращаются с экскурсии; лектор-международник едет в Медвежьегорск; заведующий сельским клубом везет телевизор. Бежит, шумит жизнь. И радостно старому капитану прислушиваться к ее биению.

...Самая памятная — навигация 1933 года. Мошников командовал тогда пароходом, на борту которого находились товарищи Сталин, Ворошилов и Киров. Они осматривали только что построенные сооружения Беломорско-Балтийского канала.

* * *

Мошников никогда не спускался по Неве ниже пристани у Смольного. Впервые ему довелось это сделать в тяжкую военную пору. Пароход, на котором он плавал, переоборудовали в санитарный транспорт. Командиром прислали военного моряка. Иван Васильевич сдал ему судно и собрался уходить. А командир говорит:

— Штурман мне нужен.

— Готов служить!

И остался штурманом. Водил пароход в Кронштадт, Ораниенбаум, Усть-Лугу. Речник, он отличнейшим образом ориентировался в заливе. А потом снова родная стихия: Ладога, Свирь. Как-то приказали идти в Лодейное Поле, взять людей и — в Подпорожье. Днем не пойдешь: обстрел. Идти надо ночью. А маяки не горят. Бакены погашены. Попробуй в этакой тьме найти дорогу, не наскочить на мель, свернуть во-время у каменной гряды.

Не покидает Мошников мостика. Командир рядышком. «Вывози, — говорит,— старик... Вся надежда на тебя». Иван Васильевич молчит. Лицо суровое, хмурое. Губы сжаты. Пристально вглядывается штурман в темноту. Сколько жизней доверено ему! Во всех каютах, в трюме полно людей, на палубе лежат...

Мошников встал к рулю и, словно слившись с судном, передал ему все свое напряжение, волю. Без огней, без вех провел он пароход меж порогов по единственно верной, петлистой, чутьем угаданной водяной дорожке.

В Подпорожье пришли на рассвете. Люди на пристани удивляются:

— Никак, вы пороги ночью миновали?

— Ночью.

— Кто же вел вас? Какой лоцман?

— Без лоцмана. Мошников у нас...

— Тогда,— говорят,— понятно. Иван Васильевич может!

Так плавал он в войну.

...Капитан Мошников и пароход «Володарский», на котором он плавает,— почти ровесники. Капитан чуть постарше. И оба в полном здравии. Вид у парохода молодецватый. Бойко бегает по реке, пошлепывая плицами колес. Не сдает и капитан. Он попрежнему кряжист, и походка у него широкая, сильная! Идет по толстой сходне — дрожит сходня. Лицо всегда точно с мороза. Глаз зоркий, ухо чуткое. Вот он спит в каюте под стук машины, говор колес. Но стоит машине остановиться, колесу замолчать, и капитан сразу проснется, прислушается. Далеко-далеко впереди гудит пароход, и уже знает Иван Васильевич, кто плывет навстречу, по гудку определил: «Урицкий» там. Голос у него басистый, тягучий; «Александр Невский» гудит ворчливо, по-стариковски; у «Горького» — с переливами, звонкий. Все пароходные голоса знакомы Мошникову...

Душа у него беспокойная, душа человека, для которого нет дел своих и чужих. Все свое!

Плывет Мошников мимо Жабенца, что на берегу Ладоги. Чудесное местечко: сосны, песок! Вот бы где детский санаторий открыть! И Иван Васильевич пишет письмо в облздравотдел... Невкусную воду пьют в Прионежье; надо бы водокачки строить. Это тоже его заботит, и Мошников идет в исполком областного Совета, вносит предложение... Клубится дымок над лесопильным заводом в Вознесенье. Называют этот завод в народе «мошниковским», потому что построен он по идее Мошникова.

А появится Иван Васильевич в пароходстве — шумно становится в отделах. Слышится его сердитый бас:

— Не понимаю я вас. Почему вы не решаетесь углубить дно в Свирской губе? Ну, хорошо, я иду там «восьмеркой». У меня получается. А другие вон какой круг делают, топливо зря жгут, время тратят. А дело-то пустяшное: послать пару землечерпалок. Так нет, не шлете: экономите. Вредная эта ваша экономия. Большой от нее урон государству...

Сердится старик, хорошо сердится, по-партийному: не любит бюрократов, волокитчиков, деляг.

...Февраль у Ивана Васильевича, как правило, — месяц отпускной. Вот и в минувшем феврале отдыхал он. Жил в Ленинграде, у дочери Клавдии. Сидел как-то Иван Васильевич утром с внуком, читал ему «Мурзилку». В соседней комнате радио было включено. Вдруг послышалось ему: «Вознесенье... Мошников...». Что такое? Показалось, наверно... Передача идет о предвыборных собраниях избирателей. При чем тут его фамилия? А через полчаса позвонил по телефону начальник политотдела:

— Поздравляю, Иван Васильевич! Вознесенцы выдвинули вашу кандидатуру в депутаты Верховного Совета СССР. Еще раз поздравляю!

ГОРОД на Волге

Галина ШЕРГОВА

Фото А. Гостева

«В деревню, к тетке,
в глушь, в Саратов...»
Грибоедов

...Назовешь любой из волжских городов и уже представишь себе песенную даль Волги, этой неповторимой реки в легких тенях прибрежной березовой листвы и в откосах, где у самых твоих подошв осыпают сухую глину ласточки...

Как это ни парадоксально, но один из «наиболее волжских» городов — Саратов — до революции не чувствовал прелести Волги. Всякого, кто сходил с парохода на саратовской пристани, окружали груды лома, оглушало хриплое лязганье железа, поражал потный запах кож. Все саратовское побережье на двадцать километров было продано городской думой купцам, построившим здесь маленькие заводики, загромоздившим Волгу баржами, залившим ее пятнами нефти. Здесь толкались в поисках работы люди с недалекой улицы лачуг, носившей саркастическое название «Миллионная».

Если бы человек с парохода подошел к одному из стоявших на берегу людей и спросил: «Чем же знатен город Саратов?» — тот повел бы плечом: «Питейными домами». Их тут было 467. Дореволюционная статистика сообщала дальше: библиотек в городе — 1; средних школ — 2; книжных лавок — 1. Впрочем, несправедливо будет сказать, что Саратов был известен только питейными домами. Он «славился» и разгульными пирами в доме губернатора, господина Панчулидзева, учиняемыми на казенные деньги Соляного управления, и губернаторством Столыпина, памятным расстрелом безоружной толпы в 1905 году.

Но есть у Саратова и другая биография. Ее вехи — это разинские челны с волжской вольницей, шатер Пугачева на Соколовой горе; имена знаменитых саратовцев — Чернышевского, Яблочкова, — мечтавших о светлом завтрашнем дне России. Недаром предсмертная статья Чернышевского называлась «Мысли о будущем Саратова».

Рассказывают, что за полтора месяца до смерти Николай Гаврилович говорил своему другу: «Неужели не найдется человек, который уловил бы закон человеческой жизни, как Ньютон уловил закон мироздания?» И, подумав, добавил: «Конечно, найдется». А этот человек — девятнадцатилетний юноша — уже жил неподалеку, в Симбирске. И он, Ленин, вместе со Сталиным не только «уловил» подлинный закон развития человеческой истории, но и, подчинив его интересам народа, создал первое в мире государство, воплотившее идеалы лучших людей на земле. И величавую судьбу этого государства разделил маленький его уголок — волжский город Саратов.

* * *

Разговоры об организации университета в Саратове шли в течение пятидесяти лет, и даже незадолго до его открытия, 10 августа 1907 года, на заседании Саратовского губернского земского собрания гласный Кандяков исступленно вопил: «Никаких университетов в России нет, а есть только безобразные очаги всякой революции. Я против!». Но университет пришлось все же открыть. Правда, только с одним медицинским факультетом.

А сейчас двести шестьдесят преподавателей, восемьдесят кандидатов наук и двадцать пять докторов наук руководят занятиями студентов, их самостоятельными научными исследованиями на восьми факультетах. Характерно, что более половины преподавателей — воспитанники Саратовского государственного университета.

Теперь, когда подъезжаешь к городу и задаешь вопрос, чем же знаменит Саратов, тебе отвечают: студентами. В этом городе, где больше десятка вузов, где можно получить образование почти по любой специальности, студентов больше, чем в Голландии, Норвегии или Дании.

* * *

Почти невыполнимый труд — перебрать полтора миллиона томов. Но даже бегло окинув взглядом книжные полки саратовской университетской библиотеки, мы увидим массу интересного: от пятисотлетнего фолианта до обязательного экземпляра новой брошюры, вышедшей в Хабаровске.

Но и городская библиотека и библиотека при Государственном областном архиве немногим уступают университетской. Библиотеки предприятий, как, например, Механического завода, имеют десятки тысяч томов, а всего в области шестьсот библиотек, в которых три с половиной миллиона книг.

* * *

Саратовцы любят посещать свои музеи: краеведческий, художественный имени Радищева, где собрана прекрасная коллекция оригинальных полотен и скульптур, музей своего знаменитого земляка Н. Г. Чернышевского.

В одном из уголков этого музея сняты дипломанты Ленинградского университета. Они приехали в Саратов, чтобы ознакомиться с уникальными материалами о жизни великого революционера-демократа.

Когда ходишь по улицам Саратова, часто бросаются в глаза вывески: «Культтовары», «Книги». В магазине, который вы видите на этом снимке, всегда много покупателей. Полно и в других магазинах. Все, кто сейчас разбирает на этих прилавках книги, как и тысячи их земляков, ждут, когда начнет работу создаваемый в Саратове «Дворец книги» с читальными залами и большим магазином.

* * *

В городе три театра: оперы и балета имени Чернышевского, драматический имени Карла Маркса и ТЮЗ. И над их кассами часто красуется табличка: «Билеты проданы».

Театры советского Саратова — прекрасные пропагандисты высоких патриотических идей, музыкальной и драматической культуры.

Интересный штрих: в одну из гастрольных поездок Саратовского драматического театра в Москву со сцены МХАТ снова прозвучали слова из грибоедовского «Горе от ума» в исполнении саратовцев:

«В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!»

И зал дружно захохотал. Теперь, когда актеры из волжского города радовали столицу высокой культурой своего искусства, эти слова звучали одновременно и парадоксально и знаменательно...

* * *

Так живет этот город. Сегодня в его жизни большое торжество. Вместе со всей страной Саратов голосует за родную большевистскую партию, за советскую власть. Потому что великая сила, преобразующая лица городов и души людей,— это советская власть!

Не было в Саратове человека, который, показывая нам город, не сказал бы: «Обязательно побывайте в Художественном музее имени Радищева».

Местные жители заслуженно гордятся собранными в залах музея ценными картинами, скульптурами и художественными изделиями прошлых веков. Подолгу осматривают экскурсанты полотна Репина, Сурикова, Серова... Специальный зал посвящен работам советских художников и, в частности, местных, саратовских.

На снимке: группа студентов Саратовского индустриального техникума у скульптуры Петра I работы М. М. Антокольского.

* * *

→

Не удивительно, что Коля Пруцков улыбается. Если впервые за шесть лет своей жизни ты увидишь мир с вертикального положения,— это бесконечно радостно и поразительно. С рождения Коля лежал, разбитый параличом. А сейчас здесь, в Научно-исследовательском ортопедическом институте, его научили ходить.

Василий Крючков радуется нисколько не меньше Коли. Раненный на войне, Крючков чуть не потерял руку — она висела плетью, а сейчас рука нормально действует. Василий опять станет слесарем.

И, разумеется, доктору Юлии Дмитриевне Красюковой теперь приятно посмотреть на своих подопечных, хотя это только двое из многочисленных пациентов Саратовского ортопедического института.

Новаторство — характерная черта не только ортопедического института. Восемнадцать других научных учреждений Саратова не уступают своему медицинскому собрату. Научная жизнь города подчинена нуждам заводов, фабрик, колхозов. Сотрудники Института механизации сельского хозяйства создали генеральную схему электрификации колхозов Саратовской области. Опытные рыбохозяйственные и животноводческие станции заняты претворением в жизнь сталинского плана преобразования природы. Саратовское отделение Всесоюзного научного инженерно-технического общества машиностроителей помогает инженерам-производственникам в их работе над кандидатскими диссертациями — 25 диссертантов находятся сейчас под его контролем.

ЗА ТОВАРИЩА СТАЛИНА

Мне посчастливилось присутствовать на московском Электрозаводе в знаменательный день, когда коллектив его первым выдвинул кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР товарища Сталина. Огромный, вытянувшийся почти на полкилометра цех, на конвейерах которого рождаются замечательные электромоторы, был сплошь полон народу. Люди заняли все проходы, стояли на подоконниках, на пожарных лестницах. Сюда сошлось больше восьми тысяч человек. Это были люди разных возрастов и профессий, и всех их в этот час объединило одно стремление — снова выдвинуть своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР товарища Сталина, одна мечта о том, что, может быть, на их долю выпадет великая честь в день выборов верховного органа государственной власти в третий раз голосовать за величайшего человека на земле.

И когда слесарь Владимир Яковлевич Маслов, передовик, новатор, признанный в цехе вожак передовиков производства, первым поднявшись на трибуну, радостно, взволнованным голосом произнес великое имя, буря рукоплесканий прокатилась по всему огромному помещению, рукоплесканий таких шумных и дружных, что, казалось, дрожали даже чугунные колонны, поддерживающие потолок. Стало ясно, что слесарь Маслов высказал то, что у каждого было на душе, выразил общее мнение, общее страстное желание.

— Голосовать за товарища Сталина — великая честь. Избиратели должны быть достойны своего кандидата в депутаты! — сказала, выступая на этом митинге, инженер лауреат Сталинской премии Зинаида Никитична Кондрашева, начальник стахановского цеха. И она выдвинула предложение: от стахановских цехов, каких на Электрозаводе уже несколько, перейти к целому стахановскому предприятию.

Эта патриотическая мысль, выдвинутая на первом предвыборном митинге, была горячо подхвачена не только в цехах московского Электрозавода, но и на всех предприятиях Сталинского района города Москвы.

Быть достойными своего великого кандидата в депутаты! — вот вдохновляющая мысль, которая побуждает рабочих трудиться сегодня лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня, разжигает патриотический огонь социалистического соревнования, будит творческую инициативу изобретателей и рационализаторов, вызывает новые и новые стахановские почины.

«Я, шлифовщик Макаров А. П., сознавая, какая великая честь выбирать в Верховный Совет вождя народов товарища Сталина, обязуюсь ко дню выборов: 1. Выполнить восьмимесячную норму. 2. Уничтожить брак и 80 процентов продукции выпускать отличным качеством. 3. Внести два рационализаторских предложения и самому внедрить их в производство.

Вызываю на предвыборное социалистическое соревнование моих товарищей».

Это обязательство знаменитый человек Московского инструментального завода, известный новатор, принял на себя в счастливый для всего района день, когда трудящиеся узнали, что товарищ Сталин дал согласие баллотироваться в их избирательном округе.

Таких обязательств в волнующие предвыборные дни было принято тысячи. Вчитайтесь в строки этих документов. За их обыденными словами большая мысль, большое патриотическое стремление. Труженики заводов и фабрик понимают, что для товарища Сталина нет лучшего подарка, чем укрепление мощи нашего социалистического государства, ускорение строительства коммунизма.

— Мы знаем, что успехи каждого советского человека радуют нашего родного товарища Сталина, — заявила на одном из предвыборных митингов на текстильном комбинате имени Щербакова молодая ткачиха Нина Васюкова.

С этим сознанием работницы комбината смело берут и выполняют невиданные еще здесь обязательства. Ткачиха тов. Пискарева пообещала во время всей предвыборной кампании выполнять 190 процентов нормы и всю продукцию ткать только первым сортом.

Советские люди стремятся внести свои посильные трудовые вклады в великое дело, которому посвящена вся светлая жизнь того, кого они выдвинули своим кандидатом в депутаты Верховного Совета.

Большая и радостная работа велась все эти дни на избирательных участках Сталинского избирательного округа. Устраивались выставки, посвященные жизни и деятельности И. В. Сталина, проводились громкие читки его биографии. Избиратели, видевшие своего кандидата в депутаты, слышавшие его речи, выступали с воспоминаниями об этих незабываемых часах.

В один из дней предвыборной кампании в агитпункте 57-го избирательного участка был организован просмотр фильма «Падение Берлина», а потом перед собравшимися выступили исполнитель роли товарища Сталина — артист Геловани, артисты Андреев, Ковалева и другие. Обсуждение фильма вылилось в душевный разговор о том, как под руководством товарища Сталина советские люди, разгромив разбойничью армию Гитлера, избавили человечество от угрозы фашистского рабства. Фильм, воспроизводящий картины грандиозных битв, разбудил много воспоминаний у советских людей. Выступил Герой Советского Союза подполковник В. В. Павлов. Он рассказывал о том, какой великий подъем царил в частях Советской Армии, когда она во всеоружии всей своей мощи штурмовала Берлин. Сам Павлов был ранен в нескольких шагах от рейхстага и раненный продолжал руководить своими бойцами.

— Мы знали, что в этот решающий бой нас ведет товарищ Сталин, а Сталин — это победа. И мы побеждали, преодолевая любые препятствия, побеждали любого врага, — заявил герой сражения за Берлин.

Потом выступила избирательница Анна Ивановна Новикова. Ее муж, кадровый офицер, погиб в первые дни войны. У Анны Ивановны было двое детей. И все же она пошла добровольцем в Советскую Армию. Она поступила по велению своего сердца, сердца патриотки, которая не могла оставаться дома в час, когда над Родиной нависла страшная опасность. Новикова добилась того, что ее приняли в артиллерийское училище, окончила его и, командуя на фронте батареей, мстила фашистам за смерть мужа.

Вот две биографии, рассказанные рядовыми советскими людьми на собрании избирателей. Но разве эти два простых жизненных примера не говорят о непобедимости нашей Родины, о непоколебимой сплоченности всего советского народа вокруг славного знамени партии Ленина — Сталина!

Дни избирательной кампании были волнующими днями, когда, готовясь голосовать за товарища Сталина, люди невольно задумывались о своей жизни, о своей работе, о своей стране, о великой, ни с чем не сравнимой радости — участвовать в строительстве коммунизма. Старики рассказывали молодежи о проклятом прошлом, о том, как тяжело и беспросветно жилось рабочим в царское время. И рассказы эти помогали молодым людям, родившимся уже в социалистической стране, знающим ужасы и мерзости капитализма лишь по книгам, постичь во всем величии грандиозность работ, проделанных советским народом под руководством большевистской партии и товарища Сталина.

Дни предвыборной кампании в Сталинском избирательном округе города Москвы были днями вдохновенного трудового творчества, новаторских починов и славных побед социалистического соревнования.

В семье рабочего стахановца завода имени Дзержинского Алексея Ларионовича Вотинова (город Молотов) день выборов — особенно радостный праздник. К избирательной урне тов. Вотинов придет со своими тремя дочерьми-близнецами. Люде, Оле и Тане исполнилось 18 лет, и они впервые участвуют в выборах в Верховный Совет СССР.

На снимке: Людмила, Татьяна и Ольга Вотиновы.

Фото И. Шемякина

Борис ПОЛЕВОЙ

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Велики успехи нашей страны во всех областях народного хозяйства, науки и культуры. Ярчайшее свидетельство этих достижений — Постановление Совета Министров Союза ССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки и изобретательства за 1949 год».

Славный отряд знаменосцев прогресса советской науки и техники вновь пополнился. 1285 ученых, изобретателей, рационализаторов, новаторов производства и сельского хозяйства удостоены высокого звания лауреатов Сталинской премии. Их труды в самых различных областях науки, техники, усовершенствования технологии и методов производственной работы — яркая страница истории побед социалистического строя.

Сталинские премии присуждены большой группе ученых, добившихся успешного разрешения важных теоретических и практических научных проблем. Рядом со старейшими учеными страны стоят молодые деятели советской науки. Среди них мы видим представителей многих национальностей великого Советского Союза.

Сталинскими премиями отмечены также выдающиеся успехи инженеров, рабочих, мастеров, передовиков социалистического сельского хозяйства. Они полностью овладели современной техникой и настойчиво добиваются новых успехов в области изобретательства и коренного усовершенствования методов производственной работы, их трудом воплощаются в жизнь смелые научные исследования.

В содружестве с работниками промышленности и сельского хозяйства советские ученые разработали много новых конструкций машин, приборов, новые технологические процессы, облегчающие труд человека, открывающие широкие возможности для дальнейшего роста производительности труда. Выведены новые высокопродуктивные породы скота, выращены ценные сорта сельскохозяйственных культур, дающие возможность еще выше поднять урожай колхозных и совхозных полей, еще более повысить материальное благосостояние советского народа.

В этом единстве науки и производства, в стирании граней между трудом умственным и физическим все явственнее ощущаем мы черты того светлого коммунистического общества, которое успешно строит наш народ.

Многообразны и значительны достижения советских ученых, новаторов производства и сельского хозяйства. Их победы — свидетельство неисчерпаемости талантов, беспримерного в истории творческого подъема советских людей.

Присуждение Сталинских премий — всенародный праздник. Каждый советский человек видит в этом новое проявление заботы партии большевиков, советского правительства о благе Родины, росте ее богатств, укреплении ее могущества.

И. П. Ширков.

Облегчать и упрощать труд

И. ШИРКОВ,
каменщик-инструктор стахановских методов труда

Мне часто случается ездить по городам Советского Союза, демонстрировать новые методы каменной кладки, инвентарь и приспособления моей конструкции. В последний раз я выступал с технической лекцией совсем недавно на общегородском собрании ленинградских строителей во Дворце культуры имени Горького. Я показывал им на моделях, как удобны и выгодны изобретенные мной инструменты и приспособления. Их цель — облегчать и упрощать труд каменщика, беречь каждую секунду рабочего времени. Даже молодым, малоквалифицированным каменщикам они дают возможность выполнять нормы на 200—250 процентов.

Что же это за инструменты и приспособления? Расскажу о некоторых из них.

Я сконструировал, например, новый разъемный контейнер для перевозки кирпича. Применявшиеся до сих пор контейнеры очень тяжелы и громоздки: кирпич из них можно вынимать лишь с одной стороны и только поштучно. Понятно, как много времени тратится на это. Разъемный контейнер дает большую экономию во времени, рабочей силе и предохраняет кирпич от повреждений.

Тот, кто наблюдал за стройкой дома, мог заметить, что при кладке стен каменщик пользуется так называемым причальным шнуром, который обычно натягивается на гвоздях. Выложив один ряд кирпичей, рабочий отвязывает шнур, вынимает гвозди и переставляет шнур выше, для следующего ряда. Если на это уходит две минуты, то на 15—16 рядов кладки потребуется непроизводительно затратить полчаса. Мне удалось сконструировать очень простую порядовку-причалку, которая позволяет быстро, легко и точно поднимать шнур.

Я сконструировал тачки для перевозки кирпича и раствора. Одна из них названа тачкой-полуавтоматом. Она сделана так, что погрузка и разгрузка ящика с раствором у рабочего места производится полуавтоматически, с помощью особого приспособления.

Каждое из моих приспособлений вносит нечто новое в работу каменщика и делает его труд производительнее. Подсчитано, что применение всего комплекса моего инвентаря дает на один миллион уложенного кирпича 35 тысяч рублей экономии. На стройках Москвы, Ленинграда Киева, Куйбышева, Сталинграда и других городов это дало многомиллионную экономию. Кроме того эти приспособления способствуют улучшению организации производства и повышению производительности труда.

Мои творческие искания не завершены. Сейчас я разрабатываю ряд новых приспособлений. Одно из них уже проверяется в Ленинграде. Это оригинальный тип лесов для всех видов каменных и штукатурных работ.

Много еще хочется сделать для роста могущества нашей Родины, где простой каменщик, став новатором, пользуется широкой поддержкой великой партии большевиков, родного и любимого Сталина.

Машинисты столичной магистрали

В. БЛАЖЕНОВ,
инженер-лейтенант тяги, старший машинист локомотива

Движение пятисотников, «зеленая улица», уплотненный график! Передовые формы социалистического соревнования, рожденные творческой инициативой новаторов, всколыхнули армию паровозных машинистов, диспетчеров, путейцев, вагонников, руководителей станций и других работников транспорта.

И когда меня спрашивают, чем объяснить мои производственные успехи, я отвечаю:

— Иду в ногу с жизнью и стараюсь опередить ее. Воспринимаю достижения других и придумываю свои нововведения.

В любой области социалистической экономики ценен фактор времени, но особенно он важен у нас, на гигантском транспортном конвейере. Учитывать минуты, секунды — закон железнодорожников.

Передовики-паровозники Николай Глубоков из депо Отрожка, краснолиманский механик Георгий Шумилов, Александр Кондратьев из Орла и другие подсчитали, что если каждая машина пройдет в сутки пятьсот километров, то этим намного повысится ее полезная работа. А это, в свою очередь, ускорит оборот вагонов. Таким образом, с тем же количеством паровозов и вагонов можно будет перевезти значительно больше грузов.

Узнав об этом, я понял, что если не хочу отставать, то обязан на практике подтвердить ценность и выгоду предложения новаторов. С такой мыслью паровозники нашего депо и, в частности, моя бригада приступили к езде по-новому, к поискам резервов ускорения оборота локомотивов, а следовательно, и всего подвижного состава.

Не стану перечислять все внутренние ресурсы, которые мы уже нашли. Упомяну лишь: на участке курсирования наших локомотивов было ликвидировано 30 ненужных стоянок, сокращено время остановок на ряде станций, и это одно позволило на несколько часов ускорить движение грузовых поездов.

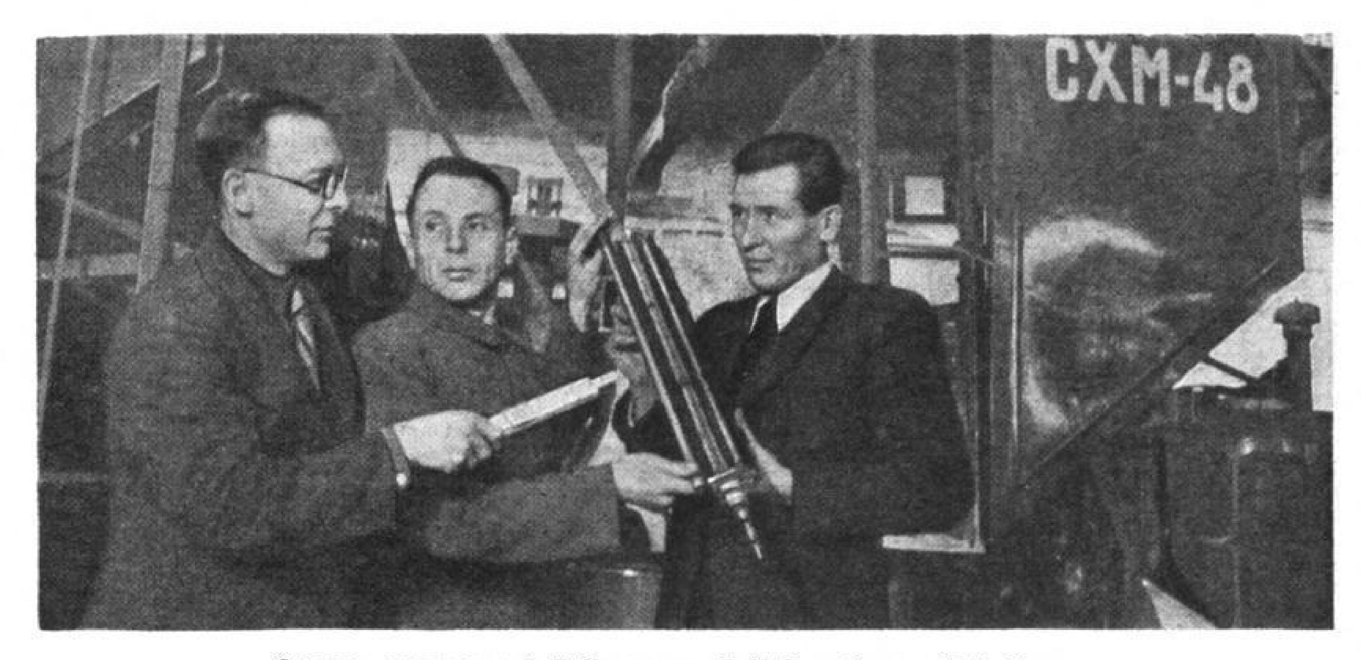
Рационализировали мы также приемку и подготовку локомотивов к рейсу, уход за машинами, их ремонт.

Предложения коллектива нашего депо были одобрены. Плодом общих стараний явился так называемый уплотненный график. И с каждым месяцем в депо становится все больше пятисотников.

Наша станция — Москва-Сорти-

В. Г. Блаженов.

Слева направо: В. Д. Нехорошев, Л. М. Розенблюм и М. Н. Марков.

Фото В. Косовского

ровочная, Московско-Рязанской железной дороги,— родина великого почина, первого коммунистического субботника. Пятисотники продолжают эти славные традиции. Но можем ли мы удовлетвориться тем, что лишь отдельные машины пробегают, да и то не каждый день, по 500 километров?

Эта мысль не давала мне покоя. На одних рекордах далеко не уедешь, думал я. Нужно, чтобы все наши машинисты стали пятисотниками. Но и этого мало. Надо добиваться пробега 15 тысяч километров в месяц. Вот показатель стахановской работы, устойчивый, планомерный, не зависящий от случайностей!

Мое предложение подхватили. И, что весьма отрадно, его поддержали диспетчеры. Особенно нам помогает поездной диспетчер Клавдия Петровна Королева.

И вот результат новаторских приемов: около 80 процентов локомотивов нашего депо точно выдерживают новые прогрессивные нормы уплотненного графика.

Ближайшей задачей на этот год я поставил перед собой — закрепить движение пятнадцатитысячников и тем самым поднять их работу на новую ступень.

Г. И. Волков.

Г. Т. Низовой.

Больше хлопка стране

Г. ВОЛКОВ,
инженер

Осенью 1949 года на хлопковые плантации Узбекистана вышло несколько сот машин новой конструкции. Поблескивая свежей краской, они плавно двигались по полям.

За 10—12 минут машина делала круг по плантации и с наполненным бункером становилась на выгрузку.

Это работали советские хлопкоуборочные машины «СХМ-48».

Сбор урожая — один из наиболее трудоемких процессов хлопководства. Чтобы собрать за день 60 килограммов хлопка (примерная норма для одного человека), надо сделать не менее 15 тысяч движений руками. С давних пор специалисты во многих странах пытались разрешить проблему механизации уборки хлопка. Сто лет работают над этим американцы, но созданный в США хлопкоуборочный агрегат очень сложен, ненадежен в работе, а главное, мало эффективен.

20 лет назад к созданию хлопкоуборочной машины приступили советские инженеры. В 1946 году в Ташкенте было организовано Государственное специальное конструкторское бюро по хлопку.

Работы велись одновременно над несколькими типами хлопкоуборочных машин. В результате длительных лабораторных исследований и производственных испытаний лучшей была признана вертикально-шпиндельная хлопкоуборочная машина «СХМ-48» («СХМ» — сборщик хлопка механический), созданная конструкторами Бюро Г. И. Волковым, М. Н. Марковым, Л. М. Розенблюмом, В. Д. Нехорошевым и изготовленная на заводе Ташсельмаш, которым руководит Г. Т. Низовой.

«СХМ-48» превзошла по своим агротехническим качествам американские хлопкоуборочные машины и вполне отвечает требованиям советских хлопкоробов, добившихся самой высокой в мире урожайности. Заменяя труд 50 колхозников, «СХМ-48» хорошо убирает урожай даже на плантациях с густыми рядами хлопчатника.

С выпуском машин «СХМ-48» почти полностью завершается механизация советского хлопководства. Машина облегчает труд колхозников, создает условия для более быстрого освоения новых земель и, следовательно, для увеличения валового сбора хлопка.

Ташкентский завод сельскохозяйственных машин имени Ворошилова уже начал серийный выпуск новых машин.

Ищем новые пути

С. ЧЕСНОКОВ,
старший мастер завода «Серп и молот»

Сталевары — народ немногословный. Иному легче дать лишнюю плавку, чем произнести речь. Но сегодня день особенный: три молодых сталевара — Толя Субботин, Виталий Михайлов, Николай Чесноков — и я стали лауреатами Сталинской премии. Событие большое, волнующее до глубины души, и хочется рассказать обо всем — о том, как искали мы новый тепловой режим печи, как учимся и дружим, как от плавки к плавке поднимаемся по ступенькам стахановских вахт, овладевая новой отечественной техникой.

В 1949 году усилиями инженеров, мастеров, рабочих многие технологические процессы в металлургии были усовершенствованы. Появились новые приборы, были изданы новые книги, созданы новые, смелые теории. Все это намного облегчило труд сталевара, но и потребовало от нас новых методов работы.

Мы должны были стать изобретателями: этого требовала жизнь, интересы нашего цеха, завода, нашего общего дела. И мы стали изобретателями, потому что были подготовлены к этому.

Всем известно, что наши печи время от времени нуждаются в ремонте. Субботин, Михайлов, Николай Чесноков и я предложили изменить организацию ремонта печей. Раньше за это дело отвечали только рабочие и мастера соседнего с нами огнеупорно-печного цеха. Мы предложили ремонт печей производить совместно с нами: ведь никто лучше нас не знает печь. Теперь мы не только

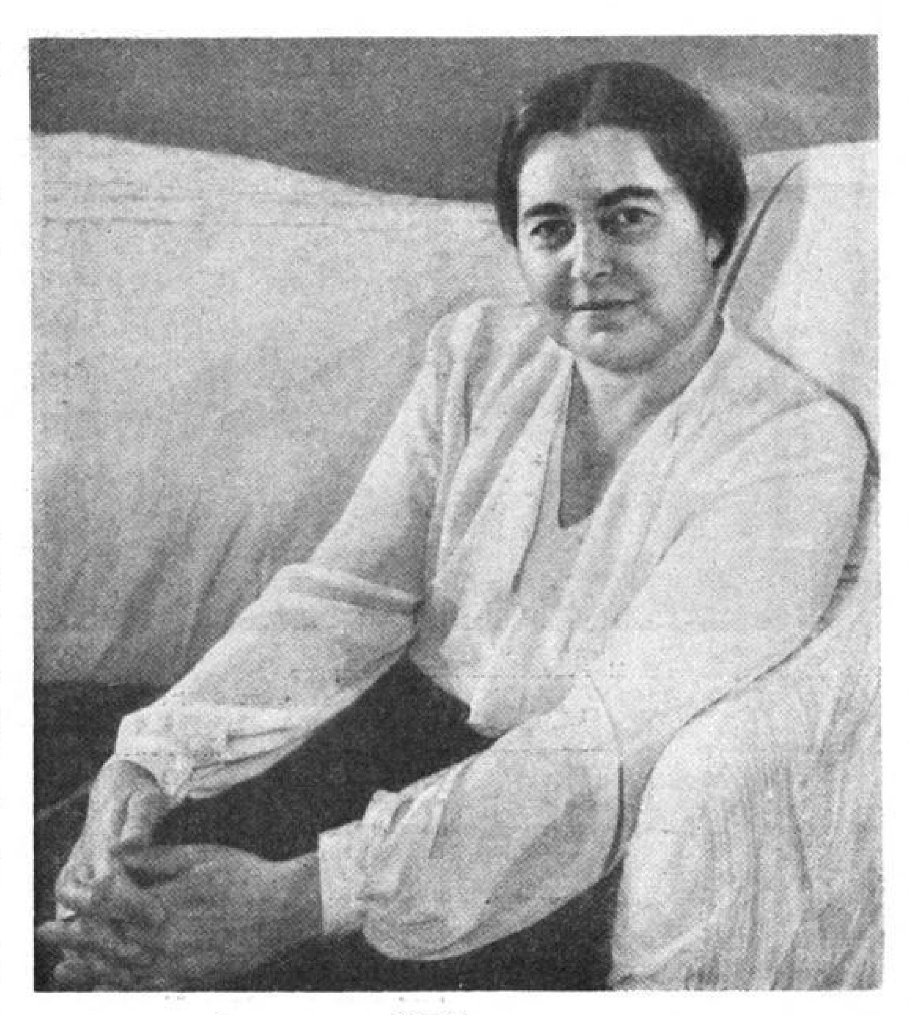
Начальник мартеновского цеха завода «Серп и молот», лауреат Сталинской премии А. А. Лебедков (слева) поздравляет С. В. Чеснокова с присуждением ему Сталинской премии.

Фото А. Гостева

наблюдаем за ходом ремонта, но и даем советы, корректируем работу ремонтников. График ремонта стал соблюдаться более точно. Дело, кажется, простое, но оно намного ускорило и улучшило ремонт печей.

Второе наше предложение было направлено на пересмотр теплового режима. Тот режим, который еще вчера был совершенным, сегодня, при новых методах работы, уже оказался устаревшим. Новый прибор, о котором я уже упоминал, облегчил нашу работу. И в то же время он дал нам возможность экспериментировать, чаще проверять тепловой режим. Намечаем мы два новых режима и смотрим, который лучше. Вот, например, нашли новый хороший тепловой режим. Но мы не успокаиваемся на этом. Пробуем другой. Проверяем его, оказывается, он еще лучше. Мы, таким образом, проделывали сложную, почти исследовательскую работу. Я с гордостью могу сказать, что она оказалась по плечу, по плечу и мне и моим ученикам. Она оказалась нам по плечу потому, что технический кругозор каждого из нас даже в сравнении с прошлым годом расширился, так как мы все время в курсе технических новинок советской металлургии.

Найденные нами новые тепловые режимы стали применяться на многих других печах и заводах. Они ускорили плавку стали, улучшили ее качество. Но мы на этом не собираемся останавливаться. Мы ищем новые пути для усовершенствования производства, новые резервы для ускорения выплавки стали, и мы уверены, что найдем их.

Т. С. Пассек.
Фото С. Фридлянда

Пусть цветут сады

М. СИМОНОВА,
кандидат сельскохозяйственных наук

Опираясь на учение И. В. Мичурина, научные сотрудники Московской плодово-ягодной опытной станции, руководимые лауреатом Сталинской премии А. В. Петровым, в течение долгих лет работали над созданием новых, высококачественных сортов плодово-ягодных растений для центральных областей России. Они вывели десятки новых сортов яблонь, груш, вишен, сливы, земляники, крыжовника, малины, смородины. Многие из этих сортов уже культивируются в колхозных и совхозных садах.

М. Н. Симонова.

Старший научный сотрудник нашей станции Хасан Каримович Еникеев дал колхозному садоводству новые, высококачественные, холодостойкие сорта сливы—«ренклод северный», «скороплодная», «памяти Тимирязева» и другие. Они были получены в результате скрещивания местных и уссурийских слив с южными сортами. Продвигая культуру абрикоса все дальше на север, Х. К. Еникеев получил ценные сорта, растущие ныне в открытом грунте в садах Тамбовской и Воронежской областей.

Более 25 лет я занимаюсь селекцией земляники и крыжовника. Наше садоводство настойчиво требовало новых сортов вместо старых, плохо переносящих суровые зимние морозы и дающих низкий урожай. Мне удалось вывести такие, ныне уже признанные и распространенные сорта земляники, как «красавица Загорья», «поздняя из Загорья», «негритенок», «пионерка».

Земляника «красавица Загорья» — крупная, рано созревающая, высокоурожайная. В совхозе имени Ленина, Московской области, собирают ее по 11,5 тонны с гектара. Одна ягода земляники «поздняя из Загорья» весит 35 граммов. «Пионерка» очень урожайна и зимостойка. Как известно, зима прошлого года была у нас в Московской области бесснежной. И все же «пионерка» отлично выдержала это испытание. Вывела я также новые сорта крыжовника — «смена», «изумруд», «яхонт», «рекорд», «красная заря», которые можно размножать деревянистыми черенками, как смородину.

Ценные новые сорта малины и смородины создала Наталия Константиновна Смольянинова. Ее малина «советская», «урожайная», «стандарт», «колхозница» дает до 140 центнеров с гектара, то есть в полтора — два раза больше старых сортов.

Приятно и радостно творить для нашего великого народа. Мы, селекционеры, призваны обеспечить изобилие прекрасных плодов и ягод в Советской стране. Мичуринская наука вооружила нас всем необходимым. Родина награждает труд селекционеров. И они отдают все знания и силы, чтобы цвели чудесные сады любимой Отчизны.

«Трипольская культура»

Т. ПАССЕК,
профессор, доктор исторических наук

В конце прошлого века украинский археолог В. В. Хвойко открыл близ села Триполье, в Киевской области, памятники неизвестной материальной культуры. С тех пор, как это часто бывает в археологии, памятники подобного типа стали называть по месту первой находки. «Триполье» превратилось в международный термин.

Вслед за трипольскими памятниками были обнаружены десятки других, однотипных,— не только на Украине и в Молдавии, но и в Румынии, Болгарии, Венгрии.

Долгие годы тайна «трипольских находок» оставалась неразгаданной. Только советская наука смогла раскрыть ее, осуществив археологические раскопки в широких масштабах, на огромной территории и по новому методу.

Уже 12 лет работает под моим руководством Трипольская экспедиция Академии наук СССР и Академии наук Украины. И впервые в истории археологии раскопки открыли перед нами целые общинно-родовые поселения. В урочище Коломийщина, близ села Халепье, и у села Владимировка было обнаружено более двухсот жилищ и установлена планировка древнего поселка. Это дало возможность воссоздать картину общественного быта трипольцев.

Кто же такие трипольцы?

Археологические памятники племен, живших в Поднепровье и Поднестровье, относятся к третьему — второму тысячелетиям до нашей эры. Племена эти создали яркую, своеобразную культуру и стояли на относительно высокой ступени развития. Они были основой для образования в дальнейшем этнических групп скифских племен, а позже — славянства.

Вывод о самобытной культуре трипольцев полностью опровергает утверждения буржуазных ученых — фашистских фальсификаторов истории,— будто на рубеже бронзового века индо-германские племена подавили в этом районе местную культуру и утвердили на ее месте свою собственную. Фашисты обосновывали эту «теорию» тем, что памятники трипольской культуры будто бы исчезают в середине второго тысячелетия до нашей эры. Это исчезновение казалось непонятным и вызывало предположение о какой-то грандиозной катастрофе.

С этой ложной концепцией покончено навсегда. На ряде вскрытых поселений мне удалось проследить постепенное превращение культуры Триполья в другие культуры. Теперь по-новому освещается история Днепровско-Днестровского бассейна, где позднее сложились славянские племена, создавшие Киевскую Русь. Таким образом история раннеземледельческих племен оказалась включенной в общий процесс историко-культурного развития Восточной Европы.

Эти выводы изложены мною в монографии «Периодизация трипольских поселений», где подводятся итоги многолетних работ.

Археологические материалы трипольцев дают новые примеры, иллюстрирующие и подтверждающие положения Ф. Энгельса о первобытном обществе и матриархально-родовом строе на средней ступени варварства.

Диалектический процесс развития вызывал непрерывные изменения в экономике, культуре, идеологии. В моем труде, охватывающем очень большой период истории — свыше полутора тысяч лет — и весьма значительную территорию, подмечены эти изменения, дающие возможность впервые научно проследить путь развития трипольской культуры.

Сейчас нас увлекают новые исследования, относящиеся к той же эпохе, к истории тех же трипольских племен. Свои работы мы перенесли на правобережье Днестра. Здесь находятся еще не обследованные археологами районы, «белые пятна» на археологической карте.

Уже первые раскопки открыли перед нами новые увлекательные страницы далекой истории. Мы надеемся найти, наконец, останки человека тех отдаленных времен, что, конечно, представит совершенно исключительный интерес для науки.

На благо народа

ВСЕНАРОДНЫЙ ВЫИГРЫШ

Мария Матвеевна Моисеева — знатная ткачиха «Трехгорки».

— Как вы предполагаете, на сколько за месяц увеличится ваша реальная заработная плата? — спрашиваем ее.

Мария Матвеевна уверенно отвечает:

— И у меня и у мужа заработная плата на четверть увеличилась. А ведь я стахановка, заработок имею немалый. Мы и раньше жаловаться не могли, а теперь и вовсе. Вы по квартирам наших трехгорцев походите, сами увидите, какой праздник всюду.

И мы пошли по квартирам.

Большая и дружная семья у старого ткача «Трехгорки» Дмитрия Абрамовича Воробьева. Он и жена его Любовь Филипповна живут вместе с дочерью, зятем, сыном, снохой и внуками — всего восемь человек. Кошелек один, общий, и распоряжается им старый ткач: заработную плату все отдают ему. В общий котел идет и его пенсия и пенсия Любови Филипповны, проработавшей четыре десятка лет ватерщицей на «Трехгорке».

— Так я думаю, — говорит Дмитрий Абрамович, — что семья наша выигрывает от снижения не менее 800 рублей в месяц. Можно сказать, еще один оклад нам советская власть дала.

Любовь Филипповна вернулась с покупками. Сегодня она впервые пошла по магазинам. «Пусть угомонятся, а то народу много, не разглядеть, что почем», — говорит она.

— Ну как, мать, — спрашивают ее, — много дешевле стало?

— Ох, и много, — отвечает Любовь Филипповна, — читала я о процентах, хорошо казалось, а посмотрела — и вовсе чудесно. Внучатам вот подарочек купила, — продолжает она.

Еще накануне, за вечерним чаем, было решено, как перестроить семейный бюджет в связи со снижением цен. Немного освободившихся денег пойдет дополнительно на продукты, большая часть — на покупку платьев, мебели. Говорили о том, чтобы летом на дачу выехать — теперь это свободно можно сделать.

Во многих квартирах рассказывают нам о том, как поступят с сэкономленными деньгами. Как и в семье Воробьевых, большая часть будет потрачена не на продукты, в которых и так не ощущалось недостатка, а на нарядную одежду, хорошую обувь, книги, посуду.

Убедительно подтвердил это фабричный инженер Александр Сергеевич Горячев. Семья у него большая — шесть человек. Старшая дочь на той же «Трехгорке» работает, вторая — в техникуме учится и тоже свою лепту в семью вносит, маленькие сыновья учатся, а Екатерина Сергеевна дома хозяйничает.

У Горячевых ведется точная запись всех расходов.

— Видите, — говорит Екатерина Сергеевна, щелкая на счетах, — сахара израсходовали за месяц 13 килограммов. Уж куда больше! Вот крупа: 12 килограммов. Учтите, что у нас свой огород и Александр Сергеевич получил три почетных грамоты, как передовик-огородник, так что овощей у нас вдоволь. Летом мы на молочные продукты переходим. В июле прошлого года больше двухсот рублей на них израсходовали. Пожалуй, особых изменений в питании сделать и не придется. Если только прибавить еще немного жиров...

Александр Сергеевич, несмотря на свои почти пятьдесят лет, — инженер очень молодой: только в 1948 году он заочно окончил Московский текстильный институт, став инженером на «Трехгорке», где начал некогда свой трудовой путь рабочим.

Есть и у Горячевых свой план: решили они дачу строить.

— Да вот еще что,— говорит Горячев,— обязательно купим баян. У нас в семье все баянисты, а Геннадий даже в детской музыкальной школе учится, так что ему хороший баян нужен. Советская власть ему этот подарок делает.

...Так из выигрыша каждой советской семьи составляется всенародный выигрыш от нового снижения цен в 110 миллиардов рублей.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Любовь Филипповна Воробьева вернулась из магазина.
Фото Е. Умнова

ПРИЕЗД В МОСКВУ ДЕЛЕГАЦИИ ПОСТОЯННОГО КОМИТЕТА ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА СТОРОННИКОВ МИРА

Члены делегации на Центральном аэродроме в Москве. Слева направо: Сандро Пертини, Эмилио Луссу, Ив Фарж, Конатэ Мамаду, г-жа Фарж.
Фото А. Батанова (ТАСС)

5 марта в Москву приехала делегация Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира для вручения обращения комитета Верховному Совету СССР.

В составе делегации — члены Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, видные общественные деятели Франции, Италии, Англии, США.

В числе прибывших — Ив Фарж, Д'Астье де ла Вижери, Лоран Казанова, Люсьен Жайя, Конатэ Мамаду и Антуан Дарлан (Франция), Сандро Пертини, Вигано Рената, Эмилио Луссу и Пиетро Амадео (Италия), Джон Плэттс-Миллс (Англия), Иоганес Стил и Рокуэлл Кент (США), Джеймс Эндикотт (Канада).

На Центральном аэродроме многочисленные представители советских общественных организаций тепло встретили прибывших.

Делегацию встречала группа депутатов Верховного Совета СССР — И. А. Лихачев, Л. М. Леонов, И. С. Хохлов и М. К. Симонженкова, представители советского Комитета защиты мира А. А. Сурков, З. Н. Гагарина, В. П. Волгин, Н. А. Российский, Д. И. Заславский, Л. Т. Космодемьянская, Д. Д. Шостакович, В. И. Пудовкин и М. И. Котов, представители Славянского комитета СССР, Антифашистского комитета советских женщин, Союза советских писателей СССР, ВОКС, Антифашистского комитета советской молодежи, стахановцы московских предприятий, виднейшие деятели науки и искусства, представители советской печати.

Депутат Верховного Совета СССР, лауреат Сталинской премии, писатель Л. М. Леонов горячо приветствовал прибывших из-за рубежа самоотверженных борцов за мир, за самое дорогое, что есть на свете, — за человеческие жизни.

С ответной речью выступил председатель организации «Борцы за мир и свободу», член Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира Ив Фарж.

— Мы только что совершили большое путешествие, — сказал он, — чтобы вручить Верховному Совету СССР предложение Всемирного комитета сторонников мира. Такие предложения сейчас вручаются правительствам во многих столицах земного шара.

В момент, когда мы вступаем на советскую землю, когда мы пожимаем руки наших советских друзей, мы хотим наше приветствие, которое мы к ним обращаем, отнести также ко всем народам Советского Союза.

Мы благодарим вас за радушную встречу и говорим:

— Да здравствует Москва!

— Да здравствует мир!

ИЗОБИЛИЕ

Первые дни торговли по новым ценам превратились в Харькове, как и всюду, в настоящий праздник. Встречаясь у ворот заводов, в магазинах, в троллейбусах и трамваях, люди поздравляли друг друга с радостным событием.

В один из продуктовых магазинов вошел знатный токарь завода маркшейдерских инструментов Иван Васильевич Курманов с женой Валентиной Петровной. Супруги купили колбасу, сыр, масло, консервы, конфеты.

— Жена подсчитала, — говорит Иван Васильевич, — что в результате снижения цен мы за год будем сберегать 25 процентов бюджета— 10 тысяч рублей. Это дает мне возможность сделать много разных приобретений. Я куплю жене, себе и сыну новую обувь. Недавно я сшил себе очень хороший костюм, а сейчас думаю сшить еще один, купить жене платье и пальто, а сыну — костюмчик.

Жена слесаря-стахановца завода транспортного машиностроения Мария Васильевна Савельева, купив продукты, подытожила, что ей дало снижение цен. Получилась внушительная сумма — 26 рублей 67 копеек.

— Это ведь я только на сегодня покупала, — говорит Мария Васильевна. — В течение года моя семья приобретет много одежды, белья, обуви, трикотажа, хозяйственных вещей. Сейчас даже трудно подсчитать, какой выигрыш дает нам новое снижение цен.

Такие разговоры можно услышать в Харькове повсюду.

Полки харьковских магазинов забиты доверху, а автомашины подвозят со складов и баз все новые и новые партии продуктов и промышленных товаров.

В. КАШТАНОВ

«В ДОЛГУ НЕ ОСТАНЕМСЯ»

Хотя от белорусского селения Узда до большого города добрых 70 километров, селение не кажется заброшенным.

— Узда теперь — торговое место,— говорят жители.

И в самом деле это так. В первый же день после снижения государственных розничных цен мы заглянули на базарную площадь, раскинувшуюся в центре Узды, зашли в районный универмаг, в магазин культтоваров, в продовольственные и хозяйственный магазины. Всюду идет бойкая торговля, всюду людно, оживленно.

Иван Король, председатель колхоза «Звезда», еще накануне приехал в районный центр за покупками. Здесь, в Узде, он узнал о снижении цен. Первым делом Король зашел в хозяйственный магазин.

— Ну-ка, Анна Николаевна,— сказал он знакомой продавщице,— давай товар!

— Что нужно вам?

— Думал для колхоза купить только хомуты, а теперь на эти же деньги можно купить еще и шлеи, и вожжи, и седелку.

Уплатив 797 рублей, председатель колхоза подсчитал:

— Мы на этих покупках около 300 рублей сэкономили. Выходит, что на одной сбруе колхоз за год тысячи две сэкономит, не говоря уже о другом. Большую выгоду получаем от снижения цен!

И в завершение своих подсчетов Иван Король сказал:

— Что ж, мы в долгу не останемся. И мясо, и масло, и молоко — все теперь будем дешевле продавать.

М. ЗИНИН

В магазине «Гастроном» № 2 г. Москвы. За прилавком — продавщица Галина Жукопцова. Фото Г. Дубинского

ЗА ПРИЛАВКОМ

Рассказ Галины Жукопцовой, старшей продавщицы московского магазина «Гастроном» № 2

В ночь на 1 марта все продавцы нашего магазина напряженно работали. Как только стало известно о новом снижении цен, ни один из нас, закончив дневную работу, не ушел из магазина.

Все советские люди радовались Постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), все испытывали горячее чувство благодарности к великой большевистской партии, к мудрому Сталину. Но работники советской торговли были особенно счастливы — ведь нам предстояло принять участие в исполнении этого замечательного Постановления.

Мы не ушли домой, потому что хотели возможно лучше подготовить наш магазин к торговле по новым ценам. За одну ночь предстояло написать тысячи ценников, принять с баз сотни тонн товаров. К магазину беспрерывно подъезжали автомобили, доверху нагруженные продуктами. Они прибывали до тех пор, пока огромные холодильники магазина, его склады, камеры, винные погреба не были заполнены до отказа. После этого подъемные машины стали поднимать в залы магазина ящики с товарами. Пять лет я работаю в «Гастрономе» № 2, но еще не видела в нашем магазине такого богатого разнообразия продуктов.

Мы празднично украсили витрины и прилавки, и к 8 часам утра старшие продавцы и заведующие отделами доложили директору магазина Елизавете Александровне Карповой, что отделы закончили подготовку.

В 9 часов утра раздался звонок, и более ста продавцов заняли свои места за прилавком. Швейцар магазина Иван Осипович Гусев распахнул двери и торжественно сказал первым покупателям:

— Цены снижены! Добро пожаловать!

Наплыв покупателей, особенно в первой половине дня, был раза в три более обычного. Поэтому и после окончания смены продавцы остались на своих местах.

Ко мне подошел высокий пожилой мужчина. Я знала его — это бывший учитель, пенсионер; он всегда делает покупки в нашем отделе.

— Здравствуйте, товарищ Жукопцова, — сказал он, внимательно осматривая товары, выставленные в витрине прилавка. Получив свою покупку, и увидев, что очень многие, так же, как и он, берут виноградное вино, он шутливо спросил меня:

— Вина хватит? Смотрите, какой спрос!

— Хватит, — ответила я.

— И чаю?

— И чаю хватит.

— Все в порядке. Так и должно быть!

Дневник ОГОНЬКА

В УЗБЕКСКОМ КИШЛАКЕ

Радио донесло позывные столицы в кишлак Сары-Мазар, Катта-Курганского района, Самаркандской области, где расположен колхоз «Ак-Алтын». Мумин Норов настроил приемник и услышал всегда волнующие слова: «Говорит Москва!». Внимательно слушал хлопкороб передачу исторического Постановления партии и правительства о новом снижении цен. Когда закончилась трансляция, Норов, возбужденный, поспешил в колхозную чайхану. Здесь было уже много народу: все знали о Постановлении.

— Спасибо родному товарищу Сталину! — воскликнул Норов, и в ответ все захлопали в ладоши.

До поздней ночи оживленно беседовали дехкане. Они говорили о том, что новое снижение цен увеличит покупательную способность колхозного крестьянства, что надо образцово подготовиться к севу хлопчатника и вырастить высокий урожай.

Утром 1 марта задолго до открытия магазина Мумин отправился туда вместе с дочерью Азамат. Оказалось, что так поступили многие. Когда продавец распахнул двери, в магазине сразу стало тесно.

Мумин Норов приобрел для дочери отрез шерсти на костюм, шелк на платье, а себе — охотничье ружье. Камал Зияев купил приемник «Родина»; швейную машину купил молодой жене колхозник Хамдам Ешов. Юсуп Инатов уплатил за велосипед и, довольный, поехал на нем домой.

Мумин Норов с покупками в руках наблюдал, как продавец быстро отпускает мануфактуру, обувь, швейные изделия и другие товары. Вот зашел знакомый Норова — член соседнего колхоза Нигмат Мустафаев. При распределении доходов 1949 года он получил на трудодни 30 тысяч рублей. Мустафаев покупает младшим детям новые костюмы, старшему сыну — мотоцикл.

Только в первый день торговли по новым ценам жители кишлака Сары-Мазар приобрели десять велосипедов, пять ружей, восемь радиоприемников, двенадцать швейных машин, много мануфактуры, трикотажа, обуви, посуды и других промышленных товаров.

Н. ВАЛИН

РАБОТАТЬ ЕЩЕ ВЕСЕЛЕЕ

Длинный пролет цеха сборки Златоустовского завода имени Ленина уставлен комбайнами. На крышах соломотрясок и на бункерах машин стоят и сидят рабочие. Открывается митинг, посвященный Постановлению партии и правительства о снижении цен. Слесари-сборщики, электросварщики, инженеры восторженно приветствуют решение партии и правительства и провозглашают здравицы в честь любимого вождя товарища Сталина. Многие выступают с листками бумаги в руках, на которых подсчитано, насколько улучшился ныне их бюджет.

Цех сборки комбайнов выполнил в феврале свой план на 106,4 процента. Выступающие на митинге предлагают в ответ на снижение цен добиться в марте еще лучших показателей.

— Мы дали стране подарок к дню выборов в Верховный Совет. Но и партия, правительство преподнесли нам замечательный подарок, — говорит бригадир Иванцов. — Еще веселее стало работать, товарищи!

О. СЕМЕНОВ

Ленинград. Новое снижение цен на товары привлекло в магазины большое количество покупателей. На снимке: покупатели в Доме ленинградской торговли.

Фото И. Фетисова и Я. Ярина (ТАСС)

ТРИ МИЛЛИОНА КИЛОМЕТРОВ В ВОЗДУХЕ

В. И. Монахов.

«3 марта в 15.40 Василий Иванович Монахов закончил налет трех миллионов километров».

Такая радиограмма была принята с борта пассажирского самолета «Л-1828», шедшего очередным рейсом из Праги в Москву. Вскоре радист самолета записывал ответную депешу: начальник Главного управления Гражданского Воздушного Флота маршал авиации С. Ф. Жаворонков поздравлял юбиляра — старейшего бортмеханика.

Чтобы налетать три миллиона километров, В. И. Монахов пробыл в воздухе более пятнадцати тысяч часов — около шестисот пятидесяти суток, свыше полутора лет.

Не думал московский слесарь Василий Монахов, в начале первой мировой войны призванный в армию, что можно прожить в воздухе столь долгий срок.

Со дня организации воздушных сил молодой Красной Армии Василий Иванович служил в авиачастях. Кончилась гражданская война, советский народ начал создавать могучую сталинскую авиацию. Вместе с Михаилом Михайловичем Громовым, впоследствии Героем Советского Союза, Монахов готовил кадры летчиков. Когда над просторами Родины пролегли первые воздушные трассы, механик перешел в Гражданский Воздушный Флот. Над льдами Белого моря, над сибирской тундрой летал он вместе с пионерами полярной авиации И. В. Михеевым, Б. Г. Чухновским, М. С. Бабушкиным. При участии Василия Ивановича испытывались первые тяжелые воздушные корабли конструкции А. Н. Туполева.

Налет первого миллиона километров Василий Иванович закончил в 1939 году на линии Москва — Стокгольм. В годы Отечественной войны Монахов не раз участвовал в доставке вооружения и боеприпасов советским войскам. В 1943 году В. И. Монахов был в составе отряда транспортной авиации, обслуживавшего историческую Тегеранскую конференцию. Еще через год он стал первым дважды «миллионером» среди бортмехаников.

Вместе с пилотом Г. С. Бенкунским Василий Иванович совершил транспортный рейс из Москвы в столицу Абиссинии Адисс-Абебу. Западная Европа, Турция, Греция, Балканы, Ирак, Аравия, Египет, Китай, Аляска — во многих аэропортах этих стран приземлялись советские самолеты, обслуживаемые бортмехаником В. И. Монаховым.

Налет третьего миллиона километров Василий Иванович завершил на скоростном пассажирском самолете «ИЛ-12». За самоотверженную службу Родине ветеран авиации награжден четырьмя орденами.

Т. САВИН

ШВЕЙЦАРИЯ

(Путевые заметки)

С. ИГНАТЬЕВ

Рисунки Л. Бродаты

«Традиционный нейтралитет»

На старинной площади Лонжмалль в Женеве минувшим летом можно было видеть выставку картин местных художников. Не имея средств, чтобы нанять помещение — салон или хотя бы скромный зал, — они выставили свои работы на обозрение сограждан и туристов под открытым небом.

Большинство полотен не отличалось ни талантом, ни оригинальностью: посредственные зарисовки живописных уголков Женевы, горные пейзажи, водопады, глетчеры. Только одна из картин привлекала внимание своей злободневностью. На ней была изображена через стеклянную дверь ночного кафе полуобнаженная танцовщица, а на двери кафе — короткая надпись: «Добро пожаловать, янки». Впрочем, картина экспонировалась недолго. Кто-то из власть имущих в Швейцарии, опасаясь, что сюжет картины может вызвать недовольство заокеанских хозяев, предложил организаторам выставки поскорее ее убрать.

За последнее время Женева снискала себе славу «излюбленного англо-саксонского города» на европейском континенте. На берегах голубого Лемана всегда проживало много богатых англичан. Теперь к англичанам прибавились американцы. Агенты ньюйоркских и чикагских банков, сотрудники американской военной администрации в Западной Германии, дипломаты — члены комиссий и комитетов Организации Объединенных Наций, заседающих в Женеве, стандартные американские мисс и миссис, точно сошедшие со страниц иллюстрированных журналов, — вся эта масса «гостей» заполняет женевские отели. Вышколенные портье и коридорные обращаются к приезжим на английском языке. Английская речь господствует не только в залах Дворца Наций в Женеве; она звучит и в стенах старинных швейцарских университетов. В послевоенные годы в Швейцарии появилось поразительно много студентов из-за океана. Говорят, что они занимаются чем угодно, только не науками.

В начале января некоторые иностранные газеты обратили внимание на то, что свыше четырехсот агентов американской разведки проживают в Женеве, Лозанне и других городах Южной Швейцарии под видом американских студентов и проходят специальную подготовку для работы в американской шпионской сети, насаждаемой в Центральной и Юго-Восточной Европе. Это разоблачение вызвало большое смущение в швейцарских правящих сферах.

Во время второй мировой войны Швейцария являлась центром американского шпионажа в Европе. Этим центром руководил Аллен Даллес, брат небезызвестного защитника интересов американских монополий, Д. Фостера Даллеса, одного из наиболее активных поджигателей новой войны. Минувшим летом чехословацкая газета «Лидова демокрацие» сообщала о том, что США приступили к восстановлению в Европе разведывательной организации военного времени, причем центр этой организации должен находиться в Швейцарии и возглавлять его будет все тот же А. Даллес.

Со времени наполеоновских войн Швейцария жила в стороне от военных конфликтов, периодически охватывавших Европу, и пользовалась всеми благами, которые дает положение нейтральной страны. Широко прикрывалась фиговым листком «нейтралитета» швейцарская буржуазия: в годы первой, а затем и второй мировой войны швейцарские промышленные предприятия работали с предельной нагрузкой. Машиностроительные заводы и текстильные фабрики, предприятия часовой промышленности, шоколадные фабрики Нестле, Тоблер, Сюшар были обеспечены заказами на много месяцев вперед. Наземная связь между гитлеровской Германией и фашистской Италией осуществлялась через швейцарскую территорию. Швейцарские банкиры удваивали, утраивали, удесятеряли свои доходы.

Период наибольшего процветания ассоциируется поэтому у швейцарского буржуа с годами войны.

— Золотое то было время, — говорил мне один цюрихский промышленник, умалчивая, что в те годы мир истекал кровью и зловеще дымились трубы Майданека и Освенцима.

Но что ему, члену административных советов десятка промышленных предприятий и банков, до бедствий народов! По данным федеральной статистики, число миллионеров возросло в Швейцарии за пять лет (1940—1945 годы) с 1563 до 1912.

Недавно американская разведка, прикрывавшаяся вывеской «Объединенного совета инженеров США», разослала анкету инженерам и ученым Швейцарии, по преимуществу физикам и химикам, предлагая им сообщить о своей специальности, производственном опыте, возрасте и т. д. Из письма, сопровождавшего анкету, явствовало, что опрос производится в интересах военного ведомства США. Это вызвало такое возмущение в стране, что федеральный департамент внутренних дел был вынужден посоветовать не отвечать на анкету из... «уважения к традиционному нейтралитету Швейцарии».

Впрочем, этот «традиционный нейтралитет» кое-кем в Швейцарии понимается своеобразно.

— Экспорт оружия, — рассказывал в поезде Берн — Лозанна мой спутник, оказавшийся деятелем швейцарского рабочего движения, — это одна из наиболее прибыльных статей швейцарской внешней торговли. Во время второй мировой войны Швейцария поставляла оружие фашистской Германии. После окончания военных действий в Европе наши промышленники нашли покупателей в Голландии, во Франции, Индии и Пакистане, на Ближнем Востоке. Оружие, изготовляемое в Швейцарии, применяется в Индонезии и Вьетнаме против народов этих стран, в Кашмире, в пустынях Ближнего Востока...

Демократическая общественность Швейцарии не перестает выступать против торговли оружием. Один из пунктов резолюции, принятой на съезде швейцарской партии труда, происходившем в Базеле, требует немедленного запрещения вывоза оружия из страны. Однако, насколько известно, пока в этом деле нет никаких перемен...

Из беседы с моим случайным спутником я узнал многое, о чем буржуазная печать Швейцарии предпочитает умалчивать.

— Известно ли вам, — говорил он, — что, не имея колоний, Швейцария должна быть причислена к числу колониальных держав? Швейцарские банкиры и промышленники не менее заинтересованы в сохранении колониального режима в Азии и Африке, чем империалистические круги Англии и Соединенных Штатов. Значительную часть национального дохода Швейцарии составляют поступления от капиталовложений за границей, по преимуществу в колониях и так называемых «отсталых странах». В наиболее отдаленных районах Азии и Африки вы можете встретить швейцарских миссионеров, «просвещающих» отсталые племена. Крестом и библией они усердно служат интересам швейцарских банкиров.

Клиентура швейцарских банкиров

В один из воскресных дней я сидел в Женеве, в небольшом кафе на улице Сэн Жан. День клонился к вечеру. Воздух был кристально прозрачен. Казалось, можно видеть движение глетчеров на склонах Монблана, врезавшегося в лазурное небо зубцами своих вершин. Легкие порывы ветра струили душистые волны из цветущих по соседству садов.

— Александр Дюма, — говорит мне страдающий одышкой хозяин кафе, — любил сравнивать Женеву с красавицей-султаншей, беспечно раскинувшейся от озера до подножья гор. Женевское озеро вдохновило не одного писателя и поэта...

Хозяин кафе шумно вздохнул и погрузился в воспоминания далекой молодости. Он забыл добавить, что «роскошная красавица» была прежде всего расчетливой «царицей торговли и промышленности» — купеческой Женевой.

Швейцария давно перестала быть землей мелких собственников и пастухов. В наши дни это индустриально развитая страна. Около шестидесяти процентов населения занято в промышленности и торговле, и только четвертая часть связана с сельским хозяйством. По подсчетам швейцарских экономистов, 80 процентов национального богатства сосредоточены в руках небольшой группы лиц, составляющих менее двух процентов населения страны.

Уже при первых прогулках по улицам Цюриха, Базеля, Женевы бросается в глаза обилие банков и страховых компаний. Одна из местных демократических газет писала, что в Англии одно финансовое предприятие приходится на каждые 5 тысяч жителей, а в Швейцарии — на каждые 2 тысячи.

Четыре финансовых кита: Швейцарский кредит, Швейцарское банковское общество, Союз швейцарских банков и Швейцарский национальный банк — контролируют всю экономику страны. Деятельность этих банков, равно как и связанных с ними базельских, цюрихских и женевских страховых компаний, выходит далеко за пределы Швейцарии. Некоторые страховые компании проводят свои операции с валютами 60—70 различных государств.

В тиши просторных кабинетов обсуждаются и подготавливаются таинственные операции, которые часто не находят отражения в записях бухгалтерских книг. В швейцарских банках хранятся, например, зашифрованные вклады, имена владельцев которых известны одним директорам.

Среди таких тайных клиентов швейцарских банков видные политические деятели Западной Европы, восточные монархи и их министры, китайские реакционеры. Лишь время от времени на страницы газет просачиваются скудные сведения о подобных финансовых операциях, проводимых в Швейцарии.

По сведениям итальянской газеты «Темпо», состояние Чан Кайши, хранящееся в подвалах Швейцарского федерального банка, достигает трех миллиардов долларов. В швейцарские банки переправляют награбленные богатства фашистский диктатор Тито и его подручные Ранкович, Джилас и К°. Известно, что в эти же банки в свое время поместили крупные вклады главари нацистской Германии. С большой неохотой и только после энергичного дипломатического воздействия швейцарские власти согласились передать западным державам после разгрома гитлеровской Германии часть этих средств. Как ни пытается швейцарская буржуазная печать замолчать скандальные махинации и аферы женевских, цюрихских или базельских дельцов, как ни закрывает швейцарская Фемида глаза на противозаконные операции финансовых и промышленных тузов, тем не менее заговор молчания время от времени нарушается. Это происходит в тех случаях, когда скандалы получают слишком широкую общественную огласку.

«Старейшая демократия»

Андре Боннар, профессор Лозаннского университета, известен, как мне рассказывали в Лозанне, своими прогрессивными взглядами. Он выступал с публичными лекциями о героической борьбе греческого народа против происков международной реакции и монархо-фашистских палачей. Боннар открыто заявляет о своих симпатиях к демократическому лагерю, к движению сторонников мира и сам является активным борцом за мир. За это реакционная лозаннская университетская профессура объявила ему бойкот.

Несколько лет назад швейцарский журналист Полюкс выпустил книгу, в которой разоблачал действия швейцарских правящих кругов. Он показал, что представляет собой в действительности «старейшая в мире демократия» — так швейцарские буржуа любят за кружкой пива называть свою страну. Попробуйте разыскать в Берне, Цюрихе, Лозанне или в любом другом швейцарском городе эту книгу! Она исчезла из витрин и с полок книжных магазинов.

Я спросил продавщицу газет на улице Верден в Женеве, почему в ее магазине отсутствуют газеты швейцарской партии труда «Вуа увриер» («Рабочий голос») и «Форвертс» («Вперед»), а также парижские «Юманите» и «Се Суар».

— Разве мосье не знает, что это левые газеты? — ответила она. — Компания Навиль, распространяющая печать на юге Швейцарии, требует, чтобы эти газеты не продавались.

Летом 1940 года, после германского вторжения во Францию, кантональные власти Женевы решили, что наступило время действовать открыто. Демократические газеты «Травай» («Труд») и «Друа дю пепль» («Право народа») были закрыты, а типография, обслуживавшая эти демократические издания, конфискована. Прогрессивные организации были запрещены, неугодные женевской буржуазии депутаты исключены из состава кантонального совета. Были уже составлены списки лиц, которых собирались лишить гражданских прав...

Но эхо великих битв на востоке, в которых Советская Армия развеяла миф о непобедимости немецко-фашистских войск, особенно победа под Сталинградом, поколебали уверенность реакционных правящих кругов Швейцарии. Они поспешили завуалировать взятый курс на фашизацию страны. Демократические организации смогли возобновить свою деятельность. И во время муниципальных выборов в Женеве весной 1943 года швейцарская партия труда, только что тогда возникшая, одержала блестящий успех: из шестидесяти избранных муниципальных советников двадцать шесть были ее кандидатами. Так ответили трудящиеся на происки реакции.

Швейцарская буржуазия всегда стремилась избегнуть концентрации рабочих в крупных промышленных центрах. Отсюда политика рассредоточения предприятий по всей стране. Накануне войны из 800 тысяч рабочих, занятых на фабриках и заводах или ремеслами, только 230 тысяч были городскими жителями.

И все же, несмотря на все усилия помешать борьбе рабочего класса за свои права, укреплению и развитию рабочих организаций, в Швейцарии все более учащаются столкновения между трудом и капиталом.

В настоящее время, несмотря на то, что швейцарская буржуазия, пользуясь услугами социал-предателей и желтых профсоюзных чиновников, пытается помешать борьбе трудящихся за мир и демократию, за улучшение своей участи, рабочий класс и прогрессивные силы в Швейцарии активизируют эту борьбу. Минувшим летом с успехом проходили кампания против дороговизны жизни и сбор подписей на «тетрадях мира». Все более широкий размах принимает женское движение, особенно в кантонах французской Швейцарии.

— Бросается в глаза тот факт, — заявил выступавший на съезде партии труда ее председатель Леон Николь, — что наша партия оказывает на политическую жизнь страны гораздо большее влияние, чем об этом свидетельствует количество ее представителей в руководящих органах Швейцарской федерации.

Последствия «плана Маршалла»

Сравнительно высокая экономическая конъюнктура, которая существовала в Швейцарии во время войны и в последующие послевоенные годы, уступает теперь место депрессии. Растет число безработных: ряд отраслей промышленности сокращает производство. Такая картина наблюдается в химической, текстильной, часовой промышленности.

Газеты французской Швейцарии с тревогой писали, что за четыре с половиной месяца прошлого года коммуна Лозанны полностью исчерпала незначительную сумму в 450 тысяч франков, которые по ее бюджету предназначались на весь 1949 год для выплаты пособий безработным. Всякий раз, когда мне приходилось беседовать с рабочими, они с тревогой говорили о будущем. В опубликованном недавно сообщении Базельского союза предпринимателей химической промышленности говорится о предстоящих в 1950 году увольнениях рабочих. В магазинах, заваленных товарами, продавцы жалуются, что число покупателей резко сократилось и в торговле наблюдается застой.

На площади Карнавэн, перед вокзалом, уличный продавец разложил на складном столе множество заводных игрушек: танцующие пары, танки, автомобили, шагающие куклы... Возьмите одну из игрушек и вы прочтете в углу едва заметную надпись: «Сделано в Японии». Возьмите вторую и прочтете: «Германия, американская зона оккупации». Но дело не только в игрушках. На улицах Женевы, Берна, Фрибурга, Невшателя можно увидеть настоящие автомобили, выпущенные заводами Западной Германии, которые работают под американским контролем, в магазинах — товары с американской фабричной маркой.

— Да, вы правы, — уныло говорил один из бернских торговцев, которому я рассказывал о своих наблюдениях. — Борьба за международные рынки обостряется, неизбежно сокращение нашего экспорта. «План Маршалла» разочаровал даже тех, кто недавно выступал в его защиту.

Ни для кого теперь не является новостью, что пресловутый «план Маршалла» обанкротился. Показательно, что даже такая страна, как Швейцария, не могла избежать его губительных последствий.

Из месяца в месяц уровень жизни населения в Швейцарии снижается. Он еще высок по сравнению с другими странами Западной Европы, разоренными войной, но целые группы населения вынуждены уже сокращать свои расходы. Растет дороговизна. С 1 февраля цена на хлеб повысилась на 9 процентов. А между тем уже весной и летом минувшего года в некоторых швейцарских городах домашние хозяйки протестовали против того, что цены на сахар и другие продукты питания искусственно поддерживаются на высоком уровне.

«Вторая профессия»

Женевские буржуа весьма умеренны в своих привычках и расчетливы в расходах. И, конечно, они абсолютно равнодушны к отечественной науке и искусству.

Осматривая один из женевских музеев, я разговорился со стариком-сторожем. Когда мой собеседник узнал, что я советский гражданин, он крепко пожал мне руку: «Великое спасибо, — сказал старик, — вашей стране. Мы, простые люди, высоко ценим борьбу за мир, которую она ведет. Я сам по мере своих сил стараюсь внести свою лепту в дело мира». Оказалось, что передо мной в ливрее сторожа — поэт, который не раз печатал свои стихи. Весной невшательское радио передавало его поэму, посвященную миру.

— Почему же вы носите эту форму? — спросил я старика, показывая на куртку, обшитую галуном.

— Что делать? — ответил он со вздохом. — Жить ведь надо. За поэму я получил семь франков тридцать сантимов, а за большинство стихов не получил ни одного су.

Через несколько дней в местных газетах было напечатано сообщение о смерти одного из крупнейших современных швейцарских драматургов — Цезаря Аркса. Как полагается, буржуазная пресса почтила покойного писателя хвалебными статьями и прочувствованными некрологами. Но она умолчала о том, что, обессилев в борьбе с нуждой, Цезарь Аркс покончил жизнь самоубийством.

— Трудно представить, насколько тяжело положение писателей, художников, скульпторов в нашей стране, — жаловался мне один из молодых женевских литераторов, рассказывая об обстоятельствах смерти Аркса. — Занимаясь литературой или искусством, невозможно обеспечить себе сколько-нибудь сносное существование. И приходится выбирать вторую профессию, чтобы прокормить семью и избежать петли...

...Рано утром я покидал Швейцарию.

— Наступит день, — сказал провожавший меня на аэродроме женевский журналист, — а мы верим, что этот день недалек, когда свет подлинной свободы загорится на вершинах наших гор и берегах озер. Это будет чудесный, животворный свет, к которому веками тянется наш народ. Передайте привет вашей прекрасной стране и скажите, что к ней устремлены наши мысли.

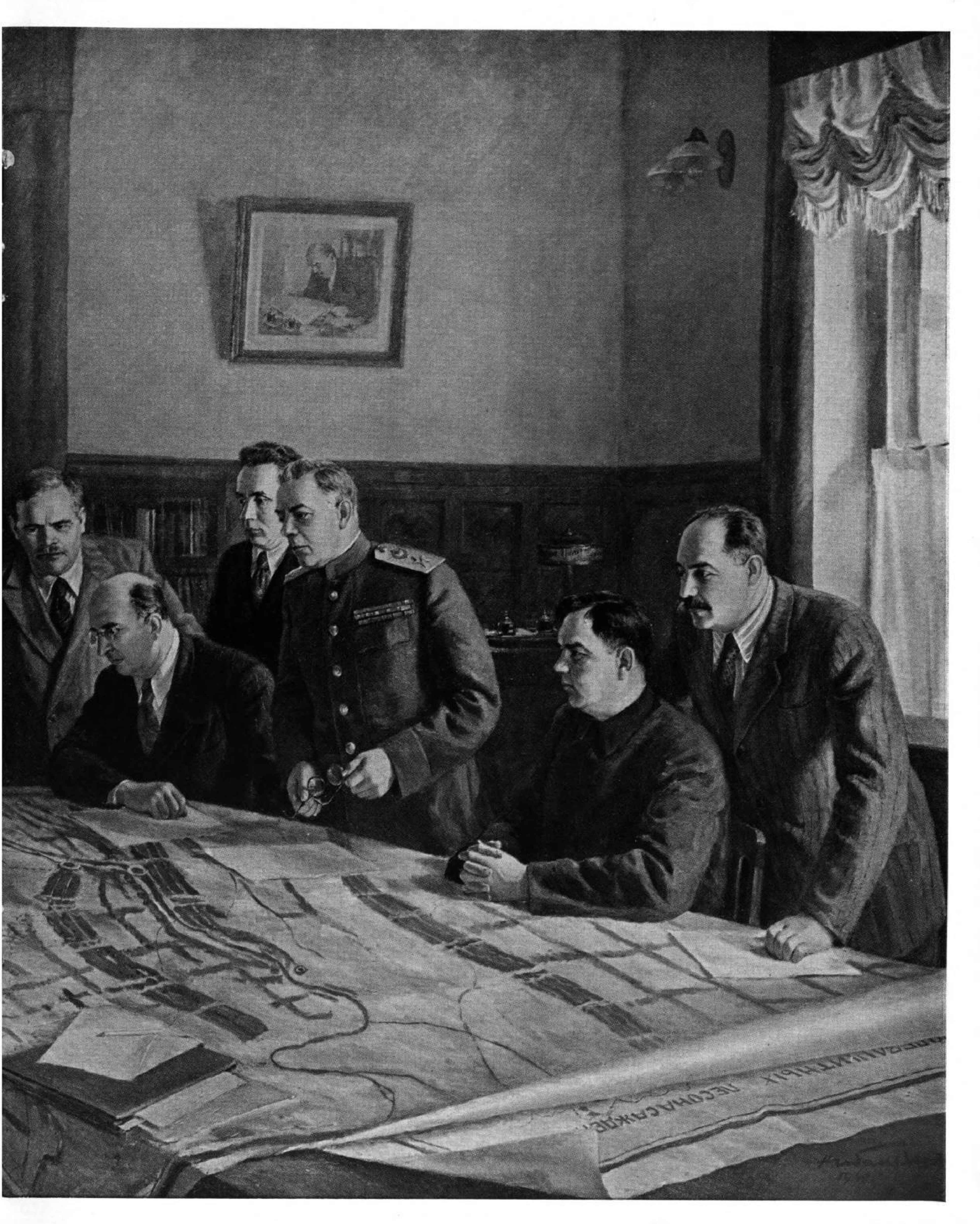

ДЛЯ СЧАСТЬЯ НАРОДА.

(Заседание Политбюро ЦК ВКП(б).

Художник **Д. Налбандян.**

Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

ВДОХНОВЕННЫЙ ПЕВЕЦ УРАЛА

Однажды Павла Петровича Бажова, старейшего советского писателя, автора «Малахитовой шкатулки», пригласили на собрание композиторов. Речь шла об освоении темы Урала в музыке. Композиторы познакомили Павла Петровича с новыми своими произведениями, которые были овеяны образами его сказов. Хозяевам не терпелось узнать, что скажет уважаемый гость.

А Павел Петрович, улыбаясь чуть приметно и забирая в кулак седую свою бороду, раздумывал над тем, с чего начать. Каждый день приходится ему встречаться с многими людьми. И все это люди разнообразных профессий, очень несхожие друг с другом, но по-своему интересные. Различие их труда приводит к особенностям речи, к определенному строю образов, близких им. И всякий раз надо уловить эти особенности. Тогда-то и найдутся слова ясные и простые.

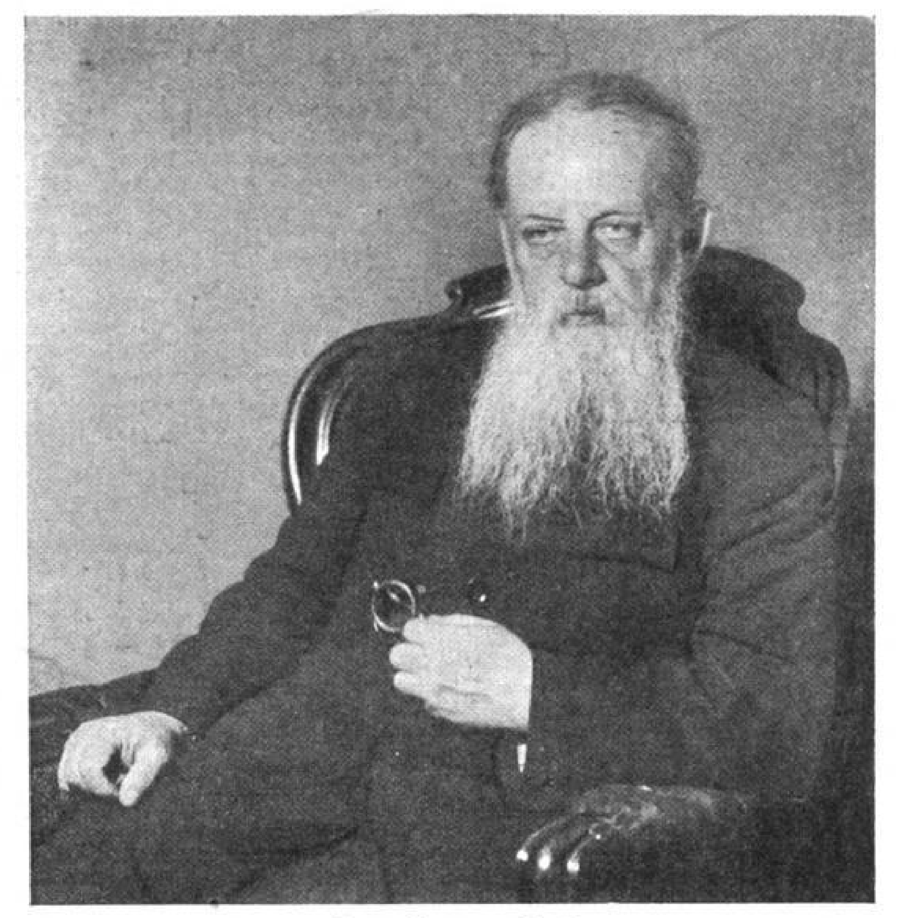
После короткого раздумья Павел Петрович заговорил о музыке уральского леса, о том, что каждое дерево в этом лесу «звучит по-своему» и надо учиться различать их звучанье. И начался настоящий разговор об искусстве, об индивидуальности художника в любом жанре.

Разговор этот Павел Петрович закончил замечательным рассказом об одном старом гранильщике уральских камней-самоцветов. Было у гранильщика три сына. Он обучил их своему мастерству, давал им «урок» на каждый день и по вечерам проверял работу. Проверял по-особенному. Старик заставлял сыновей собирать ограненные ими камешки в один «ворошок», а потом сам разбирал его на три кучки, — какая огранка кому принадлежит: старшему, среднему или младшему сыну. И никогда не ошибался, ни в одном камешке.

Из своего рассказа Павел Петрович не сделал никакого вывода — вывод напрашивался сам: работай так, чтобы работа твоя была «на отличку». Таким образом, этот мудрый рассказ был не столько о метком глазе старого гранильщика, сколько о мастерстве его сыновей. Композиторам было над чем задуматься.

Теплое чувство долго не покидает человека, поговорившего с Бажовым. К нему, к писателю, государственному деятелю, депутату Верховного Совета СССР, люди приходят не только в дни официальных приемов. Они встречаются с ним ежедневно, рассказывают ему о своих до чрезвычайности разнообразных делах, просят помощи и совета. Иногда просто рассказывают о своей жизни, уверенные в том, что нашли отзывчивого и задушевного собеседника. А те, кто живут вдалеке от Свердловска и не могут встретиться лично, а хотели бы сообщить любимому писателю о себе, пишут ему письма.

Одно из таких писем, полученных Павлом Петровичем в декабре минувшего года, представляет собой замечательный человеческий документ. На нескольких страницах развернута, как говорится, «своя история». Одна ленинградская работница рассказала в своем письме о том, что с детских лет (это было еще до революции) она воспитывалась у чужих людей. Не всегда это оказывались добрые люди. Девочка немало настрадалась, пока не попала наконец в хорошую рабочую семью. Когда началась на Урале гражданская война, девочка потеряла эту приютившую ее семью... Прошли многие годы. Все это время она старалась найти людей, участливо отнесшихся к ней в детстве. И вот теперь с чувством веры в счастливый исход обратилась она к человеку, который может ей помочь, потому что хорошо знает ее родной край, людей этого края.

Павел Петрович Еажов.

Такое письмо нельзя читать без волнения. По-своему интересны и многие другие письма. Почта Павла Петровича разнообразна: от жалобы до стихотворения. Да, Бажову, отличному мастеру прозы, посылают стихи не так уж редко, ибо вполне справедливо убеждены в том, что автор «Малахитовой шкатулки» — прежде всего поэт.

Людей к нему притягивает его огромное знание жизни. Родился он в рабочей семье, детство провел в Полевском заводе и еще в те далекие годы впервые услышал рабочие «тайные» сказы. Они запомнились ему, полюбились. И эта любовь повела его потом, уже взрослого человека, по дорогам родного края с записной книжкой в руках на поиски уральского фольклора. Павел Петрович был тогда учителем. После он участвовал в гражданской войне, вступил в ряды большевистской партии, занимался партийно-политической работой, журналистикой, литературным творчеством. С годами литература стала главным делом его жизни.

Семьдесят один год этому человеку, а посмотрите, как молод он в своих делах, как прекрасно осведомлен, как успевает за всем новым! Ни одно сколько-нибудь значительное событие уральской действительности не проходит мимо него. Он старается бывать повсюду, где только возможно, старается узнать как можно больше, но не для того, чтобы обогатиться только самому, а для того, чтобы раздарить это богатство другим — окружающим его людям. Подлинное знание жизни позволяет ему в повседневных беседах с людьми «по-стариковски опереться на костылек примера». Отличное выражение, полное глубокого смысла!

Творческим людям, особенно молодежи, которая непосредственно и всегда открыто выражает свою любовь, хочется быть поближе к Павлу Петровичу, испытать радостное чувство общения с человеком большой души и таланта, с удивительным мастером слова.

«Изучайте жизнь, узнавайте получше людей», — советует Бажов.

Слова эти полны живого неподдельного участия к судьбе человека, который нуждается в поддержке, в добром слове.

Самого Павла Петровича интересует в жизни все: от великого до малого, — от выпуска огромных «шагающих» экскаваторов на Уралмаше до производства специальных камней для бумажной промышленности на маленьком заводе под Свердловском.

О себе как о писателе Павел Петрович из чувства скромности говорит прежде всего в связи с уральской стариной. Это, конечно, несправедливо. Лучшие сказы «Малахитовой шкатулки» написаны с позиций современности, с позиций молодого советского века. Этого невозможно было бы сделать, если бы писатель Павел Бажов не находился в самой гуще жизни, не был передовым человеком.

И люди любят его за остроту и ясность взгляда.

С какой любовью встретили уральцы семидесятую годовщину со дня рождения своего писателя-земляка! Выражалась эта любовь и в подарках, и в душевных словах, и в пожеланиях работать с прежней силой, и в поцелуе старого уральского рабочего.

А сегодня эта любовь выражается в том, что трудящиеся Урала снова избирают товарища Бажова депутатом Верховного Совета СССР.

И радостно в эти минуты думать о скромном, простом человеке, который заслужил любовь и уважение народа, его признательность и доверие своим вдохновенным трудом.

Конст. МУРЗИДИ

Для счастья народа

Преобразование природы, подчинение ее воле человека было извечной мечтой передовых русских людей. Об этом вдохновенно писали Гоголь и Чехов, этому посвятили свою жизнь великие ученые нашей страны Тимирязев, Вильямс, Мичурин, Костычев, Докучаев.

Засуха, суховей, «черные бури» — жестокие враги посевов на Поволжье, Дону, в центральных областях. В царской России частые засухи обрекали крестьянство на нищету, на жестокий голод.

Простыми скорбными словами повествует Л. Н. Толстой о тяжких последствиях этого стихийного бедствия:

«...заезжая по деревням я... был приведен в ужас тем, что я видел: поля голые там, где сеяны пшеница, овес, просо, ячмень, лен, так что нельзя узнать, что посеяно, и это в половине июля. Там, где рожь, поле убрано или убирают пустую солому, которая не возвращает семян; где покосы, там стоят редкие стога давно убранные, так как сена было в десять раз меньше против обычных урожаев, и желтые выгоревшие места. Такой вид имели поля... Страшно подумать о том бедствии, которое ожидает население...»

В советские годы мечты о переделке природы обрели реальность. Еще в 1924 году товарищ Сталин писал: «Мы решили... сделать все возможное для того, чтобы застраховать себя В БУДУЩЕМ от случайностей засухи...».

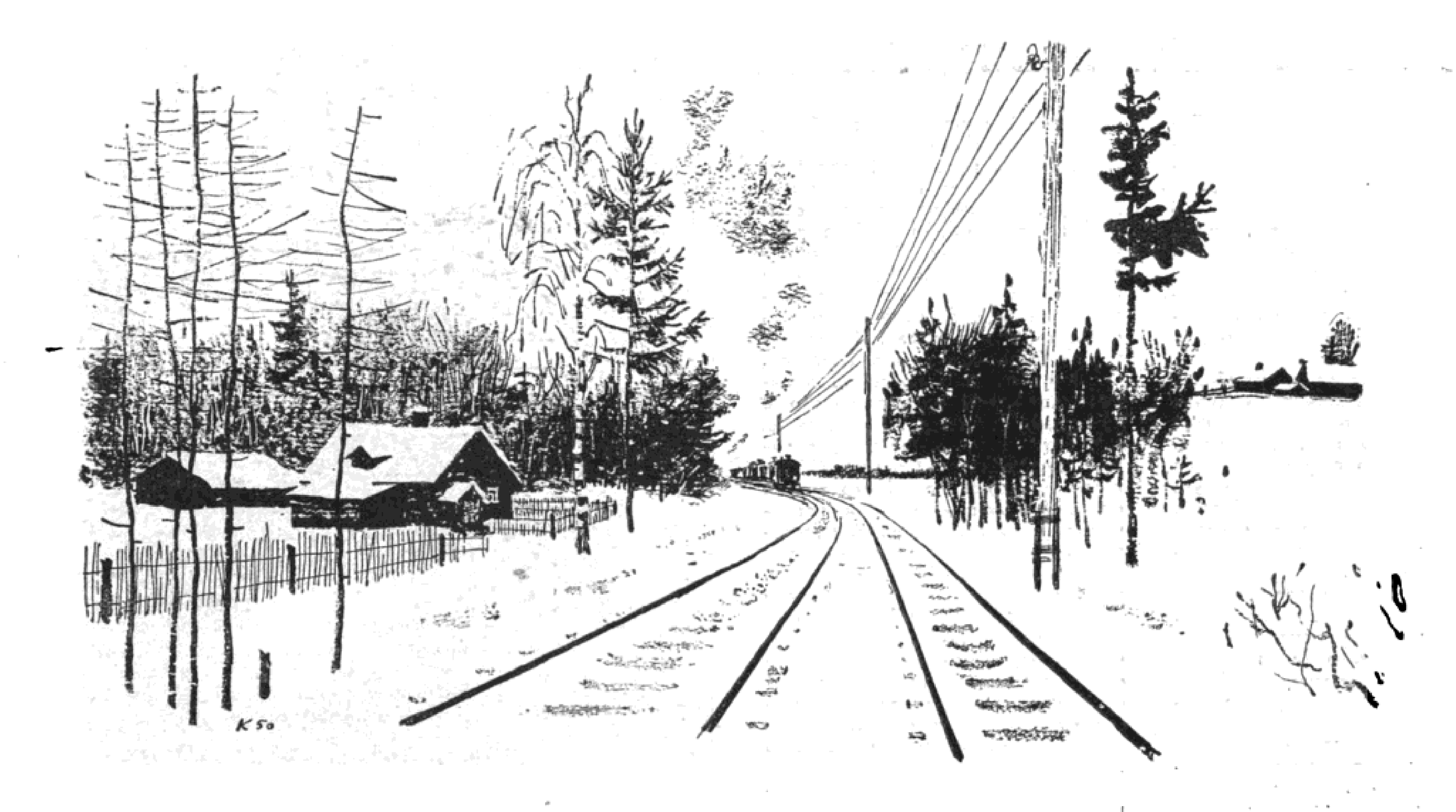
Ныне в засушливых степях пролегли массивы лесов, преграждая дорогу ветрам, засинели прозрачной водой пруды, давая полям влагу. Все шире развертываются работы по осуществлению величественного сталинского плана преобразования природы, воплощенного в историческом постановлении партии и правительства. Природа покоряется воле могучего советского народа...

Все эти мысли как-то невольно возникают у полотна Дмитрия Налбандяна «Для счастья народа» (см. цветную вкладку в этом номере).

Я не искусствовед и не могу говорить о колорите или рисунке картины, но мне, ученику Вильямса, особенно дорого это произведение. Мне кажется, что художнику удалось с большой силой воссоздать образы великого Сталина и его ближайших соратников, передать чувства руководителей советского государства, сознающих всю важность, неоценимое значение гениального сталинского замысла.

Советские художники должны поднимать в искусстве темы большого политического звучания. И в этом смысле картина Налбандяна являет собой достойный пример. Из скромной кремлевской комнаты, изображенной художником, расходятся по всему миру светлые лучи всепобеждающих идей. И радостное волнение испытывает зритель у полотна, воспевающего мудрость Сталина.

В. БУШИНСКИЙ, академик

ДАЛЬНИЕ ДОРОГИ

Рассказ

Сергей АНТОНОВ

Рисунки П. Караченцова

Я люблю ездить на дальних поездах.

Особенно хороши первые часы пути, когда, разложив вещи, пассажиры усаживаются наконец внизу и начинают рассказывать, кто куда едет, по каким делам, начинают знакомиться и приятно поражаться, случайно удостоверившись в том, что имеют общих друзей, или в том, что сражались на одном фронте.

А за окнами, на фоне безоблачного, гладкого неба, плавно, медленно сдвигаются и раздвигаются провода, и от этого кажется, что поезд идет тихо. Но вот все быстрее мелькают телеграфные столбы, и бывалый командированный, знающий все, вплоть до цены моченых яблок в Чернигове, сообщает, что едем под уклон со скоростью шестидесяти километров в час.

Незаметно наступает недолгий вагонный вечер. Командированный разбирает постель, ворочаясь на второй полке, как шахтер в забое. В сумеречной глубине дальнего купе тихо-тихо наигрывают на баяне «Катюшу», разговоры догорают, все реже и реже хлопает дверь, ведущая в тамбур, и только взлохмаченный человек с университетским ромбиком на лацкане пиджака уже третий раз проходит по вагону, безнадежно разыскивая преферансистов.

Ночью на аспидночерных толстых стеклах появляются косые многоточия дождевых капель. Мерцая, проплывает огонек одинокой, затерянной в лесу сторожки путевого обходчика. Проплывают леса, пашни, города. А пассажиры спят. Спят хозяева этих лесов, этих городов и пашен.

Вот и сейчас напротив, на боковой полке спит курносый парень с рассыпчатыми русыми волосами.

Прошло два часа с тех пор, как мы выехали из Ленинграда. Уже глубокая ночь. А я смотрю на курносого парня, на его лицо, сердитое во сне, и все больше и больше убеждаюсь в том, что где-то я его видел.

Я смотрю на него десять минут, пятнадцать, перебирая в памяти свои поездки и встречи, но ничего не могу вспомнить. Видимо, пути наши пересеклись давно и ненадолго.

Парень сладко чмокает и поворачивается на другой бок. На его красивой мускулистой руке, в том месте, где прививают оспу, виден длинный кривой шрам.

«Да ведь это тот самый Шура, который провожал Ивана Афанасьевича на юг!» — мелькает в моем уме.

И я внезапно вспоминаю и этого парня и Ивана Афанасьевича, вспоминаю связанную с ними историю, конец которой мне так и остался неизвестным.

Начало истории такое: летом прошлого года мне пришлось ехать на Черноморское побережье для уточнения изыскательских данных по проектированию подпорных стенок.

Задолго до отхода поезда я сидел в вагоне со своими рейками и теодолитом. Вагон постепенно наполнялся. В наш отсек вошли девушка-студентка, работник Пулковской обсерватории и дородная украинка, гостившая у сына-инженера. А за четверть часа до отхода поезда вбежал запыхавшийся старичок.

Он появился, окруженный шумной толпой ребят, видимо, недавно окончивших ремесленное училище. Они провожали его. Среди них был и этот Шура. Ребята несли вещи старичка: чемодан, запертый на висячий замок, и перину, туго стянутую ремнями.

Толкаясь и перебивая друг друга, ребята вышли и столпились на перроне у закрытого окна. Позади них я увидел женщину лет пятидесяти в платке и макинтоше. Она смотрела в окно и плакала. Иногда она сердито пыталась убедить в чем-то шумливых ребят, но быстро спохватывалась и начинала плакать снова. Старичок сидел у окна, придерживал одной рукой чемодан, а другой раздраженно махал ей, чтобы уходила домой.

Наконец поезд тронулся.

В правом окне виднелся экскаватор, копающий котлован, и люди возле него, в левом — заводские корпуса, окруженные лесами, и возле них тоже люди, люди.

— Двутавры кладут; вон сколько народа,— проговорил старичок, ни к кому, впрочем, не обращаясь.

Он сидел, уставившись в окно и подперев кулачком подбородок так, что белая бородка его топорщилась. Судя по его пальцам, он был металлист. Моя догадка подтверждалась и тем, что, доставая из кармана брюк папиросы, старичок делал такое движение, словно поднимал край длинной, ниже колен, блузы, хотя на нем был надет узкий пиджак.

Я попробовал заговорить с ним. Он делал вид, что не слышит или отвечал с явной неохотой. Потеряв всякую надежду на знакомство, я пошел в соседний отсек играть в домино и рано улегся спать.

Проснулся я ночью. В вагоне было темно, и, лежа на верхней полке, я едва различал фигуру старичка. Облокотившись о столик, он неподвижно сидел в углу и попрежнему упрямо смотрел в окно, хотя ничего не мог видеть в кромешной тьме ночи. Поезд замедлил ход, за окном проплыл электрический фонарь, через все купе словно перевернулась большая яркая страница, и на секунду стало видно грустное лицо старичка. А потом опять потемнело, колеса затараторили чаще, и огни за окном исчезли.

— Вы куда едете? — тихо спросил я.

— В отпуск,— ответил он, не поворачивая головы.— Путевку дали.

— В дом отдыха?

— В дом отдыха. Цихидзири какой-то...

— Вот как! Я тоже буду в Цихис-дзири!

На это старичок ничего не ответил. «Цихис-дзири — так Цихис-дзири. Много там будет полуночников, вроде тебя, в этом Цихис-дзири»,— так и читал я в его сгорбленной фигуре.

Чем больше я смотрел на его ноги, обутые в ботинки и калоши, на петельку вешалки, смешно торчащую из-за ворота его пиджака, тем более одиноким казался мне этот отправившийся в дальний путь человек. Я решил не навязываться и отвернулся.

— Не пожар ли? — через несколько минут беспокойно спросил старичок.

Я посмотрел в окно. Вдали виднелось широкое алое зарево.

Поезд подходил к станции. На фоне зарева выделялись столбы переходного мостика, здание депо, водокачка. Однако никакого беспокойства не чувствовалось. Сцепщик с фонарем спокойно прошел между путями, где-то постукивали молотком по скатам колес...

— Чего же это они... — сказал старичок и попытался открыть окно.

Я соскочил с полки и помог ему.

В стороне от железной дороги возвышались клепаные металлические башни. По башням тянулись длинные стальные трубы, балконы, лестницы. Над всем этим сооружением колыхалось пламя, такое тугое и плотное, что ветер не мог прорвать в нем ни одной дыры. Оно изгибалось, собиралось складками, как знамя, и только верхний край его курчавился под ветром. Далеко вокруг все было освещено алым светом: виднелась насыпь, поросшая бронзовой травой, и полоски рельс, словно раскаленные. По насыпи шагали два розовых человека в распахнутых брезентовых куртках. Над башнями, над насыпью, над пламенем неподвижно висел розовый дым. Это был металлургический завод.

— Вон что! Плавку дают,— сказал старичок одобрительно. — Ночь, а работают!

И тут мы разговорились.

Старичка звали Иваном Афанасьевичем, работал он на одном из самых больших заводов Ленинграда разметчиком, работал почти пятьдесят лет. Я собирался уже спросить Ивана Афанасьевича о причине его плохого настроения, но он, словно вспомнив что-то, снова замкнулся и замолчал.

На другой день вечером мы проезжали Донбасс. Кое-где по пути валялись куски угля, сверкавшие жирным блеском. Трава на откосах, выемках и листья снегозащитных акаций были чумазыми от угольной пыли. На широких равнинах виднелись поселки, состоящие из аккуратных стандартных домиков, терриконы, похожие на египетские пирамиды, красные звезды на вышках шахт, перевыполнивших нормы. По широкой дороге-грейдеру шли шахтеры, закончившие смену, в черных, словно кожаных, спецовках. У некоторых из них на фуражках блестели электрические фонарики...

— Гляньте-ка, уже Туголовская балка,— сказала украинка, пристально всматриваясь вдаль. — Вот она! Скоро мне вставать.

Она высунулась в окно и замерла, глядя на теплое заходящее солнце, на хаты, окруженные тополями и вербами, на беленые маленькие печки на курьих ножках, стоявшие во дворах, на тесный строй ярко-желтых подсолнухов, все как один повернувшихся лицом к солнцу, на бледнолиловые метелки кукурузы.

Село, протянувшееся на десяток километров, наконец кончилось, и открылась бескрайняя, до самого солнца, золотистая пожня. По пожне цепочкой ходили ребята.

— Колоски ищут,— заговорила женщина. — Здесь жнейкой убирали. А вон там — комбайном. В Ленинград ехала — жито зеленое было, а сейчас все чисто. Хорошо, а?

— Хорошо,— сказал Иван Афанасьевич.

— А вон там, гляньте, за ветряком, тоже комбайн убирал. Только этот механик похуже того. Молодой. Вон они — кривули какие!

— Кривули,— сказал Иван Афанасьевич.

— Что это у вас на душе... или горе какое? — спросила вдруг женщина, посмотрев на него в упор.

— Какое там у меня может быть горе!..

— Да, что там. Я вижу... Вы не глядите, что женщина простая. Бывает, расскажешь — и легче станет.

И она пошла увязывать вещи.

Иван Афанасьевич долго косился в ее сторону, но молчал и только в ту минуту, когда она стала прощаться, виновато улыбнулся и проговорил:

— А у нас на заводе статор для Днепровской турбины делают.

Видно было, что он сам стыдится своего упрямого молчанья.

— А какой такой статор? — спросила женщина и, не дожидаясь ответа, пошла к выходу.

На следующий день я проснулся рано, но Иван Афанасьевич уже сидел на своем месте, опершись о столик.

За окном виднелось Азовское море. Далеко от берега по колено в воде неподвижно стояли задумчивые коровы. А совсем вдали белели сотни парусов мелких рыбачьих лодок.

— Рыбку ловят,— сказал мне Иван Афанасьевич. — Сколько на всякие дела людей надо! А вода-то мутная, словно прачки белье полоскали...

Иван Афанасьевич внезапно встрепенулся, хитро прищурился и спросил:

— А ну-ка: мужик три пуда ерша выудил — так может быть?

Я знал этот каламбур, чем немного огорчил Ивана Афанасьевича.

— А вот Шура, профорг цеха, не сразу догадался,— сказал он. — Но и он все загадки разгадывает. Девятнадцать лет, а смышленый парень. Сначала, когда пришел в цех из ремесленного училища, никакого сладу с ним не было. Подо все станки лез. Чуть руку не испортил. А теперь настоящий металлист. Веселый! Надо на вокзал ехать, а он с ребятами потащил меня в кладовку, на весы. Свешали. Вернусь — снова взвешивать станут. Надо прибавить в этом Цихисдзири килограмм или два. А то неудобно перед ними... Да я, сказать по секрету, пока тут в окошко глядел, на килограмм поправился... Сколько времени до Ленинграда телеграмма пойдет?

— Час или два.

— Не больше?

— Не больше.

Иван Афанасьевич снова встрепенулся, словно петух, готовый запеть, и спросил:

— А ну-ка: арбуз весит килограмм и еще пол-арбуза. Сколько весит арбуз?

Так прошли еще сутки.

Днем в вагоне потемнело, и зажглись слабые лампочки. Поезд въехал в туннель. Грохот колес стал отдаваться в ушах так оглушительно, как будто мы двигались по громадной кузнице. Через несколько минут постепенно стало светлеть, грохот колес ослаб, и мы выехали в бесцветный дневной свет.

Вплотную под окнами торчали слоистые серые отвесные скалы. На одной из них, косо уцепившись за камни, росло корявое дерево. Иногда скалы расступались, и становилось видно, как медленно и важно одна из-за другой выдвигались горы, покрытые ослепительно зеленой травой. Горы приближались, отступали, сменялись, и только одна, самая дальняя и самая высокая, с лиловым утесом на вершине, неотступно следовала за нами, поворачиваясь к поезду то одним боком, то другим. Время шло. Горы громоздились все выше и выше. Казалось, поезд блуждал в тесном глубоком ущелье. Из-за частого чередования света и темноты туннелей читать было невозможно. Я задремал. Голос девушки-студентки разбудил меня.

— Дельфин, дельфин! — кричала она.

Я вскочил и высунулся в окно. Гор не было. Был огромный воздушный простор. Море было совсем рядом, у самых вагонов.

Сквозь прозрачную воду виднелось булыжное дно, водоросли, похожие на цветную капусту, солнечные змейки и тень от поезда. И тут я в первый раз увидел, что Иван Афанасьевич улыбается. Что его радовало? Море ли — огромное, искристое море, посредине которого стоял разноцветный двухтрубный лайнер,— или голубое чистое небо, или белые, как бумага, мартыны, перелетающие с камня на камень.

— Смотрите-ка, и тут работают! — сказал Иван Афанасьевич, улыбаясь во весь рот.

Улыбка его была так светла, что и я улыбнулся, глядя на него.

Вдоль берега стояли бетономешалки и транспортеры. Тысячи голых по пояс, загорелых людей участвовали в строительных работах.

Поезд бесцеремонно въехал прямо на Тбилисскую улицу города Батуми и пошел мимо ларьков с надписью: «Пиво — воды», мимо парикмахерских и фотографий, мимо домиков с балконами и разноцветных скверов. Было жарко. На улице виднелись впечатанные в асфальт листья деревьев. Собаки лежали в тени, словно сдохшие. На вокзале Иван Афанасьевич дал какую-то длинную телеграмму, и мы с ним расстались.

Через несколько дней я случайно встретил Ивана Афанасьевича в Батуми. Он искал металлические муфты. Оказывается, в его доме отдыха проводили водопровод и работа стояла вторые сутки, потому что нехватило муфт на пять осьмых дюйма. Иван Афанасьевич был весел, как и в последний день нашей поездки, непрерывно загадывал мне загадки и по-детски радовался, если я не мог отгадать их. Узнав о том, что я возвращаюсь в Ленинград самолетом, он попросил свезти его жене персики.

Мария Сергеевна, жена его, та самая женщина в макинтоше, которая плакала на перроне, сразу догадалась, увидев мою загорелую физиономию, откуда я приехал, и еще в коридоре засыпала меня вопросами о муже.

Я мог рассказать ей только о поисках Иваном Афанасьевичем муфт на пять осьмых дюйма и о трех днях, проведенных вместе с ним в поезде. Я рассказал Марии Сергеевне, что Иван Афанасьевич сначала был сильно не в духе, но к концу пути заметно повеселел и даже сыграл два раза в домино.

— А ведь это чудеса, что он так быстро отошел! — сказала Мария Сергеевна.— Сильно обидели человека...

Хотя прошло больше года с тех пор, как я разговаривал с Марией Сергеевной, до мельчайшей подробности вспоминается мне строгое лицо этой женщины, с резкими, как у мужчины, морщинами, ясный взгляд ее голубых глаз, серые, кое-где серебристые волосы,— видно, начала когда-то она седеть, да раздумала.

Мерно постукивают колеса поезда, свистит за окнами метель, я лежу, глядя на выкрашенный масляной краской потолок вагона, и как будто снова слышу голос Марии Сергеевны.

— Всегда, как новый заказ на заводе начинали,— говорила она,— Иван Афанасьевич сердитый становился такой, неприступный. Придет домой поздно и ворчит: «Не дают на старости лет покоя». Да это все так, для вида. На самом деле приятно ему было, что без него не обходятся, что техники приезжают к нему, а директор, бывает, свою машину присылает, когда нужно вызвать на совещание какое-нибудь. Ворчать ворчит, а едет да еще в усы улыбается, когда никто не видит. Шестьдесят семь лет, а словно ребенок.

Вот дали новый заказ — лопасти какие-то. Разговору об этих лопастях хватило на целый месяц. У нас в квартире три семьи живут, и все мужчины на одном заводе работают. Соберутся на кухне курить и начинают спорить, как размечать да как обрабатывать. Петька соседский во второй класс ходит, а тоже ему интересно: пристал к Ивану Афанасьевичу, чтобы сводил его на завод и показал эти лопасти. Иван Афанасьевич обещал сводить, если Петька станет приносить пятерки.

Моему Ивану Афанасьевичу исполнялось тогда пятьдесят лет работы на заводе. И для своего юбилея решил он исполнить этот заказ особенно хорошо. До ночи с чертежами сидел. Прибор для пространственной разметки придумал. И вот наступил первый день работы над лопастью. Иван Афанасьевич надел выходной костюм, поехал на завод. А для меня тоже словно праздник. Сготовила обед хороший. Накрыла на стол. Сижу — жду. В шесть часов слышу, отпирают дверь в коридоре, слышу, Петька кричит: «Дядя Ваня, а у меня пятерка по арифметике!» А мой Иван Афанасьевич, добрая душа, на него, на Петьку, как зашумит! Что случилось? Звоню в цех. А Шурка, профорг, смеется: «Покупайте мастеру трусы, поедет нырять в Черное море. Вырвал для него путевку на двадцать четыре дня». Такой шалопут этот Шурка. Как зайдет посидеть, так после него целый день посуда в буфете звенит.

Вспомнив эти слова Марии Сергеевны, я снова перевожу глаза на парня с рассыпчатыми волосами, спящего на боковой полке. Лицо у него сердитое, такое сердитое, как будто ему очень не нравится то, что он видит во сне. Интересно все-таки, как это ему удалось уговорить Ивана Афанасьевича ехать на юг. «Завтра надо расспросить»,— решаю я.

Поезд идет. Равномерно, тихо постукивают на стыках колеса. И снова в ушах моих звучит рассказ Марии Сергеевны:

— Подала обед. Молчу. С ним лучше молчать, когда сердится. Он ни суп не доел, ни второе. Сидел, сидел и говорит: «Это директор не

знает. Вот вечером приедет на завод директор, узнает, отменит отпуск — и все. Позвонит мне — и все».

Долго не ложился спать Иван Афанасьевич — все сидел и ждал звонка. Как позвонит телефон, так он в коридор. А там все соседскую Лиду подруги вызывают. Ночь наступила, радио перестало говорить, а он все сидит. И я сижу. Опять звонит телефон. Иван Афанасьевич меня послал. Слушаю: директор говорит. Узнал мой голос и наказывает: «Передайте мастеру, чтобы отдыхал, поправлялся, передайте пожелание счастливого пути».

Вернулась я в комнату, посмотрела на Ивана Афанасьевича, и так мне его жалко стало, что язык не повернулся передать ему слова директора. Сказала что-то про Лиду и легла. Было время: ни в одном большом деле без Ивана Афанасьевича на заводе не обходились, а тут, видите, и обошлись...

Только в поездах бывает так: посмотришь на фонари ночных станций, прислушаешься к далекому гудку паровоза — и слетит на сердце светлая, безотчетная грусть, такая же легкая, как и тихая радость. Вот и теперь, когда вспоминаю я комнату Марии Сергеевны и представляю, как сидит всю ночь обиженный Иван Афанасьевич, дожидаясь звонка директора, мне становится немного грустно.

Утром я познакомился с Шурой, и мы сели играть в домино. Оглушительно стуча костяшками по чемодану, Шура досказал мне историю поездки Ивана Афанасьевича.

— Вижу: пятьдесят лет работает человек на заводе, а ни разу толком не отдыхал. Когда меня выбрали профоргом, я подумал: «Разобьюсь в лепешку, а отправлю мастера на курорт». Попросту он путевку не возьмет — это мне ясно. Тогда я решил сыграть на характере. Выступаю на цеховом собрании, перечисляю стахановцев, премированных путевками. А про мастера молчу. Кончили собрание. Подходит мастер: «Ты что это про меня забыл?». Думаю: «Порядок!» «Дядя Ваня,— говорю,— вы все равно не поедете!» «Не твое,— говорит,— дело, поеду или нет. А предложить должен. Всегда предлагали, а теперь, что я, хуже стал?» «Так ведь не поедете!» «Откуда ты знаешь? Может, поеду!» Думаю: «Порядок!» «Да не поедете!» — говорю. «Нет поеду!» Тут я его и поймал. Через два дня хлоп — приказ. Отпуск мастеру. Подхожу к нему, даю путевку. «Только для вас, дядя Ваня, по вашей просьбе... Езжайте!» А мастер забыл про наш разговор. Смотрит на меня: не смеюсь ли? Потом вспомнил, отвернулся и путевку не берет. «Что же вы, дядя Ваня, делаете? — говорю я ему. — Из-за вас, выходит, путевка пропадает». Положил путевку на плиту и отошел. Вижу: кладет мастер путевку в карман. Порядок! А в обеденный перерыв целый митинг. У нас в цехе ребята — все его ученики. Узнали, что мастер в отпуск идет, шум подняли. Повели его в кладовку на весы, свешали. Тут ему уже совсем задний ход давать некуда. Смотрю: к вечеру пошел мастер в кладовку, инструмент прячет. Он придумал для разметки сложных деталей комбинированный циркуль, так вот этот циркуль и прячет, чтобы я не взял. Ясно. Он думал, что без него не обойдемся и из отпуска вызовем. Только что-то у него в мыслях переменилось. Три дня прошло — получаю телеграмму с объяснением, где циркуль. Отгулял мастер свой срок, приезжает. Тут у нас опять целый митинг. Повели ребята мастера в кладовку на весы. Свешали. На три килограмма поправился. Стали ребята его качать. А у него из карманов болты сыплются. Свешали болты — пять килограммов. После он мне признался: совестно было ему перед ребятами. Вот и наложил в карман болтов...

Шура сразмаху стучит костяшкой по чемодану и говорит: «Считайте рыбу».

Поезд идет белыми снежными полями.

И мне снова вспоминаются мастер с седой бородой, дородная украинка, читающая землю, как книгу, вспоминаются белые паруса рыбачьих лодок, пламя в ночном небе, двухтрубный пароход, золотые пожни Украины, блестящие горы каменного угля, стены лесов и деревья, словно играющие в третий лишний,— перед глазами проходит молодая работящая моя Родина.

Наверное, тогда-то и понял старый разметчик, какое великое множество умелых людей появилось на нашей земле, понял, что не беда, а счастье в том, что перестал он быть исключительным человеком.

ГОВОРИТ НЕФТЬ

Гамзат ЦАДАССА,
народный поэт Дагестана

Никакие инженеры прежде
Мой приют разнюхать не могли,
А теперь известно и невежде,
Что живу я в глубине земли.

Я спала тяжелым сном безделья,
А теперь не знаю больше сна,
Словно пленница из подземелья
Мастерами освобождена.

Был мой век медлителен и долог,
Время надо мной текло рекой,
А теперь разведчик и геолог
Древний мой нарушили покой.

Я не знала, что займусь я делом
Ради мира, счастья и тепла,
Я не знала, что на свете белом
Город есть такой — Махач-Кала.

Не спала бы сном я беспробудным,
Если б знала, что ему нужна...
Ископаемым, богатствам рудным,
Ныне слово я сказать должна:

— Человеку сдайтесь вы на милость,
Выходите вы из тайников,
Ибо вся природа покорилась
Мудрой партии большевиков.

Перевел с аварского С. ЛИПКИН

НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

Василий АКШИНСКИЙ

От селенья к селенью
Прошумела пурга.
Все дороги оленьи
Застелили снега.

Не пройти, не проехать
Ни вперед, ни назад.
Одинокие вехи,
Как былинки, стоят.

Мимо них, громыхая,
Рвется вдаль вездеход.
Хоть и тундра глухая,—
Все вперед и вперед!

И водитель бывалый,
Боевой старшина,
Гнет баранку устало —
Двое суток без сна.

Едет с другом механик,
Что-то пишет в блокнот —
Может, так — замечанья,
Может, краткий отчет:

Как он, ненец-охотник,
Агитатором стал;
Сколько сказов народных
В этот год записал;

Что созрело в теплицах
У колхозных бригад;
Кто уехал учиться
В Салехард, в Ленинград;

Как нашел он по следу
Двух песцов в тальнике;
Как провел он беседы
На родном языке

О великом законе,
О народных правах.
Люди жали ладони:
— Правда в этих словах!

Как в колхозах богатых
Отпускать не хотят,—
Им показывал «Клятву»
По три раза подряд;

Там о Сталине песню
Разучил у костра,
На гулянье воскресном
Пел, плясал до утра...

А водитель усталость
Скинуть силится с плеч:
— Спирту б самую малость,
Да на харч приналечь!..

Друг от дел оторвется:
— Вон и кухня видна...
И в ответ улыбнется
Боевой старшина.

— Это ж только для слова,
Чтобы сон проходил...
И припомнится снова,
Где машину водил.

Да и это не малый
Путь, что светится весь:
Десять Австрий, пожалуй,
Уместилось бы здесь.

Эта тундра такая —
Песни просит душа:
Без конца и без края,
До чего ж хороша!

Размечтается жарко:
— Что нам стужа и льды!
От Кожвы до Игарки
Мы раскинем сады.

Так и едут два друга
От села до села,
Где полярная вьюга
Все пути замела.

В тундре, в стойбище каждом
С нетерпеньем их ждут:
И картину покажут,
И газет привезут...

Зарываются лыжи.
Вечер звезды зажег.
Из-под гусениц брызжет
Синеватый снежок.

СВЕТ НАД ЗЕМЛЕЙ

(Из второй книги романа)

Семен БАБАЕВСКИЙ

Рисунки О. Верейского

Осень пришла рано, и выдалась она на редкость сырой и холодной. Дождь с ветром поливал поблекшие поля. Быстро пожелтели и осыпались листья в садах; голые деревья грустно смотрели на остуженное, пасмурное небо. Луч солнца редко где проглядывал сквозь набухшие тучи. Степь была мокрая, и, может быть, поэтому рядом с темносерой кукурузой уж очень ярко выступали просторные площади озими; всходы были свежие, умытые и зеленые-зеленые, кажется, ни один художник не смог бы положить на полотно такую сочную краску.

Сергей Тутаринов за многие годы полюбил кубанскую осень с ее то веселыми и ясными, то хмурыми и неприветливыми днями. Это время года почему-то всегда напоминало ему некую воображаемую черту, ниже которой сама жизнь, помимо воли людей, подводила итоги тому, что было сделано летом и весной... Думая теперь об этом, Сергей видел под условной чертой не только цифры, а и живые картины: то людную степь в горячие дни уборки; то шумные обозы с зерном, которые давно отгремели по пыльным степным дорогам; то получение рапортов из колхозов о завершении осеннего сева; то многочисленные собрания в станицах и на хуторах, которые состоялись в связи с опубликованием постановления Совета Министров и ЦК ВКП(б) о преобразовании природы; то пуск второй турбины; то свежую строчку столбов по степи от гидростанции до самой станицы Марьяновской,— словом, вся жизнь района проходила перед ним, как на экране.

И особенно нравилось Сергею то, что сама жизнь, хочешь ты этого или не хочешь, не только осенью, а в любое время года умеет рядом с итогами выставить и задачи, совсем еще новые, которые чаще всего бывают не легче, а тяжелее тех, какие уже вошли под условную черту.

Поэтому Сергей, сидя в своем кабинете и глядя на залитые дождем оконные стекла, думал не столько об итогах, сколько о том, что еще предстояло сделать,— по примеру Кондратьева, он завел себе записную книжку, и в ней, помимо других заметок, были обозначены по пунктам эти новые задачи. Так, под пунктом первым значились лесные посадки, которые нужно было провести не раньше и не позднее первой половины ноября; чуть ниже этой записи стояла обведенная кружком цифра 240: она означала количество гектаров будущих лесных полос. Затем эта цифра делилась на 36 — по числу колхозов. «Провести совещание лесных звеньев. Докладчик — Никифор Васильевич Кнышев» — было дописано, очевидно, для памяти. Под пунктом вторым шла запись о технической учебе колхозного актива. Этот пункт особенно беспокоил Сергея: начало занятий на курсах намечалось первого сентября — на дворе уже стоял октябрь, а учеба еще не началась. «Курсы открыть в шести станицах»,— гласила уже застаревшая запись, и тут же было дописано карандашом: «Первое занятие провести в понедельник. За Грачевым закрепить верховую лошадь — пусть ездит из станицы в станицу...» Пункт третий напоминал о механизации животноводческих ферм,— тут неполадок было много. Закупленная аппаратура давно была завезена на фермы, но ни электродойка, ни автопоилки практически нигде еще не применялись. «Вызвать для беседы председателей и заведующих фермами,— говорила последняя строка записи. — Поручить Полищуку проверить...» Четвертый пункт касался получения первых проектов реконструкции станиц Родниковской и Усть-Невинской. Сергей немного задержал взгляд на этой записи, сердито встряхнул чубом, а потом взял ручку и дописал: «Проекты нам очень нужны, а еще нужнее специалисты, а когда они приедут? Запросить телеграфно «Крайпроект...» Далее шли очередные пункты с записями, которые напоминали Сергею о таких важных и неотложных делах, как зимняя агротехническая учеба в полеводческих бригадах или ремонт тракторного парка и сельхозинвентаря, как работа школ, клубов, избчитален, — да мало ли еще какие большие и малые хлопоты приносят с собой осень, а вслед за ней и зима!.. Были в книжке и такие немногословные пометки: «Химия» — учебник В. В. Левченко и др. Где его взять?» Или: «Породы леса: дуб, гледичия, ясень, акация белая, клен остролистый, клен полевой, клен татарский, шелковица белая. Кустарниковые: смородина золотистая, скумпия, бирючина, кизил».

Сергей спрятал в карман записную книжку и только хотел было узнать у секретаря, кто из вызванных товарищей уже приехал, как в дверь просунулась косматая промокшая папаха, сшитая, очевидно, из добрых двух овчин, затем показались широченные плечи бурки, с острыми, лихо торчащими углами, а потом уже в кабинет не вошел, а как-то задом протискался Игнат Савельевич Хворостянкин. «Ну, кажется, один уже ввалился. Э, какой здоровила!» — подумал Сергей. А Хворостянкин уже сбросил с плеч влажную, тяжелую бурку и поставил ее «на попа» — она шатром возвышалась возле дверей; снял папаху, со всего размаху ударил ею о ладонь — густые брызги разлетелись по всему кабинету; широко и шумно ступая грязными сапогами, оставляя следы на полу, он подошел и горячо пожал Сергею руку своей жесткой и мокрой рукой.

— Эх, Сергей Тимофеевич! — заговорил он сиплым, простуженным басом. — За какое такое наказание заставил ехать в страшную непогоду?! На коне и то с трудом добрался. Дорога в горах — плывет!

— Наказание, Игнат Савельевич, еще впереди, — смеясь, сказал Сергей. — Хочу знать точно: почему на ферме «Красного кавалериста» ничего не делается? Ведь ты же сам просил аппаратуру... Или ты только на словах герой?

— Делаем, но нет же специалистов, — Хворостянкин присел на стул, расстегнул полушубок, тяжело вздохнул. — Дай мне специалиста — и я в один миг все сделаю.

— Зачем же «в один миг»? — Сергей внимательно, с чуть заметной улыбкой посмотрел на мясистое с мокрыми усами лицо Хворостянкина. — Игнат Савельевич, слыхал я, будто один человек в Родниковской бросил хвастать и выхваляться и от слов перешел к делу... Но только что-то ничего такого реального не видно...

— Кто ж он, тот человек? — спросил Хворостянкин, усмехаясь и приглаживая рукой мокрые усы. — Это не тот, которого всюду критиковали, а он, бедняга, все терпел, терпел, а потом у него терпение насчет критики лопнуло?.. Собой он такой верзила, первый усач в районе...

— Вот он и есть.

— А, знаю, знаю, в чей огород бросаешь камешки, — Хворостянкин хрипло рассмеялся. — Да, верно, после всей той критики, какая свалилась мне на голову, явилось у меня, Сергей Тимофеевич, желание перестроиться в лучшую сторону. Начал я было во всем строго придерживаться линии нашей партии — даже в самом моем поведении. С Нецветовой, да и вообще с людьми стал обходиться вежливо. Скажу правду, через это себе же в ущерб выбросил из кабинета такое удобство, как электрическую сигнализацию... А почему выбросил? Потому что всерьез решил перемениться, думал, что теперь-то ни Нецветова, ни кто другой не будут меня критиковать, а на практике выходит: опять Хворостянкин не такой... К моей работе и вообще к моему характеру, ты слышишь, Сергей Тимофеевич, Нецветова подкопаться не может, так она теперь схватилась обеими руками за мою культуру и опять не дает спокойно жить... День в день тычет меня носом в разные книги, заставляет романы читать, русскому языку обучает... Смех и грех! Будто я нерусский! Я, говорит, за зиму обтешу тебя и подкую культурно и политически на обе ноги... И ты пойми: кто будет меня обтесывать и подковывать? Баба, да и вдобавок молодая — в дочери мне годится... Да вот и к тебе по дождю прискакал, а что я хорошего услышал? Опять на меня критика, опять Хворостянкин сякой-такой...

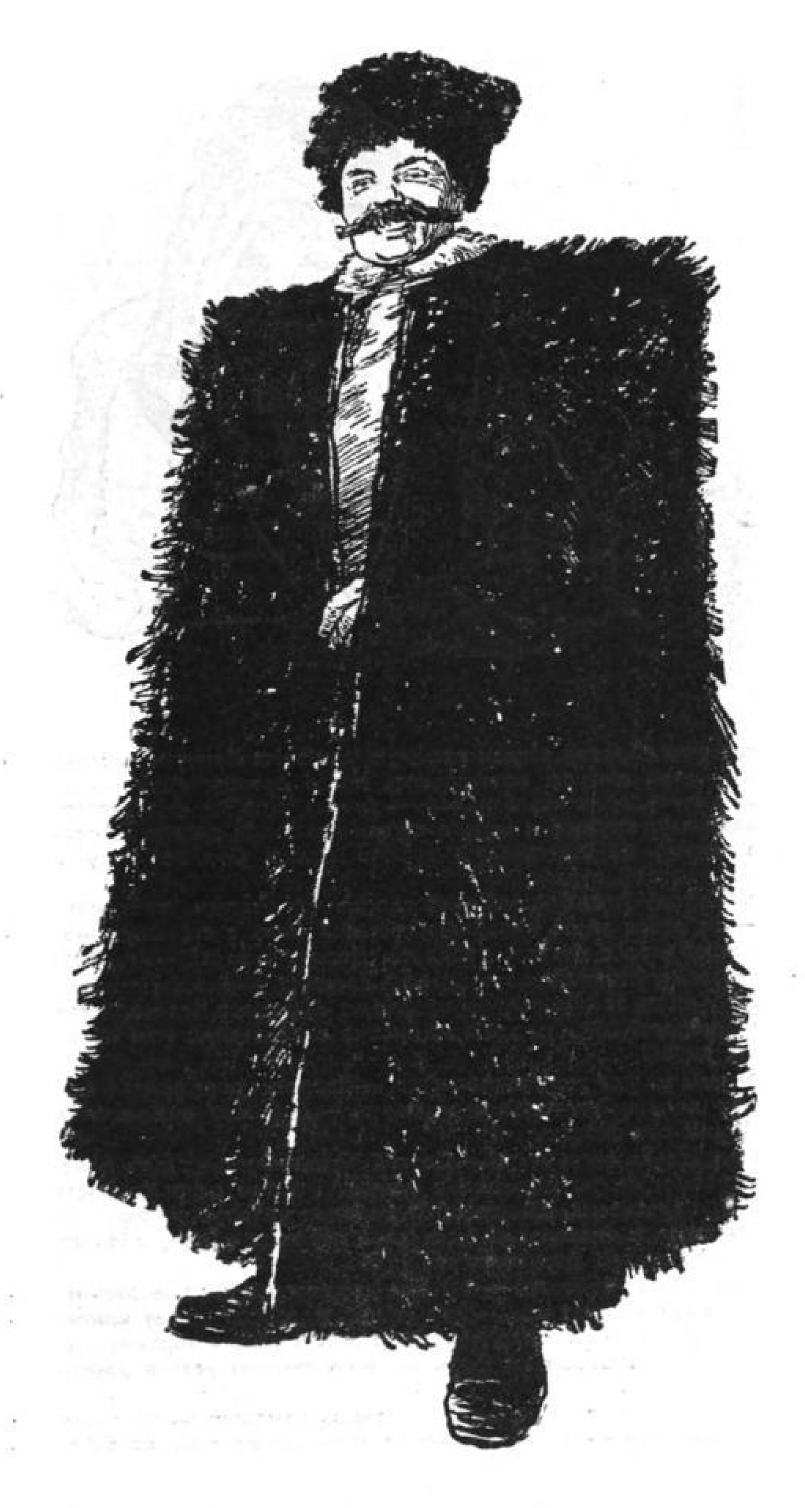
— Значит, еще много слов и мало дела...

— Все мало, все мало,— продолжал Хворостянкин с еще большей хрипотой. — А какое ко мне отношение? Я все же руководитель, а меня сваливают в общую кучу... Разве это порядок?

— Да ты о чем? О какой куче?

— Взять ту же электрическую учебу... — Хворостянкину было жарко, и он, разговаривая, снял полушубок. — Я, конечно, не против изучения техники: без нее жить далее невозможно,— но надо же, Сергей Тимофеевич, иметь подход к людям. — Он вытер папахой лоб, расчесал пальцами взъерошенные волосы. — Посуди сам. В нашей станице охотников изучать электричество набралось человек шестьдесят, а председателей колхозов среди них всего три. А кто такие остальные? Человек десять будут парторги и бригадиры — тоже руководящие товарищи. Есть человек десять пожилых людей. А человек тридцать — это же станичные парни и девчата, которые тут же учатся и тут же влюбляются... И вот я, председатель колхоза, должен сидеть рядом с этой молодежью и заниматься изучением электричества. Это же подрыв всего...

— Никакого подрыва не вижу. Да и что тут такого?

— А то, Сергей Тимофеевич, что мой авторитет...

— А-а... Старая песенка, — смеясь, проговорил Сергей. — Плохо, плохо ты перестраиваешься...

— Нет, послушай, — стоял на своем Хворостянкин. — Ты в армии был. Порядки армейские лучше меня знаешь... Почему, скажи, в армии строго соблюдается... это, как его... как же оно... ну, когда старший начальник...

— Ты хочешь сказать: воинская субординация? — подсказал Сергей.

— Во-во! Почему она существует?

— Потому, что это армия, — сказал Сергей, вставая, — а ты имеешь дело с колхозниками.

— А ежели, допустим, преподаватель вызовет к доске и спросит, а тут, как на зло, что-нибудь такое в технике забудешь и не сумеешь правильно ответить? — спросил Хворостянкин, печально склоняя голову. — А молодежь, известное дело, сразу насмех... Куда это годится?

— Да, это никуда не годится, — с усмешкой сказал Сергей. — Значит, надо отвечать так, чтобы никто не посмел смеяться...

— Тебе, вижу, смех, а у меня вот тут все это сидит, — Хворостянкин ударил кулаком в грудь, потом встал, надел полушубок. — Все одно рядом со всеми не сяду — так передай и Кондратьеву.

— Если сам не сядешь, заставим... Применим субординацию.

— Силой меня обучить нельзя.

— Да, Татьяна Николаевна права, подковать тебя нужно, а то споткнешься.

Хворостянкин злился и не хотел отвечать. Он торопливо примостил на голову папаху, сердито покосился на Сергея, видимо, намереваясь что-то сказать, но в это время в кабинет вошли Костя Панкратов и Кондратьев. Хворостянкин кивком головы поздоровался и, не надевая бурки, торопливо вышел.

— Сергей Тимофеевич, я не опоздал? — звонким голосом спросил Костя, поправляя на голове кубанку, из-под которой на лоб спадал влажный белесый чуб. — Вот погодка для озими!

— Ну, как наш «перестроившийся»? — спросил Кондратьев, обращаясь к Сергею и кивком головы указывая на стоявшую у дверей бурку Хворостянкина. — Беседовали?

— Был разговор, и весьма откровенный... Я тебе потом подробно расскажу.

— Я догадываюсь: учиться не хочет? — Кондратьев внимательно посмотрел на бурку, как бы желая на ее месте увидеть Хворостянкина. — Мне думается, что об этом новом виде увиливания от учебы надо поведать Стегачеву да и подсказать ему кое-какие мысли.

— Я с ним поговорю.

— Надо выступить в газете, потому что Хворостянкин не одинок, — Кондратьев снова стал рассматривать стоявшую бурку, как будто это был сам Хворостянкин. — У меня есть два заявления: одно прислал Скиба, а другое — Волошин из колхоза «Свобода». Оба председатели, и оба категорически отказываются посещать технические курсы. И ты думаешь, какие мотивы? Очень простые: колхозом можно руководить, не зная электричества... Эту «теорийку» надо уничтожить в самом ее зародыше, а имена ее носителей предать огласке.

Кондратьев еще раз посмотрел на бурку, прислушался, как бы поджидая ответа, затем подумал и сказал:

— Ну, о газете потом... А сейчас вот какая к тебе просьба. Скоро придет сюда Прохор Ненашев. Он специально приехал в Рощенскую. Я с ним беседовал и послал к тебе. Ненашев предлагает послать на фермы бригаду электриков — хотя бы двух человек — и этим ускорить монтажные работы. Он изъявляет желание ехать сам и просит себе в помощники знаешь кого? Ирину... Это уж я не знаю, поедет ли твоя жена или кто другой, но послать людей нужно. Вот я и прошу: обсудите этот вопрос вместе с Прохором на совещании.

Сергей утвердительно кивнул головой, а потом вынул из нагрудного кармана записную книжку и что-то пометил в ней, точно так же уверенно и спокойно, как это всегда делал Кондратьев.

— И еще запиши вот что, — с трудом сдерживая улыбку, сказал Кондратьев. — Ты этого молодца из «Дружбы» хорошо знаешь? — и он кивнул на Панкратова. — Ему нужна рекомендация для вступления в партию. Одна будет моя, и если ты дашь вторую, то третью он возьмет в комсомоле...

— Хорошо, я напишу, — сказал Сергей, снова что-то помечая в записной книжке.

— Ну, вот и отлично, — Кондратьев встал и обратился к Косте: — После совещания зайдешь ко мне и возьмешь анкету...

* * *

Совещание закончилось еще в полдень, и, хотя люди давно разъехались, Сергей задержался в исполкоме дотемна. Он и проголодался и знал, что дома его ждет хороший обед — сегодня Ирина была свободна от дежурства, — а уйти, хотя бы на время, не мог: удерживали всякие дела. То он писал рекомендацию Косте Панкратову, то разговаривал по телефону с Семеном, то подписывал протоколы исполкома... После этого более часа говорил с Виктором Грачевым — тот ездил в станицы по делам технических курсов и вернулся усталый, худой и промокший что называется до нитки.

— Ну, спасибо, Сережа, устроил ты мне службочку, — сказал он, приглаживая расческой мокрые темные волосы; по небритым, пепельно-серым щекам, по лбу стекали капельки. — Помню, ты обещал мне не жизнь, а настоящий рай...

— Да так оно и будет.

— Когда же?

— Скоро, — и Сергей, поглядывая на хмурое лицо друга, сочувственно усмехнулся. — Как построим коммунизм — и пожалуйста...

— Нет, ты без шуток. — Виктор вынул из кармана влажный платок и рывком, как бы со злостью, вытер лицо. — Строить коммунизм — дело хорошее, но создавать курсы в каждой станице — нелепость. Такой «учебный комбинат» нам не под силу. Ведь преподаватель я один — не разорваться же мне.

— Какой же выход? — спросил Сергей, сурово сдвинув брови.

— Выход простой: создать курсы только в Рощенской.

— А у тебя списки желающих учиться есть?

— В портфеле, если не промокли... А что?

— Сколько человек записалось, скажем, в Родниковской?

— Шестьдесят три.

— В Белой Мечети?

— Пятьдесят шесть.

— А всего?

— Ну, более трехсот, — неохотно ответил Виктор. — А что ж из этого?

— А то, Витя, что в Рощенской этих трехсот человек негде разместить, посадить: нет еще у нас такого класса, — да и приезжать им сюда будет куда сложнее, чем тебе к ним.

— Мы сами и виноваты, — бурчал Виктор, потирая ладонью небритые щеки. — Зачем объявили свободную запись? Обучали бы только руководителей, по списку.

Сергей встал, зажег свет и, подойдя к Виктору, сказал:

— Вот уж тут ты совсем неправ. Обучать по списку и одних руководителей — не в этом наша задача... Именно в том-то и главная суть, чтобы привить элементарные технические навыки как можно большему числу колхозников... Ты подумай и, я верю, поймешь. Ты устал, продрог, я понимаю, под дождем приятного мало, оттого и настроение у тебя чертовски плохое. Да, наверно, и голодный. — Он обнял друга за влажные теплые плечи. — Пойдем сейчас ко мне — у меня дома чудесный обед. Рюмка водки для тебя тоже найдется. Согреешься, отдохнешь, а потом мы поговорим, как лучше организовать работу курсов именно в каждой станице. И что за обед, если б ты только знал!.. Ну, пойдем!

Виктор не сказал ни слова и тяжело поднялся.

Предсказания Сергея оправдались. Ирина и в самом деле приготовила такой обед, какого Виктор, находясь на холостяцком положении,

давно уже не видел. Сперва на стол вместе с рюмкой водки для сердитого озябшего гостя были поданы овощи в разных видах: огурчики и свежие и малосольные — те, что еще пахнут укропом; помидоры неразрезанные, величиной с огромный кулак, сверху укрытые пучком зеленого лука; помидоры ранней засолки, свежие, свежие, «как яблочки», с тонкой и прозрачной коркой; снова помидоры свежие, но уже нарезанные на тарелку, с репчатым луком и яйцом, залитые подсолнечным маслом. После этого, распространяя по всей комнате сладкий душистый запах, появился борщ,— заметьте, именно тот румяный, добротно заправленный салом и луком украинский борщ, но уже приготовленный на чисто кубанский манер, в котором есть решительно все: начиная с доброго куска свинины и кончая фасолью и петрушкой. За борщом пошла курятина. Под конец Ирина принесла арбуз, и когда он развалился скибами по всему столу, удивительно сочный, с засахаренными семечками, Виктор весело посмотрел на хозяйку и сказал:

— А я не знал, Иринушка, что ты такая волшебница... Посидел у тебя за столом и сразу повеселел, настроение поднялось.

— Если у тебя будет плохое настроение, — ответила Ирина, краснея и пряча под фартук руки и этим как бы желая скрыть от Виктора свою уже заметную беременность, — то приходи к нам обедать.

— И верно, буду приходить.

— Пора бы, Виктор, и тебе обзавестись «волшебницей», — и Сергей ласково посмотрел на жену.

— «Волшебницы»-то бывают разные,— уже весело смеясь, сказал Виктор.

Пообедав, они уселись на диван и закурили. Некоторое время оба сидели молча, каждый раздумывая о своем. На дворе разгулялся ветер, за окном порывисто шумели голые деревья, навевая грусть, и время от времени жалобно поскрипывали ставни.

— Да, верно, надо бы обзавестись «волшебницей», — как бы о чем-то еще думая, заговорил Виктор и на полуслове умолк.

— Так что же мешает? — спросил Сергей.

— Соня тебя так любит, — вмешалась в разговор Ирина.

— Любит или ненавидит, не пойму. — Виктор ногтем сковырнул с папиросы пепел, а потом грустно посмотрел на Сергея и на Ирину. — Вы мои самые близкие друзья, и мне хочется поделиться с вами своими мыслями... Однажды я Соню оскорбил, так оскорбил, что мне и сейчас горестно об этом вспоминать... Оскорбил ни за что, и чувствую, что жить без нее мне скучно... С того времени, как я твердо решил остаться здесь, остаться не потому, что ты меня об этом просил, — это решение пришло, не знаю откуда и когда, — я много думал и теперь смотрю на жизнь какими-то другими глазами... Может быть, поэтому и все мои прежние отношения с Соней кажутся в ином освещении...

— А она говорила, что вы уже помирились, — вставила Ирина.

— Помирились? — Виктор болезненно скривился. — Верно, я пришел к ней — это было во время ее дежурства, — и не мириться, а просить прощенья... Она была рада, но в глазах ее не было того огонька, который я так хорошо знал; она делала вид, что ей очень весело, а я этому не верил. В душе она меня проклинала, и сквозь ее веселость проглядывали горькие слезы. — Виктор поднял голову, расправил плечи, набирая полную грудь воздуха. — Вот у вас все как-то так хорошо и просто — позавидуешь!

— Знаешь, Витя, в чем твоя беда? — сказал Сергей. — Только не обижайся: я говорю по-дружески.

— Говори, говори...

— Ты не любишь, а увлекаешься, а оттого и лезет тебе в голову всякая чепуха... А ты полюби Соню по-настоящему, то есть так полюби, чтобы ее лицо и ее улыбка, вся она всегда стояла перед тобой, да женись на ней, вот тогда и у вас все будет и просто и хорошо.

— Попробую...

Виктор тяжело вздохнул и склонил голову. Сергей поспешил перевести разговор на другую тему и сказал:

— Виктор, как ты думаешь, если бы нам в понедельник открыть курсы?

Виктор молчал, попрежнему низко склонив голову, и Сергей не мог понять, думает ли он в эту минуту о том, открывать ли в понедельник курсы или не открывать, а может, о том, жениться ли ему на Соне или не жениться.

— Дни, Виктор, с твоего согласия можно распределить так,— продолжал Сергей.— Начать хотя бы с Усть-Невинской — в районе это самая северная станица. Значит, так: в понедельник курсы работают в Усть-Невинской, во вторник — в Родниковской, в среду — в Белой Мечети, в четверг — в Яман-Джалге, в пятницу — в Краснокаменской, а в субботу — в Рощенской... Таким образом, за шесть дней ты объезжаешь по кругу весь район. Воскресение дается тебе на отдых и на возвращение из Рощенской снова в Усть-Невинскую, где ты в понедельник с новыми силами начинаешь ту же поездку. Ездить ты будешь на коне. Я уже договорился с Иваном Атамановым; он подберет на своем конзаводе для тебя хорошего скакуна с седлом и даже с буркой.

— Так вот почему, думая о своей новой работе, я часто видел себя не в кабинете, а на коне, — мечтательно проговорил Виктор, а потом резко встал. — Хорошо, Сережа, давай коня, седло, бурку — буду ездить по кругу... А сейчас я хочу спать... Еще раз благодарю «волшебницу»,— и он крепко пожал Ирине руку,— пойду спать... Очень хочу спать!

Виктор ушел, пообещав завтра зайти в исполком, чтобы детально поговорить об открытии курсов. Когда за ним закрылась дверь и через короткое время послышался скрип калитки, Ирина подошла к Сергею, посмотрела ему в глаза и сказала:

— Сережа, а мне его жалко. Какой-то он стал странный. Что-то в нем изменилось.

— Изменилось — это верно, и перемена эта к лучшему, таким он мне очень нравится. Ты заметила: он думает, рассуждает, у него заговорила совесть, а главное — теперь он уже не дерет нос... Нет, Витька — молодец! — воскликнул Сергей. — Триста человек курсантов! Да где же, в какое другое время здесь это делалось? Триста человек изучает электричество! И кто их обучает? Молодой инженер-электрик Виктор Грачев из Усть-Невинской... Да я тебе скажу, что этот наш Виктор еще и сам не понимает, какой геройский подвиг он совершает...

— Сережа, а как ты думаешь: Соню он любит? — Лицо Ирины, пополневшее, со следами выступившей черноты на верхней губе, расплылось в доверчивой улыбке.

— Любит или не любит, не знаю; это не суть важно. Я знаю и твердо верю: с понедельника откроются курсы в шести станицах — и этому радуюсь. — Сергей сел на диван и усадил подле себя Ирину. — Оставим Виктора и поговорим о тебе... Должен сообщить тебе одну очень важную новость.

— Нет, погоди, новость потом, — перебила Ирина. — Учебники достал?

— Не смог, — угрюмо проговорил Сергей. — Я даже себе в книжку записал, заходил в школу, в районо — и нигде ничего нет.

— А как же без учебников?

— Будут, но не сразу, — уверил Сергей и, приглаживая на голове волосы растопыренными пальцами, сказал: — А новости такие. Было у меня короткое совещание. Говорили о том, чтобы быстрее установить на фермах закупленную аппаратуру. Нужна помощь специалистов, и вот Прохор Ненашев предложил послать бригаду электриков. Его поддержали... В чем беда с этими установками? — пояснял Сергей, как бы боясь того, что Ирина не поймет его, зачем нужно посылать помощь. — Нужно установить электромоторы, которые нагнетали бы воздух... На совещании высказали такое пожелание — ехать Прохору и тебе... Видишь, какая новость... Поедешь?

— Поеду, — смело ответила Ирина. — А куда?

— В «Красный кавалерист», в «Светлый путь» и еще во «Власть Советов».

— Когда же выезжать?

— Хоть завтра.

— О! Мы с дядей Прохором наведем порядки, — Ирина встала и подошла к полочке с книгами. — Кажется, я видела здесь брошюрку по механизации ферм... Она бы нам пригодилась.

Ирина просматривала книги, а Сергей глядел на нее и опять, как уже много раз, замечал в ее внешности какую-то странную, непривычную для него перемену. Он хорошо понимал, что причиной тут является не платье с крупными белыми и синими клеточками, нарочно сшитое с напуском спереди и с широкими боками, а сама беременность: когда молодая женщина расцветает от внутреннего счастья и бывает красива именно потому, что готовится стать матерью. Эта особенная красота пришла как-то сразу, и от прежней Ирины почти ничего не осталось. Она стала и полнее и выше ростом; походка ее была мягкая, движения осторожные; лицо подобрело, налилось здоровьем, хотя кое-где на нем и лежали темные метки. Сергей внимательно всматривался в жену, и его ласковые глаза спрашивали: почему ты такая? Вижу, и пополнела, и похорошела, и самочувствие у тебя отличное; но, может быть, все же следует поберечься, может быть, уже нельзя тебе ездить по району?

— И чего ты так смотришь? — спросила Ирина, подходя с брошюрой.— Или не узнаешь?

— Узнаю,— улыбаясь, отвечал Сергей,— но ты каждый день все меняешься.

— И буду меняться,— счастливо смеясь, ответила Ирина и села на диван.— Сережа, вчера я была в консультации... Врач — женщина такая внимательная. Она мне очень советует находиться постоянно в движении... Так что эта поездка даже на пользу.

— Я тоже так считаю,— смущенно проговорил Сергей, беря из рук жены брошюру. — А ну, что тут пишут о механизации ферм?

И они склонились над раскрытыми листами.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Слава Отечеству и вождю!

В Москве выпущен сборник литературных произведений, изданный к выборам в Верховный Совет СССР. В книгу вошли стихи, литературные отрывки и публицистические очерки известных писателей столицы, а также братских советских республик, объединенные одной благородной идеей — прославить нашу могучую Родину и ее великого вождя. Патриотическое звучание книги накануне выборов, в момент, когда весь советский народ охвачен единым порывом и едиными чувствами, особенно велико.

Выражая эти чувства советских людей, самое сердечное свое слово авторы сборника посвящают творцу и вдохновителю наших побед великому Сталину:

Готовясь к славной всенародной
дате,
Друзья мои, я думаю не раз
О Сталине, о первом депутате,
Чье имя стало знаменем для нас.
Он — правда наша, наш оплот
и сила,
Он — совесть наша, разум и закон...
Друзья мои! А что ж бы с нами
было,
Когда б не Сталин, если бы не он?

Так пишет поэт Михаил Исаковский, одновременно и приближая нас к тому торжественному часу, когда с думой о Сталине народ пойдет выбирать своих депутатов, и возвращая мысленно к тем грозным для всего человечества дням, когда великий Сталин нашел в себе силы и волю отвести от народов лихую беду. Сталин вернул земле и мир, и свет, и жизнь. Сталин вернул людям и радость, и труд, и счастье мирных побед.

И потому я с радостью большою,
Друзья мои, заветной даты жду,
И потому всем сердцем и душою
Голосовать за Сталина пойду.

Славим Отечество. Писатели к выборам в Верховный Совет СССР. Сборник. Издательство «Советский писатель». 1950. 240 стр. Цена 5 руб.

Вождь и народ неотделимы. Все самые высокие подвиги народа, все самые большие его жизненные надежды, так же, как и все лучшие помыслы и желания людей, связаны с именем вождя. Эта мысль звучит почти во всех произведениях сборника:

В нем
наша гордость
и честь,
с ним
наша сила и слава;
дело избрания — есть
наше
великое право!—

горячо восклицает поэт Николай Асеев.

Чего бы ни коснулись мы,
О чем бы ни мечтали,
Все наши мысли сплетены
С великим словом «Сталин»,—

пишет Вера Инбер. И то же самое с еще большей лирической теплотой выражает поэт Сергей Смирнов: «Любой из нас под Вашим взором рос». И в иной, публицистической форме говорит об этом писатель Федор Гладков, передавая чувства, обращенные к вождю строителями Днепрогэса, рабочими Урала во время войны, жителями освобожденной Болгарии:

«Сталин с нами всюду — простой, мудрый, великий, вмещающий в себе мысли и сердца миллионов и озаряющий каждого из этих миллионов светом непобедимой правды. И никогда, кажется, люди не были так слиты друг с другом в общей борьбе за победу, за сияющее будущее, как в наши изумительные дни строительства коммунизма».

Писатель Илья Эренбург еще более расширяет это единство сердец и мыслей рассказом о том, как, бывало, в различных чужих странах он, не зная ни языка, ни обычаев народа, с которым встречался, вдруг видел знакомый портрет, и все становилось понятным и близким. Сталин роднил всех: и заполярного лапландца, и юношу из Мадрида, и албанского горца, и негра, и грека, и поэта-изгнанника Пабло Неруду, и польского крестьянина, сажавшего в честь Сталина яблони, потому что он верил: Сталин даст людям мир.

И каждый думал:
на земной планете
На страже мира — Сталина друзья.
Народные простые силы эти
Ничем разъединить уже нельзя!

Приведенные строчки из стихотворения Михаила Луконина как бы заключают тему единения всех простых людей на земле вокруг знамени свободы и мира, поднятого вождем прогрессивного человечества великим Сталиным. И самой могучей силой в этом тесном союзе являются морально-политическое единство и дружба советских народов, передового отряда в борьбе за мир и прогресс.

«Пою мое Отечество»— так можно озаглавить второй раздел сборника. Эти пафосные слова Маяковского перекликаются с его исполненными величайшей патриотической гордости строчками из «Стихов о советском паспорте»:

Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского союза.

Страстное, исполненное больших чувств и глубоких размышлений «Слово о Родине» Михаила Шолохова; простые, но содержательные «Мысли о советской демократии» Мариэтты Шагинян; патриотические стихи Константина Симонова «Родина», Максима Рыльского «Советскому гражданину», Александра Прокофьева «О тебе, Страна Советов» и другие составляют содержание раздела, являясь прямым продолжением темы о вожде и его трудах во славу Отчизны.

Народ, ведомый партией и вождем, создает все богатства и все могущество Родины. О новом советском человеке — строителе коммунизма, творце и созидателе всех материальных и духовных ценностей — также говорится в сборнике. О нем идет речь в «Разговоре о новом» Семена Бабаевского, в очерках Петра Павленко «В долинах Качи и Альмы», Анны Караваевой «Большая сила», Бориса Галина «Чувство нового» и других. Во всех этих очерках советские люди представлены такими, какие они есть,— простыми, благородными, скромными, преданными долгу, воодушевленными великим чувством благодарности своей партии и своему вождю.

О дружбе народов рассказывают Всеволод Иванов, украинский писатель Олесь Гончар, белорусский писатель Якуб Колас, таджикский писатель Мирсаид Миршакар и другие литераторы братских республик.

Глубокая тема мужества и преданности советского человека-гражданина нашла свое сильное выражение в известных стихах Александра Твардовского «У нас в Союзе»:

Он — всюду он, в краю родных
полей
И в самой дальней дали
зарубежной,—
Он думает о Родине своей
Возвышенно, и преданно, и нежно.
Жизнь за нее отдаст, не дрогнув,
он,
За жизнь его стеною встанет.
Вот в кратком слове высший наш
закон,
Что начертал своей рукою Сталин.

Тема торжества справедливости, истинной народности советской демократии органически проходит через весь сборник. Она сливается с праздничностью самого дня выборов, всегда наполненного радостью и всенародным подъемом. В стихах Александра Яшина дается сцена села перед выборами:

— Торжества,— сказал,— такие
На земле не каждый год.
Пусть же видят, как в России
Выбирает власть народ.

Хорошо выразил чувства советских избирателей, отдающих свои голоса лучшим сынам и дочерям трудового народа, поэт Лев Ошанин в стихотворении «Верховный Совет».

Мы выберем тех, чья правдивая
жизнь
С народом неразделима,
Кто первым достоин войти
в коммунизм
За Сталиным нашим любимым.
Оглянемся мы на дорогу побед
И скажем, как в прошлые годы:
— Работай, наш славный
Верховный Совет,
На радость и счастье народа!

К. БУКОВСКИЙ

Правдивый голос

На плоском, как скатерть, берегу Северного моря, к востоку от пролива Па де Кале, лежит с виду тихая, идиллическая страна — Нидерланды. Иначе ее называют Голландией.

Голландский народ очень трудолюбив. В течение многих веков он боролся с морем и воздвигал дамбы и плотины, пядь за пядью отвоевывая у него землю.

Сколотить крупное состояние на этой сырой, как губка, земле, казалось бы, не так уж легко. Но маленькая Голландия издавна считается страной миллионеров. Их тут не один десяток и даже не одна сотня, а полторы тысячи! Сокровища в их сейфы текли издалека — из богатейших колоний в Индонезии, территория которых в 55 раз, а население вдевятеро больше самой Голландии. Суматра, Ява, Борнео, Целебес, половина Новой Гвинеи — почти вся островная Индия принадлежала Нидерландам, этой «маленькой стране с большим ртом».

Кофе и нефть, табак и каучук, сахар и олово, бокситы и пряности — всем этим владели не народы Индонезии, а голландские колонизаторы. Карл Маркс в «Капитале» подробно рассказал о том, какими предательствами, подлостями и убийствами установили голландцы свое господство на захваченных ими островах и какими чудовищными жестокостями оно поддерживалось. Он писал о грабежах и пытках, о похищении людей и о тайных тюрьмах, где специально выращивались рабы... Обо всем этом не принято было говорить в благочестивой, ханжеской Голландии. Стоны и крики туземцев, погибавших под бичом надсмотрщика, не доносились до тихой «страны тюльпанов».

МУЛЬТАТУЛИ. Избранные произведения. Издательство художественной литературы. 1949. Стр. 319. Цена 6 р.

Но среди тех, кто видел в туземцах живых, страдающих людей, был честный голландец Эдуард Деккер, сын капитана торгового судна. Юношей он покинул родину, уговорив отца отвезти его на острова Нидерландской Индии. Здесь он пробыл около двадцати лет и, начав службу мелким канцеляристом, стал впоследствии видным чиновником — ассистент-резидентом Лебака, одного из округов острова Ява.

Это был странный резидент: он всерьез считал туземцев людьми, восторгался их древней культурой, искусством, поэзией и изучил множество местных языков и наречий.

Вступая в должность резидента, Деккер, по заведенному обычаю, дал присягу заботиться о «младших братьях»— яванцах. И к странностям его относилось и то, что он всерьез принял слова этой присяги. Он писал гневные письма на родину, жаловался на притеснителей местного населения, пытался разоблачить своего непосредственного начальника... И, разумеется, потерпел поражение: беспокойного резидента сместили, понизили в должности, оклеветали, арестовали и выпустили ошельмованным. Он

вынужден был уехать в Голландию и там настойчиво добиваться личной реабилитации и помощи угнетенным «младшим братьям».

Деккер наивно полагал, что «гуманное» правительство ничего не знает о том, что творится в колониях, и лишь позже уяснил себе, что оно само потакает тем порядкам, против которых он восставал. Поняв это, бывший резидент прибегнул к помощи пера. Он решил написать правдивую книгу о тех ужасах, свидетелем которых был. Книгу Деккер писал в холодной мансарде, на шатком бочонке, заменявшем ему письменный стол.

...В те годы, когда Карл Маркс еще работал над первым томом «Капитала», в Голландии вышла книга безвестного писателя Мультатули. Живыми картинами горя, нищеты, подлости и вероломства, которые несет с собою капитализм, Мультатули словно иллюстрировал одну из глав бессмертного марксова труда.

В переводе с латинского Мультатули означает Многострадальный. Под этим псевдонимом выступил Эдуард Дауэс Деккер.

Книга называлась для того времени необычно: «Макс Хавелаар или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества». Необычна она была и по своей литературной форме — никто не мог определить, что это такое: роман, повесть, сатирический памфлет, мемуары или автобиография, хотя в книге присутствовали элементы всех этих жанров. Сам автор мало заботился о жанре книги, ее форме или стиле. Главное для него было, чтобы книгу прочли. «Я не стремился к тому, чтобы писать хорошо... Я хотел писать так, чтобы меня услышали; и как тот, кто кричит «держи вора!»— мало заботится о стиле своего импровизированного воззвания к публике, так и мне совершенно безразлично, как отнесутся к форме, с какой я выкрикнул свое: «держи вора!»

Воззвание Мультатули услышала вся Голландия. Автор не смягчал и не сгущал красок, он правдиво повествовал о тяжкой жизни яванцев, о своих бесплодных попытках добиться справедливости, высмеивал «добропорядочных» буржуа, продажных болтунов, прикрывавших циничный грабеж елейными проповедями о любви к ближнему. Писатель приводил неопровержимые факты и документы, и от этого книга становилась еще более убедительной.

Мультатули предупреждал, что господство голландцев может кончиться восстанием, если они не изменят своей бесчеловечной политики. Мультатули грозил, что если правительство не прислушается к его голосу, то он переведет свою книгу на те европейские языки, которые знает и которым еще может научиться, чтобы потребовать у Европы того, чего он напрасно искал в Нидерландах.

Голландские буржуа пытались заглушить голос «Макса Хавелаара». Они требовали от парламента привлечь дерзкого автора к ответу, скупали и уничтожали книгу, делали все возможное, чтобы затруднить ей доступ к читателям и особенно в Индонезию. Но «Макс Хавелаар» проник и туда. Книга продавалась тайно, и за нее платили огромные деньги.

Автора пытались перетянуть на свою сторону и консервативная и либеральная партии, чтобы использовать имя Мультатули, ставшее знаменитым. Но одинокий бунтарь понимал, что болтовня парламентских ораторов не поможет угнетенным народам, а разница в программах партии консерваторов и партии либералов заключается лишь в том, что «первая хочет как можно больше эксплоатировать Индию, а вторая... эксплоатировать Индию как можно больше».

С тех пор как был написан «Макс Хавелаар», прошло девяносто лет. Но книга эта доныне не утратила своего значения. Она остается тем же гневным обвинением колониальному режиму, в тисках которого живут еще многие угнетенные народы.

Иван СЕРГЕЕВ

ЧУКОТКА

Фото кинооператора Вяч. Гулина **Текст П. Кравченко**

В XVIII веке казак Борис Кузнецкий прожил среди чукчей два года.

«И то чукотское между самыми каменьями житье... самое уже последнее... коего едва ль в свете для человеческого жилья хуже быть может» — так подытожил Кузнецкий свои впечатления.

За восемнадцатым веком пришел девятнадцатый, потом наступил двадцатый... Житье чукчей не становилось лучше. Лишь появились американские хищники, они грабили население и истребляли у чукотских берегов морских зверей, обрекая чукчей и эскимосов на голод.

Но вот на Чукотку пришла советская власть. Ученые помогли чукчам разработать свою письменность. Родная власть дала охотникам школы и больницы, моторы и промысловый флот. Партия большевиков научила жителей Чукотки, как строить жизнь по-новому, вырастила из их среды энергичных организаторов, руководителей производства, воспитала кадры национальной интеллигенции. И жизнь на далекой Чукотке удивительно переменилась в очень короткий срок. Появились колхозы-миллионеры, крупные промышленные комбинаты, средние учебные заведения, культурные центры. Окрепло и широко развилось народное творчество.

На одной из сессий окружного Совета, проходившей в Анадырском доме культуры, выступил бывший кочевник Тальвавтын из колхоза-миллионера «Турваургын», Восточно-Тундровского района. Он сказал:

«Я прожил на свете много лет. И теперь мне кажется так: над всей нашей прошлой жизнью как будто лежал большой пласт снега и льда... А потом мы выбрались из-под него наверх, и теперь ни лед, ни снег не мешают нам глядеть далеко вперед. Мы живем совсем новой, интересной жизнью, а будет она еще лучше и интересней!»

1

Отец Николая Гиутегина был батраком у богатого оленевода. Перекочевывая со стадом на новое место, он искусно прожигал углем кость — оленью лопатку. След от угля должен был указать хозяину, куда кочует стадо. Другой письменности чукотские оленеводы и охотники не знали.

Николай Гиутегин (на переднем плане справа) в Анадырском педагогическом училище слушает лекцию о классиках русской литературы.

2

Курсант окружной сельскохозяйственной школы Кеутегин во время каникул сменил одежду студента на оленеводческую меховую, приехал к своим друзьям в стойбища анадырского колхоза имени Сталина и читает им газету. Заинтересовавшись свежими новостями, оленеводы даже забыли о чае.

3

— А горячий ли хлеб?

— Горячий.

— То-то! Надо руки погреть: застыли на холоде, а рукавицы дома забыл, — шутит охотник Тымнекергын с Верой Раутукуной, продавщицей уэлленского магазина.

4

Самая восточная точка Советской страны — мыс Дежнева. Сегодня добыча неплохая. Убитые моржи вытащены на льдину. Их надо побыстрее разделывать, время сейчас горячее!

5

В 1928 году Михаил Гаврилович Аристов привез на Чукотку первые десять моторов, установил их на вельботах и научил охотников, как с ними обращаться. Сейчас он руководит крупной моторно-зверобойной станцией. Шхунами, сейнерами, катерами управляют чукчи и эскимосы — многочисленные ученики Аристова.

— Смотрите, Михаил Гаврилович, туман расходится, не пора ли отправляться в плаванье? — говорит капитан катера Пильхуги.

6

Охотничья бригада коммуниста Хухынкауна из науканского колхоза «Светлый путь» третий год держит переходящее красное знамя Чукотского райкома ВКП(б) и райисполкома.

Лучший в бригаде стрелок Никуляк (справа) и его бригадир тщательно вглядываются в море. Опять, кажется, появились моржи!

7

Три неразлучные подруги — камчадалка Валя Косыгина, русская Тамара Кошеверова и чукчанка Валя Укутлю. Сейчас они учатся в шестом классе. А когда вырастут, будут врачами или геологами, учительницами или инженерами. Дорог впереди много, а возможности в Советской стране безграничны!

Сын Чукотки

Павел АНТОНОВ

Председатель исполкома Чукотского окружного Совета депутатов трудящихся товарищ Отке.

Не так уж много и лет прошло, но жизнь настолько переменилась, что охотники Уэлена успели позабыть фамилию того последнего американского купца, который очень нервничал перед своим отъездом с чукотского берега.

Мальчик Отке принес тогда этому купцу мешок утиного пера. Он с гордостью кинул свою ношу на прилавок и посмотрел на американца. Купец ходил по комнате, с трудом переставляя ноги, заложив руки за спину и похрустывая пальцами. Это означало, что он пьян и расстроен. Обратив, наконец, внимание на мальчика, он остановил на нем взгляд больших слинявших глаз и сказал внятно:

— Убирайся вон!

У мальчика немного задрожали губы, но прежде, чем заговорить, он выдержал требуемую приличием паузу.

— Ты сам просил приносить в лавку утиное перо. За это я хочу получить сахар и патроны. И еще муки для лепешек... — довольно твердо заявил Отке.

Американец соображал с трудом. Он стоял на месте, слегка раскачиваясь вперед и назад, вперед и назад, и пристально вглядывался в мальчика. Потом его нижняя губа свесилась вниз и поползла вправо. Купец улыбался. На обвисших щеках у него появились красные пятна.

— Строители новой жизни, — сказал он, и нижняя его губа скривилась еще больше.

Отке увидел, как американец вытащил руку из-за спины и протянул к нему короткий и толстый указательный палец:

— Ты тоже... строитель новой жизни?

Мальчик не понял вопроса, но на всякий случай утвердительно кивнул головой. Теперь и лоб у американца покраснел, а крупные зубы обнажились уже до самых десен.

— Мешок сюда! — приказал американец.

Мальчик снял мешок с прилавка и поставил перед купцом.

— Развяжи!

Отке быстро развязал ремень.

Купец обеими руками поднял мешок, перевернул его и надел на голову мальчику. Перья залепили глаза, рот и нос; с трудом высвободившись из мешка, Отке, весь облепленный перьями, бросился к выходу.

— Хо-хо-хо-хо! — слышалось сзади.— Строитель в утиных перьях!

Через несколько дней к уэленскому берегу подошла шхуна. Купец погрузил на нее все свои товары и много тюков с пушниной. Уезжая, он не отдал своих долгов чукотским охотникам. Грузная фигура этого заокеанского дельца хорошо запомнилась жителям Уэлена. И теперь, когда речь заходит об «американской цивилизации», Отке рассказывает своим слушателям об эпизоде с утиными перьями.

А в ту же самую весну в Уэлен приехали новые люди. С тех пор прошло больше двадцати лет, и до самого сорок шестого года Отке не встречал больше ни одного американца.

Эти два десятка лет совершенно перевернули весь уклад жизни чукотских охотников и оленеводов. А уклад строился веками, и сначала чукчи не всегда и не сразу могли понять: к добру ли неожиданные перемены? К чему, например, были небольшие, но тяжелые, блестящие диковинки с короткими крыльями? К чему надо было строить квадратные, высокие деревянные яранги со странными названиями: шко-ла, боль-ни-ца? Зачем Уэлену нужны две такие необычайно высокие и толстые палки, на которых протянута проволока? И что это за страшная птица, спустившаяся вдруг с неба? Стремглав разбегаясь от птицы во все стороны и прячась по домам, семьи морских охотников тревожились: к добру ли все это?

Но скоро стало совершенно очевидным, что вновь приехавшие люди, умевшие так громко смеяться, были настоящими друзьями. «Блестящие диковинки с крыльями» были установлены на байдарах и вельботах, и вдруг оказалось, что чукотские байдары и вельботы могут так быстро и с таким веселым шумом ходить по морю, что догнать уплывающих моржей теперь не представляло труда. Мяса в ярангах стало гораздо больше, голодовки прекратились. Это, конечно, было к добру.

Когда Эйнеуге сломал себе ногу, соседки собрались в яранге и громко выражали сочувствие его матери: охотник без ноги — не охотник, теперь семья пропадет! Но человек в смешных круглых очках положил Эйнеуге в больницу, и охотник через два месяца вышел оттуда прежним охотником. Будто никогда в его ноге и не было перелома! Все уэленцы поочереди ощупали ногу Эйнеуге и решили, что больница — это к добру!

А когда чукчи покатались на самолете и узнали, что длинные палки с проволокой — мач-ты — могут им сообщить, как успешно сегодня — именно сегодня — идет охота в отдаленном селении, до которого надо ехать много дней, чтобы узнать новости, то после этого почти все сомнения прекратились.

И все-таки главное оказалось даже не в этом. Самым главным было то, что прибывшие русские хотели лишь одного: чтобы чукчи сами побыстрее научились хорошо управлять своей жизнью: торговать, лечить людей, водить шхуны, катера и даже самолеты, передавать телеграммы и сообща добиваться, чтобы жизнь становилась каждый год лучше. И русские настаивали: обязательно надо учиться и учиться.

Чукчи начали учиться. Взрослые, кряхтя и смущенно пересмеиваясь, разглядывали в школах ликбеза карандаши, не понимая, каким образом короткие палочки, которые надо выводить на бумаге, помогут им овладеть тайнами мотора и лекарского искусства. А ребятишки и после школы стайками ходили за учителями, требуя новых и новых рассказов о жизни на Большой земле. Маленькие люди с выстриженными макушками, одетые в мохнатые кухлянки, уже не сомневались больше, что именно они должны стать подлинными хозяевами на советской земле. Они жадно приглядывались ко всему новому и перенимали все у приехавших друзей.

Отке, окончив начальную школу, поступил работать учеником-радистом. Он до сих пор не без гордости вспоминает о своем участии в спасении челюскинцев: не одну срочную правительственную телеграмму пришлось ему передать в далекий ледяной лагерь! Но и сдав экзамен на «морзиста», он сожалел, что знает слишком мало; попутно он изучал устройство дизельного мотора, заглядывал в кабины летчиков, с увлечением читал любую книгу, которая попадалась под руки. Вместе с другими молодыми ребятами он поехал строить Хатырскую культбазу. Там он работал воспитателем, учителем, изучил торговое дело.

А в 1936 году исполнилась его давнишняя мечта: наконец-то он должен поехать в Ленинград — учиться в Институте народов Севера! С небольшим мешочком за спиной он поднялся по трапу на борт парохода «Кама» и сразу же побежал осматривать машинное отделение. Он всюду чувствовал себя хозяином!

У одного из островов случилось несчастье: пароход потерпел крушение. Люди коекак выбрались на пустынный берег. Продуктов было мало; четыре экспедиции, отправленные на поиски жилья, вернулись ни с чем. Здесь Отке показал, что он неплохой хозяин в своей стране.

— Я северянин, — сказал он капитану: — Ориентироваться в тундре мне легче, чем другим.

Он тщательно подогнал свое снаряжение, взял сухарей и немного мяса и пошел в горы. Через несколько дней он вернулся в сопровождении местных жителей, доставивших оленей для питания людей, потерпевших бедствие. А вскоре другой пароход, вызванный на помощь, доставил спасенных в Петропавловск, а затем и во Владивосток. Оттуда Отке на поезде ехал через всю страну и не переставал шумно удивляться огромным ее размерам. В Ленинграде он самозабвенно и без конца ходил по улицам, мимо памятников и огромных домов, любовался мостами, заглядывался на машины, нередко по неопытности нарушал уличное движение, расспрашивал обо всем прохожих и иногда задавал себе волнующий вопрос:

— Да неужели все это мое?

И, видя, как тепло и по-товарищески относятся к нему люди, широко улыбался:

— Мое. Наше. Со-ветское!

Обратно на родную Чукотку он приехал с усилившимся во много раз беспокойным чувством хозяина. Он снова работал в торговой сети, продолжал учиться; любой непорядок в деле рассматривал, как личную обиду, а когда видел отсталость, сердился:

— Да разве можно жить теперь по-старому?

В годы войны с единодушного одобрения жителей района его избрали председателем Чукотского райисполкома. К этому времени Чукотку нельзя было узнать: колхозы-миллионеры, мощные предприятия, авиация, крупные порты совершенно изменили ее облик. Уже были чукчи-летчики, механики, радисты, медицинские работники, командиры производства; появились свои первые учителя: в Анадыре работало национальное педагогическое училище. Отке неустанно разъезжал по колхозам и предприятиям и вместе со своими товарищами вдохновенно строил новую Чукотку. Очень многому научила его партия. Хозяин ли он в своей стране? Этого вопроса давно уже не существовало для Отке. Он был весь охвачен огромной хозяйской ответственностью не только за судьбу страны, но и за судьбу мира, которая решалась тогда в кровопролитных сражениях; нужно было изо всех сил помогать фронту. Чукотский район удвоил количество добытой пушнины; на фронт шли чукотские меховые изделия, рыба. Чукотка тоже участвовала в разгроме врага!

Как и все советские люди, Отке к концу войны возмужал. Он теперь был уже опытным руководителем, отлично знающим свое дело, замечательным пропагандистом, умевшим вдохнуть в людей уверенность в то, что намеченная цель будет достигнута.

Но когда колхозники и рабочие Чукотки выдвинули в январе 1946 года его кандидатуру в Верховный Совет СССР от Чукотского национального округа, он все-таки немного растерялся: слишком огромной казалась ответственность.

— Справишься! — говорили ему колхозники и рабочие. — Поможем.

И на первой сессии Верховного Совета СССР в марте 1946 года в Большом Кремлев-

ском дворце Отке вместе с другими избранниками народа решал дела государственной важности.

В том же 1946 году у него произошел второй по счету разговор с еще одним представителем американских деловых кругов. Небезызвестный корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» мистер Аткинсон убедительно просил депутата Отке назначить время для встречи.

Встреча была назначена. В комнату вошел сухощавый, небольшого роста человек в роговых очках и обнажил в улыбке крупные зубы: он чрезвычайно рад видеть мистера Отке. Отке сдержанно приветствовал гостя. Гость рассыпался в сочувствиях:

— Насколько долгим и утомительным, вероятно, был путь господина депутата с далекой Чукотки на сессию в Москву!.. Кстати, знает ли господин депутат, что Чукотка лежит гораздо ближе к Вашингтону, чем к Москве?

Отке взглянул на раскрытую записную книжку посетителя. Вечное перо гостя матово блеснуло. Дуло самопишущей ручки по-бульдожьи уткнулось в бумагу.

— Видите ли, господин корреспондент, — медленно ответил Отке, — от Чукотки до Москвы 15 тысяч километров, а до Вашингтона, конечно, гораздо меньше. Но расстояния бывают разные. Очень велико расстояние между мыслями и чувствами людей, работающих на Чукотке, и замыслами людей, заседающих в Вашингтоне. И в этом смысле между Москвой и Чукоткой вообще нет расстояний. Вы поняли меня?.. Что касается пути, то путь на самолете в Москву у меня занял шесть суток.

Перо нерешительно покачалось над столом и снова уткнулось в бумагу.

— А знает ли мистер Отке, что расстояние от берегов Чукотки до берегов Аляски очень невелико?

— Меньше чем девяносто километров. В проливе есть два острова. Большой — советский, а малый — американский. Между ними всего три километра. Каждую весну на наш берег приезжали эскимосы с американского острова.

— Зачем?

— Просить керосин, мыло, спички... Они говорят: зимой американским компаниям невыгодно снабжать товарами островных эскимосов.

Корреспондент стал набивать свою трубку и, набивши, опять раздвинул губы. Он очень благодарен господину депутату за географические разъяснения. Эти разъяснения для него, корреспондента, — новость.

Добыча пушного зверя растет на Чукотке из года в год. Песцовые, лисьи, медвежьи шкуры надо хорошо обрабатывать и проветривать: страна должна получить пушнину высших сортов!

— Я очень рад, что сумел пополнить географические знания господина корреспондента, — вежливо ответил Отке.

Затем корреспондент расспрашивал, в каких увеселительных заведениях бывает господин депутат. Отке рассказал ему о новых постановках Большого и Малого театров, МХАТ. Аткинсон поинтересовался, сумел ли депутат добиться от правительства новой, еще более широкой помощи чукотскому населению? Отке сказал об эшелонах леса для строительства домиков чукчам, о крупных партиях культтоваров, продуктов, отличного охотничьего оружия, о новых зверобойных судах, которые идут к чукчам и эскимосам Азиатского побережья.

На весь Советский Союз славятся своим искусством чукотские художники-костерезы. Скульптурные изображения зверей, цветная гравировка и рельефная резьба на моржовых клыках исполнены с замечательным мастерством и отличаются большим художественным вкусом. Старый уэлленский мастер Гемауге больше всего любит вырезать из кости миниатюрные шхуны; в этом жанре он достиг совершенства.

Когда разговор зашел о строителях новой жизни, Отке хотелось рассказать Аткинсону, как двадцать лет назад другой американец перед тем, как вывалять мальчика в перьях, спрашивал у него: строитель ли он новой жизни? Но говорить об этом корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» было совершенно бесполезно, и депутат Верховного Совета СССР закончил аудиенцию. Мистер Аткинсон очень долго благодарил депутата и уверял, что завтра же он напишет о нем большую статью. Но, конечно, ни завтра, ни через два месяца никакой статьи в ньюйоркской газете не появилось.

Обогащенный новыми мыслями, родившимися у него во время заседания Верховного Совета, Отке вернулся домой и с новой энергией принялся работать. Его избрали председателем Окружного Совета депутатов трудящихся. Увлекаясь работой, он иногда горячился. Как-то осенью, приехав в Уэллен, он стал настаивать, чтобы охотники, все до единого, выехали изо всех близлежащих колхозов охотиться на моржовое лежбище. Тогда ему возразил охотник-отличник Унпенер.

— Мы тебя хорошо знаем, Отке. Ты нас очень многому научил за это время. И учил всегда смотреть вперед. Сейчас ты говоришь неверно, — Унпенер поднял бумагу и показал ее депутату: — Смотри. Под этим решением стоит твоя подпись. Это — решение о подготовке к пушной охоте. Если все поедем бить моржей, кто будет готовиться к песцовому промыслу? Не подготовишься к зиме, значит, убьешь меньше песцов. Ты сам тогда спросишь: где ваши песцы?

Отке подумал и... не побоялся признать свою ошибку. Посовещавшись, сумели расставить силы так, что людей хватило и на поездку на лежбище и на подготовку к пушному сезону. Закончив работу, он поблагодарил людей за науку, а охотники дали ему твердое обещание: оба плана будут перевыполнены. Уважение к своему депутату у охотников возросло еще более.

— А как же иначе? — сказал старый охотник Кагье. — Мы выбираем депутата, он должен нас учить и сам учиться у народа. А Отке тем и хорош, что живет нашими мыслями и не теряет связи с нами.

И когда вновь пришло время выдвигать своего кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, рабочие и колхозники Чукотки твердо решили:

— Выдвинуть кандидатуру товарища Отке.

АКТЕР-ГРАЖДАНИН

В Петрограде, в Мариинском театре шла опера Серова «Вражья сила». Еремку пел Шаляпин. На сцене балаганы, карусели, праздничная толпа, скоморохи, плясуны. Среди статистов, изображавших скоморохов, особенно потешал зрителей долговязый, комичный паренек. Обхватив себя длинными руками, повернувшись спиной к публике, он как бы боролся сам с собой. Делал он это так ловко, так комично, что приковал к себе взгляды всего зрительного зала. И сам Шаляпин, только что спевший «Широкую масленицу», с изумлением почувствовал, что он перестал быть центром внимания, что публика не сводит глаз с неизвестного статиста, изображающего скомороха.

Сначала великий певец разгневался и даже требовал убрать из театра юношу-статиста, дерзнувшего «переиграть» Шаляпина, но потом позвал его к себе и попросил повторить забавный трюк. С тех пор юноша-статист участвовал во многих оперных спектаклях на одних подмостках с Шаляпиным.

Этот юноша — ныне выдающийся артист советского театра Николай Константинович Черкасов — был свидетелем изумительного мастерства перевоплощения, которым неподражаемо владел Шаляпин.

Это же мастерство перевоплощения, проникновения в образ — одна из замечательных особенностей таланта народного артиста Союза ССР Николая Черкасова.

Поистине изумительна галлерея образов, созданных Черкасовым! В театре: Дон-Кихот, Осип в «Ревизоре» Гоголя, Иван Грозный, великий русский ученый Мичурин. В кинематографии: Паганель в «Детях капитана Гранта», профессор Полежаев, Александр Невский, А. М. Горький в кинофильме «Ленин в 1918 году» и снова царь Иван Грозный.

Какой широкий диапазон артистического дарования, какое искусство перевоплощения!

Рассказывают, что перед тем, как начать сниматься в фильме «Депутат Балтики», Николай Черкасов в гриме профессора Полежаева появлялся на улицах, ездил в трамвае, беседовал с прохожими, и никому не приходило в голову, что этот ворчливый старик-ученый — артист Черкасов. До такого совершенства были доведены грим, походка, пластический рисунок образа, изменен голос молодого артиста.

Черкасов не ищет легких побед. Создание каждого нового образа было для него серьезной творческой задачей, и решить эту задачу стоило немалого труда.

Уже в молодые годы Черкасов запечатлел рыцаря печального образа Дон-Кихота во всем его комичном обаянии и покорил сердца наших юных и взрослых зрителей.

Н. К. Черкасов избирает труднейшие и вместе с тем благодарнейшие роли героев, находящих отклик в сердцах современников, и именно это делает его любимым и популярнейшим артистом.

Артист понял величие и всю сложность характера царя Ивана Грозного; осознал значение, которое имело для советских зрителей появление в театре, на сцене русского ученого Мичурина.

Черкасов выступил в роли Мичурина в Ленинградском драматическом театре, на сцене которого играли такие таланты, как Давыдов, Варламов, Далматов. На сцене этого театра Черкасов воплотил сорок лет жизни Мичурина, благороднейшего русского ученого, патриота. Зритель увидел великого ученого в пору его зрелости, затем восьмидесятилетним стариком, сохранившим, однако, весь пламень, весь благородный дух советского гражданина, сына своей родины...

«Благословенны имена, приведшие меня на великий праздник: Ленин и Сталин. Спасибо, великие люди. Спасибо, русская земля, — говорит Мичурин зрителям. — Через труд, ибо нет ничего вне труда, вижу будущее Родины, советской отчизны моей в цвету, и говорю — я счастлив...»

Благожелательно, заботливо-строго говорит Мичурин с молодежью, студентами, презрительно и гневно он обличает своего противника Карташева, с трогательной простотой, искренностью и глубоким уважением беседует с Михаилом Ивановичем Калининым.

Таков Черкасов в роли Мичурина. И когда подумаешь о том, что артист только вчера или два дня назад на этой же сцене играл Грозного, рисуя могучий облик государственного мужа, мудрого и решительного, страшного и справедливого в своем гневе, — понимаешь все своеобразие и силу дарования артиста.

Десятки тысяч зрителей видели Черкасова на сцене, в театре. Миллионы зрителей видели его на экране и полюбили в образе доблестного витязя русской земли князя Александра Невского.

Вспомним повелительный жест, грозный голос, богатырскую стать Александра Невского на льду Чудского озера перед битвой с псами-рыцарями. И вспомним профессора Полежаева, с его старческим голосом, его то суровый, то лукаво-шутливый взгляд из-под седых нависших бровей, речь Полежаева в Петросовете, когда старик-профессор, депутат Балтики, провожает питерских рабочих в бой за родной Петроград...

Представив себе эти два таких разных, таких сильных образа, мы оценим искусство перевоплощения выдающегося артиста нашего времени Николая Черкасова.

Одной из труднейших ролей, сыгранных им в кино, была роль Алексея Максимовича Горького. Разумеется, трудно передать все своеобразие речи Алексея Максимовича, его волжский говорок, интонации неповторимого горьковского юмора, но Черкасову удалось приблизиться к созданию образа Горького, и он не остановится на достигнутом. Сыграть нашего великого писателя не в эпизодической, а в главной роли — мечта артиста, правда, пока еще не осуществленная.

Артист, создающий на сцене и в кино такие сложные, воодушевляющие зрителей образы, должен проникнуться высокими идеями, которые вдохновляли эти могучие характеры. Только артист-гражданин может сыграть проникновенно и глубоко Мичурина и Александра Невского, Горького и Ивана Грозного. Иными словами, это должен быть мыслящий художник, воспитанный партией Ленина — Сталина, верный сын отечества, не замыкающийся в своей творческой лаборатории, а живущий одной жизнью с народом. И наш народ знает, что Черкасов — артист-гражданин, что он с гордостью и сознанием высокого долга несет обязанности депутата Верховного Совета Российской Федерации, что он истинный слуга народа.

Простота в обращении, демократизм, отзывчивость, скромность замечательного артиста известны всем, кому случалось встречаться с ним. Его патриотизм, чувство ответственности в творческой работе достойны глубокого уважения. И потому миллионы людей, которым довелось видеть его в театре и на экране, с глубоким удовлетворением прочитали сообщение о выдвижении Николая Константиновича Черкасова кандидатом в депутаты Верховного Совета Союза ССР.

Это — признание высоких заслуг артиста Черкасова перед Родиной, перед советским народом.

Лауреат Сталинской премии народный артист СССР Н. К. Черкасов.
Фото Дм. Бальтерманца

Л. НИКУЛИН

СТИЛЬ АТАКИ

Момент хоккейного матча между командами ЦДКА и «Динамо»

Фото В. Гребнева

М. МЕРЖАНОВ

Зимний день короток. Вечерние сумерки густеют, и над ледяным полем стадиона «Динамо» вспыхивают десятки огромных электрических ламп. Их лучи настолько ярки и сосредоточенны, что лед хоккейной площадки под их ударами сверкает, кажется прозрачным и напоминает внезапно замерзшее чистое и глубокое озеро.

Но это лишь в первый момент. Затем раздается свисток судьи, шайба, как яблоко раздора, кидается на центр поля, и люди, одетые в пестрые костюмы и вооруженные длинными клюшками, вступают в игру, которую скорей можно назвать спортивным боем.

И хотя страсть хоккеистов ограничена условными линиями, судейским свистком и реальными деревянными бортами по концам поля, все же бег, борьба за шайбу, передача, броски происходят в таком головокружительном темпе, какого не знают другие виды спорта. Скольжение умножает скорость бега, доводит его до предельной быстроты и тем определяет приемы и поведение игроков. Они вынуждены все свои действия клюшкой, комбинации, тактические задачи строго подчинять этому темпу, в ином случае шайба уйдет на клюшку соперника и атака оборвется.

Когда на мгновение закроешь глаза, то слышишь своеобразную музыку хоккея: лед поет под коньками, клюшки звучат, как клавиши ксилофона, а шайба мечется между людьми, шуршит и гулко бьется о борт. К этому нужно добавить судейскую сирену, гул трибун, то растущий, то падающий, глухие, но дружные рукоплескания в перчатках.

И нет уже чистого, сверкающего озера. Из-под коньков веером летит снежная пыль, а на льду остаются самые замысловатые линии, круги и узоры.

В ходе матча игроки хоккейной команды показывают скоростной бег на коньках (на самые короткие дистанции), фигурное катание, обманные движения футболистов, замах теннисистов, ловкость гимнастов.

Хоккеист — разносторонне развитый спортсмен. Он умеет сочетать игру корпусом, резкость, быстроту с плавностью и красотой движений. Игроки с такой легкостью ходят на коньках, так сжились с ними, словно они являются естественным продолжением ног, без которого движение невозможно. Рассказывают, что многие хоккеисты, сняв коньки, некоторое время ходят длинным скользящим шагом и с трудом привыкают к уличной дороге.

Хоккей с шайбой культивируется у нас недавно. Между тем он сделал заметные успехи, и уже дважды советские команды с честью выступали на международной арене: против «ЛТЦ — Прага», а также польских хоккеистов.

Быстрый рост этого вида спорта можно объяснить тем, что он родился на базе массового русского хоккея, который оказался хорошей подготовительной школой. Многие ныне первоклассные мастера начинали играть на больших полях, с мячом, а затем пришли к шайбе, на уменьшенные и ограниченные площадки.

Число команд, играющих в хоккей с шайбой, с каждым годом растет. В нынешнем сезоне в розыгрыше первенства страны принимали участие более тридцати команд, причем в группе сильнейших — двенадцать. В географии молодого хоккея появились такие города, как Новосибирск, Воронеж, Харьков, Горький.

Соревнование за первое место заметно осложнилось, ибо класс игры многих команд повысился. Если в прошлые годы борьба, по существу, шла между тремя — четырьмя коллективами, то теперь нужно приложить немало усилий, чтобы добиться победы над клубом, занимающим одно из последних мест в таблице розыгрыша.

Тем значительнее успех сплоченной команды ЦДКА, сумевшей третий раз подряд завоевать звание чемпиона страны.

Армейские хоккеисты исключительно ровно провели весь сезон, ни разу не уступив лидерства. Начиная с первой игры, когда ЦДКА одержал трудную, но красивую победу над «Спартаком» за двадцать секунд до конца матча, и кончая последними встречами сезона, армейцы всегда умели показать высокую технику владения клюшкой, мастерское обращение с шайбой, а главное, редкостную согласованность.

Вихревые атаки нападающих ЦДКА во главе с великолепным лидером Анатолием Тарасовым, их взаимопонимание и отличные броски надолго останутся в памяти зрителей.

В хоккее с шайбой всего три нападающих и два защитника. Но борты площадки являются верными и хорошими помощниками как в атаке, так и в обороне. Армейцы очень искусно пользуются ими. Ни один игрок так быстро и так расчетливо не вернет шайбу, как борт, «умеющий точно исполнять» закон физики — угол падения равен углу отражения. Недаром борт — крепкий деревянный забор, о который гулко бьются не только шайбы и клюшки, но и сами хоккеисты,— считается дополнительной «игровой мощностью» команд.

Коллектив не достигнет успеха, если не будет упорно работать над тактикой борьбы. В современном хоккее одного уменья гнать впереди себя шайбу, передавать ее партнеру и швырять в ворота недостаточно. Защитные игроки научились очень хорошо «читать» план атаки, а потому легко находят противоядие. Для победы нужно создавать новые комбинации, решать оригинальные тактические зада-

чи, проявлять изобретательность, творческую самодеятельность.

Лед, коньки, борт, длинные клюшки дают широкие возможности для маневра. Если в футболе комбинации атакующих ограничиваются несколькими передачами мяча, то в хоккее шайба в момент атаки много раз передается с клюшки на клюшку, а игроки летают по полю, беспрерывно меняясь местами. Искусство маневра едва ли не важнейшее на льду.

Нападающие команды ЦДКА, как, впрочем, и ее защитники, обладают драгоценным качеством «загораться» при виде шайбы и вести разнообразную по форме атаку до тех пор, пока шайба не влетит в сетку ворот, сигнальная лампочка не мигнет красным светом, а гул трибун не обрушится на площадку.

Нет надобности перечислять все тактические приемы армейских хоккеистов, но следует отметить их находчивость и уменье использовать не только ширину поля, но и глубину, то есть начинать атаку в своем тылу почти от своих ворот.

Тактические принципы команды-чемпиона построены на коллективных действиях игроков. Тонкая ткань хорошо продуманных, согласованных атак, передача шайбы в одно касание, выносливость игроков — это «механизмы» соревнования, неизменно несущие победу.

Быстро водить шайбу — увлекательное искусство и упоительное удовольствие. Но лишь тот, кто отказывается от индивидуальной манеры игры, кто умеет в нужный момент лишить себя этого удовольствия и откинуть шайбу партнеру, — лишь тот может рассчитывать на успех.

Содружество, товарищество, сплоченность — прекрасные черты команды ЦДКА. Временами похоже, что шайба, летающая с одной клюшки на другую, связана ниточкой. Согласованность действий кажется как бы «игрой по нотам», когда исключены неадресованные посылы шайб, неоправданная медлительность и манерность.

Стремительность атаки, ее коллективное начало можно назвать стилем команды.

За цифрами вбитых и пропущенных шайб виден большой труд коллектива. Здесь и тактические новинки, и тонкое техническое их исполнение, логическая последовательность передач, и напряженная атлетическая борьба, когда приходится блокировать соперника плечом, грудью, бедром. Но все это в строгих рамках, дозволенных правилами. В противном случае судья остановит матч, удалит с поля нарушителя и, подняв руку, покажет два пальца или всю пятерню. Это значит, что провинившийся должен просидеть на штрафной скамье две или пять минут. Тогда команда ведет борьбу без него, в ослабленном составе.

В нынешнем сезоне армейским хоккеистам не раз приходилось выдерживать матчи «высокого давления», отбивать яростные атаки, самим переходить в наступление, чтобы утвердить преимущество сохранить лидерство. Большую волю к победе показывали армейцы.

В послужном списке ЦДКА — выигрыши с крупным, даже с двухзначным числом. Больше ста десяти раз вратари нехотя доставали из глубины своих ворот забившуюся в угол шайбу. Она влетала от метких бросков капитана команды Анатолия Тарасова, влетала и от клюшек многих молодых хоккеистов.

ЦДКА вновь порадовал своей приверженностью к молодым спортсменам. Это стиль клуба. На ледяном поле мы видели плеяду старательно подготовленных игроков, которые хорошо владеют клюшкой, усвоили тактику большой скорости и маневра и свободно действуют на всей площадке.

Особенно радует нападающий Михаил Гащенков. Он быстр, напорист, находчив. Всего лишь второй сезон играет Гащенков в хоккей, а мастерство его не только оставляет приятное впечатление, но и выражается в реальных цифрах заброшенных им в чужие ворота шайб.

Точными бросками, хорошим пониманием игры отличается другой молодой игрок, горячий в атаках Владимир Елизаров. Его манера атаки напоминает стиль первоклассных хоккеистов.

Впервые в этом сезоне начал играть в хоккей и уже стал отличным защитником Николай Сологубов. Его поединок с Бобровым (против которого пришлось играть впервые) был красивым спортивным зрелищем. Н. Сологубов был хозяином на своей половине поля и лишил Боброва свободных действий у ворот ЦДКА и возможности добиться результата. Это редкий случай.

Среди способных молодых хоккеистов ЦДКА можно назвать Б. Бекяшева, Д. Уколова, А. Васильева. Вместе со старыми мастерами они составляют единый, спаянный коллектив.

Нынешней зимой в команде ЦДКА не играл один из сильнейших нападающих страны Всеволод Бобров, а коллектив побеждал. Почти всю вторую половину сезона не играл первоклассный хоккеист Евгений Бабич, а коллектив побеждал.

Жизнеспособные силы коллективной игры так велики, что никакие персональные замены или перестановки нестрашны. Это доказано и на футбольных полях и на ледяных площадках.

...На стадионе шум. Трибуны гудят. Остаются последние минуты матча. Елизаров получил шайбу от Тарасова, передал ее Гащенкову, пробежал вперед, перепрыгнул через клюшку, кем-то подставленную под конек, ловко ушел от чьего-то плеча, вновь принял шайбу и бросил ее в ворота.

Вспышка красной лампы. Свисток. Победа...

ЛЮДИ СОВЕТСКОГО СПОРТА

Врач Сергиев

Два конькобежца на старте привлекли внимание зрителей и еще в большей мере участников соревнования. Один из скороходов достиг пятидесяти лет, а другой был вдвое моложе.

В беге на 10 тысяч метров встретились два сибиряка: врач из Томска Федор Валерьянович Сергиев и студент Томского автодорожного института Юрий Головченко. Это происходило в 1948 году в городе Кирове в момент розыгрыша первенства страны по скоростному бегу на коньках. Интересное соревнование, полное напряжения и стремительности, выиграл Ф. В. Сергиев. Он показал отличный результат — 18 минут 2,7 секунды.

Москвичи увидели Федора Валерьяновича и на розыгрыше первенства СССР прошлого года.

Юрий Головченко за два года вырос в замечательного мастера-скорохода. Он завоевал звание абсолютного чемпиона СССР на 1950 год.

В дни, когда москвичи на стадионе «Динамо» любовались выступлениями сильнейших конькобежцев страны, пришла весть из столицы Казахстана: на катке Алма-Аты дважды был обновлен рекорд республики в беге на 5 тысяч метров. Рекордсмен завоевал также звание абсолютного чемпиона республики, причем с такой суммой очков, с какой не стыдно было бы выступать и на первенстве Советского Союза. Этим победителем был 52-летний Федор Валерьянович Сергиев — ныне житель Алма-Аты, врач и преподаватель Казахского института физкультуры.

Г. ТИНОВИЦКИЙ

Врач Ф. В. Сергиев на дистанции.
Фото Н. Волкова

Тренер и капитан команды ЦДКА заслуженный мастер спорта А. Тарасов.

ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОГО СПОРТА

Верхом в Париж

Шестьдесят лет назад внимание всех любителей конного спорта привлекло необычайное путешествие в Париж, совершенное молодым русским офицером М. В. Асеевым из города Лубен, Полтавской губернии.

История этого путешествия такова. Как-то во время осенних маневров офицеры 26-го драгунского полка, квартировавшего в Лубнах, заговорили о высоких качествах русских лошадей и искусстве наших всадников. Нашлись, однако, люди, утверждавшие, что за границей есть кавалеристы получше русских.

— Вот лет пятнадцать назад,— вспомнил один из присутствующих,— какой-то венгерец проехал верхом из Вены в Париж!

— Да я больше сделаю! Я поеду в Париж верхом из Лубен!— спокойно заметил корнет М. Асеев.

Все подняли его на смех, считая, что столь длительного и трудного путешествия не выдержат ни лошади, ни всадник. Но Асеев упорно настаивал на своем, и притом утверждал, что может доехать до Парижа на двух обычных строевых лошадях.

Молодой офицер выхлопотал себе отпуск и заграничный паспорт. В апреле 1889 года М. Асеев действительно выехал из Лубен в Париж верхом на лошади, а вторая, запасная, шла за ним на поводу

Маршрут Асеева лежал через Киев — Львов — Краков — Северную Баварию — Трир — Люксембург — Реймс. Смелому кавалеристу предстояло покрыть путь протяжением свыше 2600 километров.

Первые дни Асеев совершал переходы примерно по 50 километров, а затем увеличил их до 80 и 90 километров. Ехал Асеев попеременно то рысью, то шагом, со средней скоростью 11 километров в час.

Наиболее трудными участками маршрута оказались гористые районы Баварии и Австрии.

Границу Франции М. Асеев пересек ровно через месяц после выезда из Лубен. Еще через два дня он достиг цели своего путешествия. Парижане устроили отважному русскому спортсмену восторженную встречу. Имя Асеева долго не сходило со страниц французских газет.

БУДУЩИЙ МЭР БЭЙСВИПА

Ричард САЛЛИВЭН

В своем недавно изданном романе «Первый гражданин», отрывок из которого печатается ниже, американский писатель Ричард Салливэн описывает жизнь и деятельность хозяев — «первых граждан» — маленького городка Бэйсвипа. В центре романа пройдоха-делец Кингслей Бонд.

В эту пору его жизни — ему стукнуло сорок восемь лет — Кингслея Бонда нередко называли самым большим негодяем во всем Бэйсвипе. Поговаривали, что если бы даже сам господь бог просрочил Бонду платеж по закладной, то сей джентльмен не преминул бы продать господни владения с молотка.

Впрочем, нельзя было не согласиться, что Бонд — мужчина сообразительный. Он явно шел в гору. А разве не радуется сердце американца, когда он видит, как человек, стоявший на самом низу общественной лестницы, поднимается до ее верхушки, от нищеты приходит к богатству, от неизвестности — к почетному положению?! Карьера Кингслея Бонда как бы подтверждала обоснованность веры в блестящие возможности, предоставляющиеся каждому добропорядочному и ловкому американцу. Эта карьера доказывала, что перед предприимчивым человеком в Америке открыты все пути.

И в самом деле, у Бонда теперь уже было два собственных автомобиля, и он являлся владельцем особняка, который меньше чем за двадцать пять тысяч долларов не выстроишь. Впрочем, Бонд, будучи человеком сообразительным, не заплатил даже и половины этой суммы: он просто воспользовался случаем и прижал к стенке прежнего владельца особняка, имевшего несчастье взять деньги под закладную.

Бонд был женат на женщине из почтенного семейства, и у него была красивая и воспитанная взрослая дочь. Несколько лет тому назад он пережил ужасную трагедию, потеряв при автомобильной катастрофе другую дочь.

Порою собеседники Бонда говорили ему, что его жизненный путь может служить вдохновляющим примером для всякого. Это только вызывало у Кингслея Бонда скромное признание, что он добился всего собственным тяжким трудом.

* * *

Кингслей впервые появился в Бэйсвипе двадцатилетним юношей. После нескольких лет работы в конторе часового завода Кингслей стал мелким служащим в управлении городских школ. Здесь главным его достижением было то, что он познакомился с дочерью своего патрона Уной Дэйли. В конце концов Уна стала женой Кингслея Бонда.

Некоторое время Бонд работал секретарем местного шерифа, потом много лет простоял за прилавком в разных магазинах. Служил он также конторщиком на заводах. Бонд никогда не шел в цех, его тянуло именно в контору. «Нет, не умею я обращаться с инструментами», — говаривал он с улыбкой, которая должна была навести слушателей на мысль, что Бонду уготовлена провидением деятельность более высокого рода, что он должен управлять людьми.

Стремясь продвинуться в деловом мире, Кингслей поступил на заочные курсы и прошел такие предметы, как «коммерческая практика», «запоминание фамилий», «универсальное самоусовершенствование». Когда в Бэйсвипе появлялись заезжие лекторы, выступавшие с беседами, например, на темы «Уменье продать себя» или «Больше наживы для всех», то Бонда всегда можно было встретить среди слушателей. Однажды он абонировался на цикл из шести лекций некоего чикагского профессора, который приезжал в Бэйсвип по средам и поучал избранную аудиторию умению добиться личного успеха в двадцатом веке. Бэйсвипские бизнесмены более старого поколения, вероятно, сочли бы профессора просто шарлатаном. Но отношение к лектору дельцов новой формации было иным, и Кингслей выразил его в следующих словах: «Если этот чикагский тип настолько ловок, что сумел выжать из меня двенадцать долларов за слушание его лекций, то, значит, есть чему у него поучиться».

Итак, Кингслей Бонд штудировал поучительные книжки, посещал лекции и послушно следовал советам специалистов в деле завоевания успеха. Кингслей изо всех сил старался понравиться каждому, кто мог быть ему полезен. И все же успех не шел к нему в руки: он попрежнему оставался рядовым, безвестным обитателем Бэйсвипа. Ему не удавалось скопить денег на собственный домик. Он не мог себе позволить одновременно иметь больше двух костюмов и одной пары приличной обуви. Нельзя было даже выкурить хорошую сигару без того, чтоб не испортить себе удовольствия мыслями об ее стоимости.

Кингслей Бонд, однако, не терял надежды. Он был уверен, что своего еще добьется...

Однажды летним вечером он повез семью на стареньком шевроле покататься за город. Незадолго перед тем прошел дождь, и водяные капли, похожие на стеклянные бусины, дрожали на листве деревьев в лиловом свете сумерек. Стемнело, в небе зажглись неяркие зеленоватые звезды. Кингслей был не в духе. Весь этот день он таскался по городу со списком жителей Бэйсвипа, задолжавших городским торговцам. Кингслей служил в то время сборщиком в инкассационном бюро Торговой палаты, которое занималось выколачиванием платежей по просроченным долговым обязательствам.

Рядом с Кингслеем сидела в машине его дочь Моника, а на заднем сиденье разместились жена и старшая дочь Элизабет.

Вначале Кингслей вел машину неспеша. Но на петлистом спуске к мосту через реку Черную он ускорил ход.

— Посмотри, какой туман... — тихо сказала Моника.

— Вовсе не туман, просто испарения от реки.

Голос у него был раздраженный. Он отвернулся от дочери, переключил мотор на бóльшую скорость и... на полном ходу врезался в стоявший у моста грузовик.

Все, что он успел запомнить, был красный свет маленького хвостового фонаря... Предотвратить страшного удара он уже не мог.

Сестра милосердия спросила:

— Ну, как вы себя чувствуете сегодня?

Уна и Элизабет стояли у постели и плакали.

— Где Моника?— спросил Кингслей.

— Она не придет. Моника... — по их виду Кингслей понял, что Моники нет, что она мертва, и удивился собственному безразличию: он не почувствовал ни боли, ни скорби.

Впрочем, иногда в последующие дни мысль о том, что именно он виноват в гибели дочери, доходила до его сознания. Но он тут же гнал эту мысль прочь. Не в характере Кингслея Бонда было заниматься самокопанием. Потерянного не воротить, что проку предаваться размышлениям о прошлом, на этом много не заработаешь! Важно решить, что делать дальше. И Кингслей Бонд принялся продумывать различные варианты иска, который он предъявит страховой компании за гибель дочери.

Наклевывалась прекрасная возможность. Только бы не упустить! В день, когда представитель страховой компании зашел в больницу для предварительной беседы с Бондом, тот разыграл бурную сцену.

— Уберите прочь с моих глаз этого человека! — неистовствовал Кингслей.

Больничные сестры испуганно решили, что больной впал в невменяемое состояние.

К тому времени, когда Бонд, слегка прихрамывая, вышел из больницы, у него уже было все продумано. В первый же вечер у себя дома он сказал жене и дочери:

— Нам поможет выиграть дело то, что закон требует установки световых сигналов вокруг машин, застрявших ночью на шоссе.

— Но ведь на этом грузовике горел сзади фонарь, — заметила Элизабет.

— Дорогая моя, на грузовике, от которого мы пострадали, не было никакого огня.

— Но мы с мамой ясно видели зажженный фонарь!

— Нет, — он решительно покачал головой.

— Кингслей... — вмешалась жена.

— Ты сидела сзади, — сказал ей Бонд, не повышая голоса, — вы обе сидели сзади. Хорошенько запомните это.

— Ведь я собственными глазами видела на машине красный огонек!

— Нет, ты не видела! — Бонд стукнул кулаком по столу.

— Папа...

— Молчи! Вести разговор со страховой компанией буду я один. Если вас начнут расспрашивать, вы были на заднем сиденье, понятно? Вы ничего не видели, ничего не знаете, и точка...

— Ладно, пускай так. Я буду молчать, — резко сказала Элизабет, сверкнув на отца злыми глазами, — но как бы мне хотелось пойти и заявить, что на грузовике горел красный свет, пока мой отец не разбил фонарь!

— Ш-ш, детка, так с отцом не разговаривают, — взмолилась Уна, не отрывая взгляда от пустого теперь места за столом, где обычно сидела Моника, — мы

должны быть дружными, это поможет нам перенести горе.

— Вот это верно, — обрадовался Кингслей.

Он потрепал Элизабет по плечу, улыбнулся обеим женщинам и заковылял к двери. Усевшись на ступеньке лестницы и мурлыча песенку, он принялся начищать до блеска свои изрядно потрепанные башмаки...

Сперва торг со страховой компанией носил довольно дружелюбный характер. Но по мере того, как переговоры затягивались, представители компании проявляли все большую нервозность. Заметив это, Бонд еще хладнокровнее стал на них нажимать.

— Ваше предложение не может быть принято всерьез, — говорил Бонд, держа сигару в руке, точно револьвер. — Нет, джентльмены, вы от меня так легко не откупитесь. Я назвал свою цифру, и вам придется на нее согласиться.

— Но это неслыханно! Такой суммы по иску этого рода наша компания никому не выплачивала!

Бонд повернулся и вышел. Нарочно задержавшись за дверью, он услыхал, как один из представителей страховой компании сказал другому:

— Такого напористого подлеца я еще никогда в своей жизни не встречал!

В этих злобных словах Бонд почувствовал нотки восхищения. И он пошел прочь, довольный собой...

Когда Кингслея Бонда пригласили наконец в страховую контору для вручения ему чека на двадцать тысяч долларов, на миг в его памяти всплыла Моника, и он подумал: «Дорого же ей обошелся этот чек».

Из страховой конторы Бонд поехал прямо в банк. Вид банковской книжки с записанным в ней новым сальдо — 20 177 долларов и 20 центов — заметно поднял в нем дух. «Что ж, начинаю в несколько позднем возрасте, только и всего. Эх, будь у меня капиталец пораньше, я бы...»

Из-за угла Южной улицы навстречу Бонду показался дюжий мужчина с бескровным лицом и расплюснутым носом.

— С добрым утром, мистер Вич, — подобострастно приветствовал его Кингслей Бонд.

Тот небрежно кивнул головой.

«Крупнейший подрядчик Бэйсвипа, один из самых влиятельных людей в городе, но теперь я могу разговаривать с ним как равный, — подумал Кингслей. — Он еще ничего не знает, никто еще ничего не знает, но с сегодняшнего дня все пойдет иначе»...

В дальнейшем на голову Кингслея Бонда сыпалось немало проклятий. Бонд успел далеко шагнуть вперед. Если за ним и водились темные дела, то, во всяком случае, он знал, как прятать концы в воду.

Чем только он не занимался! Через его руки проходили векселя, закладные, акции, и всегда в его пользу оставалась солидная доля. Он получал большие доходы и от фабрики мороженого, и от компании автомобильного транспорта, и от крупной фермы, причем он не был ни их владельцем, ни управляющим. Однако Бонд имел возможность распоряжаться финансовыми делами этих и разных других предприятий, и он хозяйничал в них обычно до тех пор, пока, уловив в воздухе опасность, не ретировался во-время. Ни в одно из контролируемых им предприятий Кингслей Бонд не вкладывал ни крупицы созидательного труда, но, тем не менее, извлекал из них большие барыши и богател изо дня в день.

Постепенно Кингслей Бонд приобрел известность в городе. Его имя все чаще встречалось в газетах. Он стал одним из ведущих дельцов Бэйсвипа.

* * *

И вот наконец пришел долгожданный час...

В майский вечер в доме Бонда зазвонил телефон. Кингслей ответил.

— Говорит Вич, П. Дж. Вич. У меня сидит один мой приятель. Он хочет с вами побеседовать. Скажите, Бонд, мы не очень расстроим ваши планы, если заглянем к вам через полчасика?

Сам П. Дж. Вич! В ожидании гостей Кингслей шагал по своему кабинету, жуя потухшую сигару.

— Вы ведь знакомы с Джеем Харкинсом, Бонд, — сказал Вич, входя в дом и показывая пальцем на кругленького человека, следовавшего за ним.

— Кто же не знает Харкинса? — осклабился Кингслей. — Мне кажется, я знаком с ним целую вечность, только в последние годы мы редко встречались. Прошу в гостиную.

— У Джея дело к вам, — сказал Вич.

Когда политический босс Бэйсвипа Харкинс уселся в кресло, он стал удивительно похож на сову. Даже рот он раскрывал как-то посовиному.

— Это конфиденциальный разговор, Бонд, — предупредил Харкинс.

— Понятно.

— Вам известно, что мы собирались снова выдвинуть Аллистера кандидатом в мэры?

— Слыхал такое. Он ваш человек, не правда ли?

— Был наш, — Харкинс сделал многозначительную гримасу, — а теперь нет.

— Вот как?

— В этом году мы не можем выдвинуть кандидатуру Аллистера. Хорошо, если не придется его выгнать до истечения полномочий, — Харкинс нагнулся поближе к Бонду. — Он уже неделю пьянствует, не приходя в себя...

— М-да, — промычал Кингслей. — Плохо ваше дело. Как бы вам не потонуть...

— Ничего, выплывем, — рассмеялся Вич. — Джей, расскажи ему, что ты задумал.

— Я тут прикидывал, Кингслей, — начал осторожно Харкинс. — Беседовал кое с кем и даже ездил третьего дня в столицу нашего штата.

Кингслей давно догадался, к чему клонят его гости. Сощурив глаза, с потухшей сигарой в зубах, он сидел, не шевелясь, прикидывая в уме, какие это может дать ему выгоды и нет ли здесь подвоха. Конечно, они не раскрывают ему всю правду об Аллистере.

— И вот я вспомнил про вас, Кингслей, — вкрадчиво продолжал Харкинс, — посоветовался с Вичем, поговорил с другими. Поскольку дело касается людей влиятельных, они за вас. Ну, а вы-то сами как относитесь к тому, чтобы занять место Аллистера?

— Я должен подумать, — ворчливо отозвался Кингслей. — Меня интересует, что меня ждет, кроме уймы работы. Какая мне будет от этого выгода?

Вич усмехнулся:

— Знали ли вы когда-нибудь такого мэра Бэйсвипа, который ушел бы со своего поста, не став богаче, чем был до избрания?

Кингслей скосил на него глаза:

— Могу я на это рассчитывать?

— А кроме того, — продолжал Вич, — ведь всю-то тяжелую работу берет на себя Харкинс.

— Послушать вас, так Кингслей Бонд — уже мэр Бэйсвипа, — пожал плечами Бонд. — А ведь выборы еще впереди. Допустим, я скажу «да». Но вопрос еще в том, как люди проголосуют!..

На лицах Вича и Харкинса появились одинаковые улыбки.

— Кингслей, за шестнадцать лет, что я здесь, — сказал Харкинс, — не было еще такого мэра, которого не я поставил бы на этот пост. Раз мы вас выдвигаем, значит, можете считать себя избранным. Вот и все. Верно я говорю, П. Дж.?

— Конечно, — подтвердил Вич, — если только исключить возможность всемирного потопа, землетрясения или иных актов вмешательства божия. Мы ведь не спрашиваем вас: «Согласны ли вы баллотироваться в мэры?», — а спрашиваем: «Согласны вы стать мэром?». Понятно, Бонд?

— Разумеется, вас еще нужно преподнести публике должным образом, — сказал Харкинс. — Вы будете выступать с речами, мы включим вас во всякие там комитеты и комиссии, чтоб вы были у всех на виду, разрекламируем в печати. Но это уж — мое дело, я сам сделаю все, что полагается. Только помните, это остается в тайне, пока мы не будем готовы. Мы действуем тихо, исподволь, до нужного момента.

— Хорошо, я согласен, — кивнул головой Кингслей. — Погляжу, что получится. Только предупреждаю, если я увижу, что мне это невыгодно...

— Чего там, будет выгодно! — прервал его Харкинс.

Уже уходя, он остановился в дверях и сказал:

— Не хотелось бы создавать у вас неправильного впечатления, Кингслей, но тут есть еще один маленький деловой вопросец: как насчет вашего вклада в общее дело, так сказать, посильной лепты?.. — он заухал по-совиному.

— Понимаю. Вам нужен чек. Одну минутку.

— Нет, нет. Только не чек. Прошу наличными. Не торопитесь, это можно сделать в ближайшие дни. Я только хочу, чтобы вы не позабыли... Что касается чеков, то беда с ними в том, что на них обязательно нужно что-нибудь написать. А в наши дни слишком много американцев, черт бы их подрал, стали грамотными!..

Сокращенный перевод с английского
В. ЛИМАНОВСКОЙ

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЮМОР

Граф Сфорца: — Известно, что наша внешняя политика совершенно независима.

Де Гаспери: — Как вы находите это, мистер Трумэн? Хорошо ли наше войско, вооруженное вами?

(«Вие нуове»)

Лимоны в каждой избе

Александр Акимович Кочнев, которого вы видите на снимке, работает в колхозе имени Тимирязева (Горьковская область) пчеловодом. Страстный любитель природы, он с увлечением выполняет в колхозе еще одну обязанность — цитрусовода. В колхозной конторе, в клубе, почти в каждой избе и даже в столярной мастерской мы обнаружили в разгар зимы лимонные деревья с сочными плодами.

Небольшие растения с красивой кроной вечнозеленых листьев, украшая жилища, приносят людям еще и прямую пользу.

По вкусу, аромату и величине лимоны из тимирязевского колхоза ничем не отличаются от лимонов, выращенных в естественных условиях субтропиков. Кочнев рассказал нам, что комнатные лимонные деревца хотя редко видят солнце, все же два — три раза в году приносят плоды. Факт удивительный: ведь садоводы и ученые считают лимон наиболее светолюбивой культурой из всех цитрусовых!

Лимоны, которые мы видели в колхозе, называют «павловскими». Лет сто назад некий кустарь из города Павлова на Оке завез с далекого Юга лимоны и попробовал у себя дома выращивать их семенами. Теперь тысячи любителей — рабочих и колхозников — Горьковской области размножают черенками превосходный «павловский» лимон.

Академик Т. Д. Лысенко придает большое значение «павловской» культуре лимона. С его точки зрения, «павловский» лимон представляет собой необычайную форму цитрусового растения, привыкшего существовать в условиях весьма скудного освещения.

Уход за растением прост и дешев. Этот лимон можно культивировать в заводских цехах, столовых, общежитиях, больницах, школах, домах отдыха, санаториях — всюду, где и зимой достаточно тепла. Границы распространения «павловского» лимона можно продвинуть далеко на север.

С. ХМЕЛЕВ

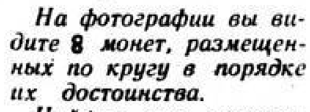

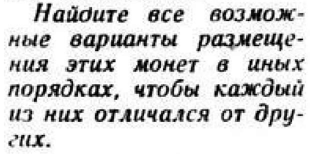
В СВОБОДНЫЕ МИНУТЫ

8 МОНЕТ

На фотографии вы видите 8 монет, размещенных по кругу в порядке их достоинства.

Найдите все возможные варианты размещения этих монет в иных порядках, чтобы каждый из них отличался от других.

Знаете ли вы, что...

...если корни и корешки одного большого куста озимой ржи вытянуть в одну линию, то получилась бы нить длиной свыше шестисот километров. Длина же образующихся на этих корешках корневых волосков, живущих не свыше суток, за время роста куста ржи составит более десяти тысяч километров, то есть больше расстояния от Москвы до Владивостока.

...бактерии в почве потребляют и перерабатывают за сутки различных веществ в несколько сот раз больше собственного веса.

...в одном грамме окультуренной подзолистой почвы (с клеверного поля) в средней полосе России насчитывается от 100 до 500 миллионов бактерий, а в грамме поливной сероземной почвы, например, с поля в Узбекистане, занятого люцерной, их еще больше — от 10 до 50 миллиардов штук.

...линейные молнии имеют напряжение в 50 миллионов и более вольт, а сила тока их доходит до 200 тысяч ампер, в то время как в линиях передачи электрической энергии используется напряжение лишь в десятки и сотни тысяч вольт, а сила тока измеряется всего сотнями или тысячами ампер.

...у некоторых рыб (электрических угрей и скатов) электрические органы имеют общее напряжение на полюсах до 400 вольт. Разряд такого тока опасен даже для людей и крупных животных.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

Куда идти? (№ 9)

Паровозные гудки слышны на расстоянии 7—10 километров, а ржание лошади и лай собаки на 2—3 километра. Следовательно, чтобы скорее добраться до жилья, надо было свернуть налево.

Бесцветные чернила (№ 9)

Угольный порошок хорошо адсорбирует (поглощает поверхностью) краски. Частицы угольного порошка, попав в чернила, адсорбировали краску, и чернила обесцветились.

Удивительная вода (№ 10)

В бидоне, повидимому, был жидкий воздух или жидкий кислород. Жидкий воздух сохраняется при температуре минус 192 градуса, жидкий кислород испаряется уже при температуре минус 183 градуса. Для них поверхность даже сильно охлажденной кастрюли — все равно, что раскаленная плита для обычной воды.

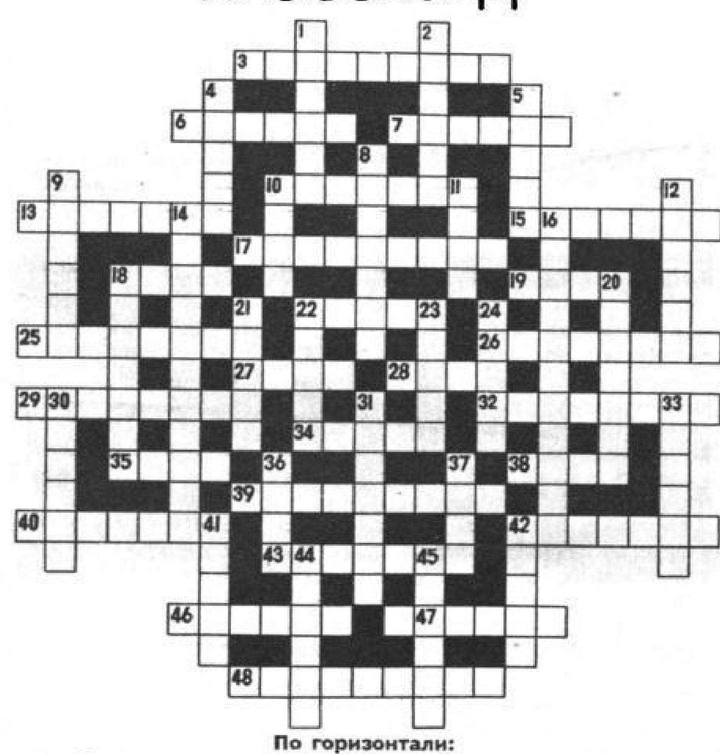
Гирька и пушинка (№ 10)

Это явление возможно в безвоздушном пространстве, когда полету тела не мешает атмосфера.

ЧТО ИЗОБРАЖЕНО НА ЭТИХ СНИМКАХ? (№ 10)

Это фотографии снежинок, сделанные через микроскоп. Можно сделать тысячи фотоснимков снежинок и не встретить повторения «рисунка», но одно неизменно: все они имеют форму шестиконечной звезды.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Член сельскохозяйственной артели. 6. Имя героини одного из романов Л. Толстого. 7. Близкие отношения. 10. Насекомое. 13. Отверстие в стене для стрельбы. 15. Русский шахматист. 17. Принадлежность врача. 18. Сильная жара. 19. Музыкальное произведение. 22. Принадлежность школьника. 25. Русский художник. 26. Часть верхней одежды. 27. Деление на круге компаса. 28. Часть дня. 29. Род путевки на курорт. 32. Содержание чего-нибудь в целости. 34. Промысловая специальность. 35. Изгиб реки. 38. Часть корабля. 39. Прибор для измерения скорости движения воды. 40. Искусственный водоем. 42. Чешский композитор. 43. Чувство удовлетворения. 46. Мышца. 47. Знак отличия 48. Краткое сообщение.

По вертикали:

1. Принадлежность хоккеиста. 2. Тонкая тесемка. 4 Игра. 5. Скрепление на бочке. 8. Архитектурное сооружение. 9. Химический элемент. 10. Высокие калоши. 11. Город на Дону. 12. Селение в Средней Азии. 14. Русский ученый. 16. Стадия капитализма. 18. Намерение. 20. Помост на верфях. 21. Напиток из кислого молока. 22. Нагорье в Средней Азии. 23. Открытый желоб. 24. Исторический период. 30. Сильный ветер. 31. Произведение Гончарова. 33. Правда. 36. Мера жидкости. 37. Произведение М. Горького. 41. Точка, противоположная зениту. 42. Часть форсунки. 44. Сосуд для хранения лекарства. 45. Спортивная специальность.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

7. Форпост. 8. Повесть. 13. Репродуктор. 14. Каблограмма. 16. Дружина. 17. Львенок. 18. Кировск. 21. Смысл. 22. Организация. 23. Газон. 26. Творожник. 28. Садовский. 29. Здравоохранение. 32. Режиссура. 34. Окантовка. 39. Порыв. 40. Свеклорезка. 41. Спрут. 44. Береста. 45. Эверест. 46. Прирост. 49. Консультант. 50. Темперамент. 51. Пианино. 52. Турбина.

По вертикали:

1. Содружество. 2. Впадина. 3. Осока. 4. Вобла. 5. Венгрия. 6. Страхование. 9. Теорема. 10. Кольраби. 11. Панорама. 12. Смыслов. 15. Пекин. 19. Гражданство. 20. Пиротехника. 24. Средник. 25. Эскимос. 27. Квота. 28. Сорго. 30. Безыменский. 31. Эксперимент. 33. Раковина. 35. Клейстер. 36. Кошевой. 37. Копра. 38. Курсант. 42. Сталино. 43. Прорубь. 47. Стена. 48. Опиум.

В НЕБЕСАХ НАД ФРАНЦИЕЙ

— Что это у них? Молния?
— Да нет: это просто статистика цен...

(«Франс нувель»)

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 00857. Подписано к печати 7/III—50 г. Изд. № 216. 5½ печ. л. Тираж 381 000. Заказ 546. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ДОЛЛАРОВАЯ АРХИТЕКТУРА

Рис. Ю. Ганфа

В Соединенных Штатах Америки все чаще раздаются голоса атомщиков о необходимости иметь кроме Вашингтона, так сказать, про запас, еще одну столицу. Художник Ю. Ганф предлагает свой проект такой внештатной столицы.

В центре — небольшое мрачное здание с двумя колоннами. Оно в случае нужды легко превращается в дот. Недостатка оружия в нем, конечно, не будет, поскольку владельцы здания по совместительству являются пушечными королями.

К ранее известным архитектурным стилям — византийскому, романскому, ампир, модерн и другим — прибавился еще один: лакейский (или холуйский). Четыре ярко выраженных образца построек этого стиля расположились вокруг главного здания и предназначены для представителей маршаллизованных стран. По соседству с хозяйским особняком находится специальное помещение для редакций Херста. У крыльца стоит некий транспорт, с помощью которого в редакцию доставляются свежие новости. Рядом ларек Чан Кай-ши. Ларек остался от тех невозвратных времен, когда битый «генералиссимус» продавал Китай оптом и в мелкую розницу. Прицеп к ларьку сделан недавно, в силу необходимости — негде хранить краденое.

Обращаем внимание читателей на небольшое уютное здание специальной конструкции, находящееся в левом углу. Верхние этажи свободны, так как обитатели этого дома предпочитают подвалы, подполье и другие места, куда не проникает дневной свет. Рядом, на переднем плане, сооруженное из обломков третьей империи временное помещение для представителей «боннского правительства».

В правом углу небольшой небоскреб военного министерства США стиля «берегись, прохожий!». Для того чтобы прыгающие из окон министры не сваливались на головы пешеходов, вокруг каждого этажа подвешены спасательные решетки. Спасательных приборов, избавляющих американцев от колоссальных расходов на вооружение, на этом доме не видно. На заднем плане, вверху, еще три дома. Слева бомбообразное здание для заседаний по обсуждению проблем, вытекающих из «мирного» Атлантического пакта. Для всех, кто считает, что этот пакт далеко не мирный, а также для тех, кто пробует поднять свой голос против заправил Уолл-стрита, приготовлен следующий дом. Оригинального в его конструкции ничего нет: подвал для «допросов» и верхние этажи с решетками на окнах. Поодаль расположено вместительное здание журнально-книжного комбината «Все для подрастающего поколения». Для удобства авторов источники вдохновения — морг, камера пыток, лаборатория ядов и другие — находятся тут же, в первом этаже. В этом же этаже размещена консультация, где самые лучшие гангстеры за сходную цену дают авторам советы.

И последнее — на фоне неба три птицы. Это орлы-стервятники. Зачем они летят сюда, известно: где царствует доллар, там всегда пахнет падалью!

Добро пожаловать!